

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 3 (9) 2015

**ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2015**

ББК 63.3(70)
И 14

Главный редактор
А.А. Орлов

Зам. гл. редактора *М.В. Ларионова*

Редакционный совет
*Н.Е. Аникеева, Е.М. Астахов, Е.Р. Воронин, А.Л. Зенькович, В.А. Иовенко, Л.С. Окунева,
Г.И. Поволоцкий, Г.С. Романова, С.М. Хенкин*

Председатель Научно-экспертного совета
А.В. Шестопал

Научно-экспертный совет
*В.М. Давыдов, А.И. Кузнецов, А.В. Мальгин, А.И. Подберезкин, А.В. Силантьев,
Н.А. Симония, А.В. Щетинин*

Ответственный редактор выпуска
Л.С. Окунева

Ибероамериканские тетради. Вып. 3 (9) / Гл. редактор *А.А. Орлов*, отв. редактор выпуска *Л.С. Окунева*. — М.: ИМИ МГИМО, 2015. — 149 с.

ISSN 2409-3416

В издании представлены статьи российских латиноамериканистов, посвященные анализу различных аспектов развития Латинской Америки наших дней: проблематике социально-политического развития, взаимодействия государства и гражданского общества, интеграционных процессов, отдельным проблемам современных международных отношений в странах континента; рассматривается латиноамериканский ракурс испанской миграции; исследуются вопросы компаративистики. Специальная рубрика посвящена анализу политических портретов латиноамериканских президентов.

Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО — Университета и осуществляется при финансовой поддержке банка «Сантандер Консьюмер Банк».

Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами стран Латинской Америки.

The publication presents the papers of the Russian latinoamericanists which deal with the various aspects of Latin America development nowadays: political processes, interaction between the state and civil society, integration processes, some problems of contemporary international relations in the region, themes of comparative study, Latin American trends of Spanish migration. Special section deals with the analysis of political portraits of Latin American Presidents.

This edition is a component of the complex program of the MGIMO — University research activities and is carried out with the financial support of Santander Consumer Bank.

The present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Latin America.

*Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.
Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.*

ISSN 2409-3416

ББК 63.3(70)
И 14

© МГИМО МИД России, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Окунева Л.С.</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>Визгунова Ю.И.</i> Гражданское общество и власть в Мексике: к новым формам взаимодействия	7
<i>Дьякова Л.В.</i> Современная политическая ситуация в Чили и правительство «нового большинства»	18
<i>Ермольева Э.Г., Кудярова Н.Ю.</i> Новая испанская эмиграция в исторической проекции и современной посткризисной реальности	25
<i>Кузнецов Д.А.</i> Особенности и перспективы латиноамериканской интеграции на современном этапе	37
<i>Мамаев К.А.</i> Изменения в межамериканской системе международных отношений под воздействием газовой революции в США.....	50
<i>Музыка А.А.</i> Влияние европейской и азиатской иммиграции XIX – начала XXI вв. на развитие Бразилии и проблема интеграции иммигрантов в бразильское общество	55
<i>Окунева Л.С.</i> Бразилия — Россия: схожесть, параллелизмы, расхождения. Парадоксы феномена переходности	68
<i>Хмелевская Н.Г.</i> Совместные механизмы резистентности к внешним шокам стран Латинской Америки: альтернативы и инновации	91
<i>Чекова Ж.М.</i> Реформа Совета Безопасности ООН как один из приоритетов международно-политической деятельности Бразилии	98
 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ	
<i>Дабагян Э.С.</i> Нестор Киршнер — выдающийся президент Аргентины XXI в.	110
<i>Дабагян Э.С.</i> Висенте Фокс: мексиканский президент времен кардинальных перемен	122
<i>Докучаева О.Н.</i> Политическая биография Хуана Доминго Перона (1895–1974)	135
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	146
ИТОГИ XXIII КОНКУРСА В МГИМО.....	147

CONTENTS

<i>Liudmila Okuneva</i> Preface	5
<i>Iulia Vizgunova</i> Civil society and state in Mexico: on the issue of the new forms of interaction	7
<i>Liudmila Diakova</i> The current political situation in Chile and the government of the «new majority»	18
<i>Eleonora Ermolieva, Nadezhda Kudayarova</i> The phenomenon of new Spanish emigration: its historical retrospect and present post-crisis reality	25
<i>Denis Kuznetsov</i> Current trends and prospects of Latin American integration	37
<i>Kirill Mamaev</i> Shifts in the inter-american system of international relations under the impact of shale gas revolution in the USA	50
<i>Anastasia Musyka</i> The impact of European and Asian immigration of the XIX—early XXI centuries on the development of Brazil and the challenge of integrating immigrants in Brazilian society	55
<i>Liudmila Okuneva</i> Brazil-Russia: similarities, parallels, differences. Paradoxes of the phenomenon of transition	68
<i>Natalia Khmelevskaya</i> The financial arrangements in Latin America to contribute to the shock resistance of member countries	91
<i>Joan Chekova</i> The reform of the UN Security Council as one of the priorities of the activity of Brazil at the international level	98
POLITICAL PORTRAITS	
<i>Emil Dabaguian</i> Nestor Kirchner — outstanding Argentine President of the XXI century	110
<i>Emil Dabaguian</i> Vicente Fox: Mexican President during the era of radical changes	122
<i>Olga Dokuchaeva</i> Political biography of Juan Domingo Perón (1895—1974)	135

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вниманию читателя очередной выпуск «Иberoамериканских тетрадей». Публикуемые статьи посвящены анализу самых разных аспектов социально-политических и финансово-экономических процессов в Латинской Америке наших дней. Особо рассмотрены столь актуально стоящие ныне вопросы миграции, а именно латиноамериканский ракурс испанской миграции. Отдельная статья посвящена особенностям компаративного анализа Бразилии и России — это своеобразный «ответ» на усиление исследовательского интереса к проблематике различных аспектов развития стран БРИКС.

Издавая наш еще совсем молодой, но уже получивший известность в академических кругах России и иberoамериканских государств журнал, мы стремимся вписать его в имеющую мощную интеллектуальную традицию российскую испанистику и латиноамериканистику, увязать новые, свежие исследования с предшествующими публикациями, создать «единую линию» преемственности современных и прошлых исследований. Тем более что проблемы, еще совсем недавно казавшиеся сугубо внутренними (как, например, терроризм, сепаратизм и др.), на наших глазах получают новое наполнение, выходя за рамки национальных государств и приобретая наднациональный характер [1]. При рассмотрении в настоящем номере журнала такой важной проблемы, как латиноамериканский ракурс испанской миграции, уместно вспомнить ведущиеся в МГИМО активные исследования испанской проблематики, имеющие самое непосредственное отношение к упомянутой тематике [2]. Важный момент мы усматриваем и в неразрывной связи испанской и латиноамериканской проблематики: подобно тому как эти две ипостаси иberoамериканского мира неразделимы в современной международной жизни и политике, такими же они должны предстать и на страницах наших «Тетрадей», призванных отражать реалии этого мира [3].

В данном выпуске мы продолжаем открытую в № 3 (5) за 2014 г. рубрику — «Политические портреты» [4]. Читатель найдет материалы о таких выдающихся латиноамериканских политиках XX — начала XXI вв., как Хуан Доминго Перон, Нестор Киршнер и Висенте Фокс.

Особенностью настоящего выпуска «Иberoамериканских тетрадей» является осязаемое присутствие на его страницах целой когорты молодых исследователей МГИМО. Это выпускники бакалавриата факультета международных отношений и магистратуры «Зарубежное регионоведение», защитившие свои квалификационные работы с самой высокой оценкой и получившие дипломы в 2015 г. В их первых публикациях, представленных вниманию читателя, либо рассмотрена проблематика, еще не получившая освещения в отечественной латиноамериканистике (влияние «энергетической революции» в США на Латинскую Америку, исторические и современные аспекты европейской и азиатской иммиграции в Бразилию, Бразилия и реформа ООН), либо уже известные и затрагивавшиеся на страницах журнала темы (интеграционные процессы в Латинской Америке) [5] поданы в новом ракурсе; и то, и другое важно в деле научного познания латиноамериканских реалий.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Аникеева Н.Е.* Актуальные проблемы Испании // Вестник МГИМО — Университета. — М.: МГИМО-Университет, 2014. № 6 (39). С.138—143; *Аникеева Н.Е.* Внешнеполитическая деятельность правительства М. Рахоя // Иberoамериканские тетради. — М.: МГИМО-

Университет, 2015. № 1 (7). С. 23–39; Орлов А.А. Историческая основа терроризма в Испании // Обозреватель – Observer. 2009. № 10 (237). С. 80–87; Орлов А.А. Терроризм в Испании: международный аспект // Обозреватель – Observer. 2009. № 11 (238). С. 65–73; Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании на современном этапе // Обозреватель – Observer. 2009. № 12 (239). С. 55–61; Орлов А.А. Отказ ЭТА от «вооруженной борьбы»: конец терроризма в Испании или новая передышка? // Вестник МГИМО – Университета. – М.: МГИМО-Университет, 2011. № 6 (21). С. 86–90; Орлов А.А. Глубинные исторические корни проблемы национализма и сепаратизма в современной Испании // Вестник МГИМО – Университета. – М.: МГИМО-Университет, 2013. № 4 (31). С. 177–186; Орлов А.А. Национализм в Каталонии – фактор риска для Испании // Обозреватель – Observer. 2010. № 11 (250). С. 108–120; Орлов А.А. Проблема сепаратизма на современном этапе. На примере Шотландии и Каталонии // Обозреватель – Observer. 2015. № 1 (300). С. 67–80; Хенкин С.М. Баскский конфликт в прошлом и настоящем // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 2; Хенкин С.М. Каталония: националисты усиливают позиции // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 1. С. 172–185; Хенкин С.М. Страна Басков: сдвиги в расстановке политических сил // Вестник МГИМО-Университета. – М.: МГИМО-Университет, 2011. № 4. С. 171–179; Хенкин С.М. ЭТА и испанская демократия // Вестник МГИМО-Университета. – М.: МГИМО-Университет, 2011. № 2. С. 75–81; Хенкин С.М. ЭТА: некоторые особенности психологии баскского терроризма // Россия – Испания – Ибероамерика. Перекрестный год сотрудничества. – М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 211–218; Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. – М.: МГИМО-Университет, 2011. 380 с.

[2] Орлов А.А. Единая и неделимая родина всех испанцев // Международная жизнь. 1998. № 7. С. 54–60; Орлов А.А. Иммиграционный бум. Где решение проблемы? // Международная жизнь. 2002. № 12. С. 79–88; Орлов А.А. Иммиграция на Пиренеях // Обозреватель – Observer. 2002. № 9–10 (152–153). С. 41–46.

[3] Орлов А.А. Ибероамериканский мир: некоторые особенности развития (обращение к читателям в форме размышлений) // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 1. С. 12–16; Орлов А.А. Испания – Латинская Америка: единство и борьба противоположностей // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2013. Вып. 2. С. 5–6; Орлов А.А. Латинская Америка: тенденции развития // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2015. Вып. 2 (8). С. 25–29.

[4] Первой в этом жанре в данной рубрике была опубликована статья: Окунева Л.С. «Человеческое измерение» политического лидерства: политико-психологические портреты президентов Бразилии (Л.И. Лула да Силва и Д. Руссефф) // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. № 3 (5). С. 142–197. В том же номере была опубликована примыкающая к данной рубрике статья О.Н. Докучаевой «Альваро Урибе: “политический автопортрет”» // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. № 3 (5). С. 44–55.

[5] См. статьи по латиноамериканской интеграции в прошлом выпуске журнала: Пятаков А.Н. Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в. // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. № 3 (5). С. 109–117; Хмелевская Н.Г. Интеграционные процессы в Латинской Америке через призму региональной торговли (на примере Меркосур и Тихоокеанского альянса) // Ибероамериканские тетради. – М.: МГИМО-Университет, 2014. № 3 (5). С. 131–141.

Л.С. Окунева, отв. редактор выпуска

Ю.И. ВИЗГУНОВА

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В МЕКСИКЕ: К НОВЫМ ФОРМАМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье дан анализ взаимодействия и партнерства гражданского общества и государства в Мексике в XXI в. В центре внимания — участие средних городских слоев, ученых, интеллигенции в структурных реформах институтов государства, поиск эффективных путей решения экономических и социальных проблем в контексте возможных перспектив развития страны.

Ключевые слова: Мексика, гражданское общество, государство, взаимодействие, структурные реформы, перспективы развития.

En el artículo se analizan las relaciones entre la sociedad civil y el Estado en México en el siglo XXI. En el centro del análisis está la participación de capas medias urbanas, académicos e intelectuales en las reformas estructurales de Estado, búsqueda de los caminos efectivos para resolver los problemas económicos y sociales en el contexto en una trayectoria posible del desarrollo del país.

Palabras clave: México, sociedad civil, Estado, reformas estructurales, el desarrollo.

The paper deals with the relations of the civil society and state in México in the XXI-st century. The author analyzes the participation of the middle class, scientists and intellectuals in the structural reforms of the state institutions and their insert of the effective path of the realization of economic and social problems in the context of the possible Mexican development trajectory.

Key words: México, civil society, state, partnership, structural reforms, development.

Социальные сдвиги, мировой экономический кризис и поворот Мексики к открытой экономике на основе неолиберальной модели ускорили процессы демократических изменений в институтах государства и общественно-политической жизни страны в 1980—90-е гг. На политическую арену вышли новые социальные субъекты: предприниматели, средние городские слои, интеллигенция. По мере углубления социального неравенства, усложнения горизонтальных связей и образования сети движений и организаций, автономных от государства, в стране происходило становление гражданского общества, которое от пассивного консенсуса перед лицом властей перешло к массовым действиям, требуя изменений в институционально-политической системе. Гражданское общество стало стержнем процесса политической трансформации, внесло весомый вклад в демократический процесс электоральных конституционных реформ, пиком которого стал демонтаж в 2000 г. 70-летнего президентского конституционно-авторитарного режима Институционно-

революционной партии (PRI) и приход к власти оппозиционной правой Партии национального действия (PAN) [1]. Совершился переход к многопартийности и разделению исполнительной, законодательной и судебной властей. В стране стала укрепляться система трех основных политических партий: центристской (PRI), правой (PAN) и левоцентристской Партии демократической революции (PRD) при представительстве в парламенте ряда небольших партий [2].

Видные представители гражданского общества — ученые, интеллигенция, партийные и государственные деятели — не только выдвинули и широко обсудили идею интегральной реформы государства как важнейшего фактора управляемости демократическим процессом, но и обратились в верхние эшелоны исполнительной и законодательной власти с целью реализации этого проекта. Преодолевая многочисленные вызовы социальной и политической действительности, нараставшие общественные противоречия, видные представители гражданского общества вступали в диалог с властями по вопросам углубления реформ, их ориентации на интересы большинства населения в соответствии с требованиями современности и на основе продолжения национальных исторических традиций [3].

Как показали итоги выборов 2006 г., все мексиканское общество высказалось за реформы. При этом одна его половина — за продолжение неолиберального курса реформ, направленного на обновление государственных институтов, укрепление общественной безопасности и модернизацию экономики с социальной составляющей. А другая половина — за радикальные реформы на основе изменения модели экономического и социального развития, направленные на сокращение социального неравенства и бедности. Эти две основные концепции реформ и развития стали неотъемлемой частью мексиканского общества и отдельных граждан. Именно они лежали в основе голосования за двух кандидатов в президенты: от PAN — Ф. Кальдерона и от левой коалиции — Л. Обрадора; многомесячных дискуссий по вопросам вмешательства властей в избирательный процесс на президентских выборах в 2006 г., от итогов которых, как считала широкая мексиканская общественность, зависели альтернативы развития Мексики; по вопросам новой избирательной реформы страны 2007—2008 гг. и, наконец, по вопросам приватизации нефтяной компании Петролеос Мехиканос (PEMEX) в 2007—2008 гг. и электроэнергетической компании Лус и Фуэрса дель Сентро в 2010 г., которые рассматриваются обществом как национальное достояние [4].

Роль гражданского общества как движителя структурных реформ институтов государства исключительно велика. Вопросы реформирования Конгресса Союза, исполнительной власти и системы федерализма, финансовой, судебной систем находились в центре внимания гражданского общества. Наряду с локальными конференциями в штатах и муниципалитетах — по инициативе ученых, интеллигенции, предпринимателей, политических деятелей, журналистов совместно с представителями властей — проводились национальные форумы, нацеленные на ускорение и углубление процесса демократических преобразований.

Важной вехой на этом пути стал Национальный форум 2005 г., организованный Национальной ассоциацией за реформу государства во главе с видным государственным и политическим деятелем П. Муньосом Ледо. В Форуме принял участие президент Висенте Фокс (2000—2006 гг.), представители всех ветвей власти, гражданских организаций и лидеры политических партий. В ходе дискуссий выявились три основные точки зрения на приоритетные для страны реформы в политической сфере. Предлагалось: 1. Провести модернизацию обеих палат Конгресса Союза и системы федеральных отношений, ввести переизбрание депутатов конгресса и муниципалитетов; 2. Перейти от президентской формы правления к умеренной «полупрезидентской», предполагающей введение должности главы правительства и разделение полномочий между президентом и премьер-министром, при некоторых преимуществах главы государства; 3. Перейти к парламентской республике на основе принятия новой конституции. В результате обсуждения собравшиеся пришли к выводу о необходимости постепенного продвижения этих реформ.

Характерно включение в этот процесс предпринимателей, которые выступали с инициативными проектами достижения устойчивого экономического развития с социальной направленностью. В общественной мысли Мексики росло убеждение в том, что только при участии гражданского общества в национальных проектах, в триаде рынок — общество — государство можно изменить характер процесса модернизации, развернув его

в сторону национального интереса, к новой модели развития «с социальным содержанием». Одним из первых с этой концепцией выступил известный мексиканский политолог Виктор Флорес Олеа. Другой мексиканский ученый Эдуардо Ибарра — видный экономист и государственный деятель, который занимал важные посты в правительстве и международных экономических организациях в 1990-е гг., отмечал, что осуществление главной социальной цели — преодоления бедности — требует повысить роль государства как основу управляемости, ибо рыночные механизмы явно недостаточны для того, чтобы обеспечить равновесие между макроэкономическими, институциональными и социальными структурами [5].

Структурные реформы государства как главный фактор управляемости демократическим процессом продолжали находиться в центре общественной мысли страны. При этом, как отмечалось, недостаточный динамизм проведения реформ и в ряде случаев их отставание от новых потребностей ключевых отраслей, в свою очередь, вели к замедлению процесса обновления и негативно сказывались на развитии страны. Так, несмотря на то, что правительство предпринимало шаги по трансформации федерализма в сторону автономии штатов и муниципий, в том числе в финансовой сфере, традиционные федеральные отношения, основанные на корпоративизме и обеспечивавшие во многих штатах экономические и политические рычаги власти PRI, сохранились, что бесспорно способствовало консервации патернализма и клиентелистской системы политических связей.

Многие годы ждал своего рассмотрения в конгрессе новый трудовой кодекс, тогда как в условия технологического прогресса, либерализации найма рабочей силы, организации и оплаты труда вопрос о законодательном оформлении новых социально-трудовых соглашений в стране приобрел особое значение, в том числе в плане решения проблем занятости и безработицы. При этом требовалась разработка механизмов регулирования неформального сектора экономики в целях более эффективного использования свободной рабочей силы и повышения доходов малоимущих слоев населения.

Формирование новых, динамичных структур, требующих квалифицированных и образованных работников, выдвинуло в центр общественной мысли вопрос о реформе образования, исходя из современных требований и подхода к развитию образования как к важнейшему фактору реального снижения уровня безработицы и бедности.

Среди ряда ученых и видных государственных и политических деятелей все больше утверждалась точка зрения о том, что для завершения интегральной реформы государства и ее эффективности в плане современных национальных интересов в глобализирующемся мире требуются радикальные изменения действующей Конституции 1917 г. Предлагалось принять новую конституцию, которая включила бы в себя все социально-экономические и политические изменения в стране за прошедший период и позволила бы провести реформу государства на новой основе, без негативного наследия прошлого, такого как авторитаризм, корпоративизм и патернализм, и наоборот, — с учетом сложившейся в стране многопартийности и плюрализма, составляющих важную основу эволюции современного мексиканского общества. Как представляется, реализация такого предложения могла бы заметно ускорить и поднять на новый качественный уровень процесс реформирования государственных институтов.

Как показывает практика последних лет, мексиканское общество, преодолевая новые вызовы, стало все чаще определять социальную направленность реформ, исходя из национальных интересов. Отвечая таким потребностям общества и государства, общественная мысль Мексики пыталась найти оптимальный путь развития, свободный от социальных издержек неолиберальной модели, превозносящей возможности рыночной конкуренции, с одной стороны, и от стереотипов «революционного национализма» и старой системы гипертрофированных вертикальных связей, обеспечивающих государственный контроль всех сфер общественной жизни — с другой. Все большее число мексиканских ученых рассматривали такой альтернативный проект развития страны как необходимый фактор ее продвижения в сторону социального правового государства. В этом отношении представляет интерес совместное исследование видного политолога и дипломата Х. Кастаньеды и известного писателя и ученого Э. Агилара Камина, которые также придерживаются изложенной выше точки зрения. В нем содержалась идея о проведении референдума накануне выборов президента в 2012 г. с целью создать единый проект развития, отвечающий

потребностям общества. Он мог бы стать, считают они, инструментом образования широкой коалиции для выдвижения независимого кандидата на пост президента Мексики [6].

По мере приближения всеобщих выборов 1 июля 2012 г. стали появляться новые проекты и предложения по вопросам альтернативного пути развития Мексики, авторами которых наряду с учеными, писателями и интеллигенцией выступали студенты Национального автономного университета Мексики (UNAM) и других университетов.

Немаловажным фактором роста гражданского участия в плане поисков новой модели развития страны становились социальные движения как университетской молодежи, так и других слоев, ставившие целью решение ключевых для общества современных проблем. Одним из наиболее значимых стало Движение за мир на основе равенства и достоинства, объединившее родственников жертв организованной преступности. Это движение, возглавляемое мексиканским поэтом Хавьером Сесилия, сын которого стал жертвой одной из преступных группировок, организовало марши и встречи по всей стране и в США, которые привлекали в его ряды тысячи новых сторонников. Главным достижением этого движения стало рассмотрение по его настоянию в палате депутатов Конгресса Союза Уголовного кодекса и Закона о праве на защиту — законодательных основ в борьбе с организованной преступностью. Заслуживает внимания и тот факт, что это движение не осталось в стороне от дебатов с кандидатами в президенты на выборах 2012 г., равно как и движение студентов.

Студенческое движение, начавшееся как выступление группы студентов Ибероамериканского университета (UI) под названием «Я — 132» против телевизионных монополий, вылилось в протест, направленный против возвращения к верховной власти PRI. Холодный прием и фактическое освистывание студентами кандидата в президенты от коалиции PRI-Экологическая зеленая партия Мексики (PVEM) Э. Пеньи Ньето во время его визита в Ибероамериканский университет стало сенсацией не только для его сторонников, но и для широкой мексиканской общественности. Этот беспрецедентный акт был расценен ею как своего рода сигнал к возрождению в стране демократического движения студентов. И действительно, в это движение включились студенты многих университетов Мексики. Движение, хотя и не имело четкой программы, выступило за реформу, направленную на демократизацию мексиканских СМИ. Тем самым оно продолжило диалог о характере и роли СМИ в обществе, начавшийся на Первой национальной встрече за разнообразие и качество СМИ, которая была организована в 2011 г. Мексиканской ассоциацией права на информацию (AMEDI, A.C.). Массовость этого движения проявилась во время марша и митинга в центре столицы, участники которых выступили под лозунгом «За демократизацию средств массовой информации». По данным министерства общественной безопасности, в этой акции приняли участие 15 тыс. студентов из 15 как государственных, так и частных университетов [7].

Все более активное использование молодежью социальных сетей, обмен идеями способствовали укреплению и развитию студенческого и в целом молодежного движения Мексики на независимой основе, открывая перед ним перспективы участия в новых национальных демократических проектах, направленных на реформацию общественной жизни Мексики [8].

Как свидетельствовали факты мексиканской действительности, подтвержденные исследованиями ученых, речь могла идти о проектах с широким участием гражданских организаций в разных сферах национальной жизни, требующих глубоких демократических перемен в интересах всего общества.

Мексика, являясь частью глобальных процессов XXI в., перехода к новым информационным технологиям и инновационным формам развития, испытывает сложные и нередко неоднозначные феномены эволюции общественных отношений, которые усугубляются сохраняющейся в стране старой политической культурой, основанной на идеях «революционного национализма» PRI и глубоко укоренившихся формах общественных отношений, таких как патернализм и корпоративизм, выступающих в форме клиентелизма, коррупции и даже «касикизма». Все это имеет место на фоне углубления общественного расслоения, значительного имущественного неравенства и поляризации многих интересов в условиях неолиберальной рыночной экономики и мировых финансово-экономических кризисов начала нового тысячелетия.

Усиление конфликтов интересов, связанных с перераспределением собственности на средства производства и власти, влечет за собой возникновение новых вызовов и противоречий, в частности, имеющих отношение к такому опасному явлению, как расширение сфер влияния наркобизнеса и рост организованной преступности. Все эти факторы усложнили и затормозили процесс трансформации государственных институтов, отвечающий потребностям общественного развития.

Стагнация экономики, рост которой, по данным Национального института статистики и географии (INEGI), в первое десятилетие XXI в. составил в среднем около 2 % и был меньше соответствующего показателя в других латиноамериканских странах, частичная деиндустриализация и в целом отставание экономического развития от потенциальных возможностей страны с ее огромной территорией, богатой разнообразными природными ресурсами и человеческим потенциалом, стали одной из основных причин весьма ограниченных возможностей сокращения бедности. Она охватывает в Мексике до половины населения (около 50 млн человек), в том числе молодых людей, которые не учатся и не работают. Безработица и полубезработица, перелив рабочей силы в неформальный сектор экономики с его частичной занятостью и отсутствием социальной защиты заметно увеличились в период 12-летнего правления PAN. С начала нового тысячелетия до 2012 г. полная безработица выросла с 3,5 до 5,2 %, а доля не полностью занятых в составе рабочей силы поднялась до 30 % и продолжала расти. В основном это касалось молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет [9].

Накопившиеся в годы правления PAN проблемы развития экономики, социального неравенства и бедности, безработицы, трудовых отношений и образования, расширения наркомафии и невиданных ранее оргпреступности и насилия вызвали среди населения настроения апатии и пессимистические оценки перспектив либеральных реформ. Вместе с тем, как уже отмечалось, в стране начался всплеск активности граждан и их ассоциаций в поисках альтернативы развития страны.

Нельзя не обратить внимания на то, что перед выборами 2012 г. видные ученые, писатели, журналисты, профессора и студенты UNAM совместно подготовили альтернативный проект экономического развития Мексики, в котором важное место отводилось обновлению социальной политики государства. Они разработали также перечень вопросов в качестве теоретических основ обмена мнениями кандидатов в президенты на выборах в ходе их теледебатов. Всего было поставлено 12 вопросов, то есть оптимальное их количество, которое фактически охватывало все главные аспекты деятельности будущего президента и правительства, направленные на первостепенное решение важнейших для общества проблем [10].

Как мексиканские ученые, так и законодатели, проявили интерес к модели экономического и социального роста Бразилии в эпоху реформ президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010 гг.). О практическом характере их интереса свидетельствует курс лекций, прочитанный в мексиканском парламенте известным бразильским экспертом по данной, весьма актуальной для Мексики теме.

Показательно, что в течение двух лет до выборов 2012 г. в стране было опубликовано несколько монографий с прогнозными оценками развития Мексики. Исходя из перспектив возможных глубоких изменений в стране, гражданское общество стало рассматривать всеобщие выборы 2012 г. как своего рода вектор ее альтернативного пути развития. При этом учитывался фактор общественной безопасности.

Несмотря на то, что правительству Ф. Кальдерона (2006–2012 гг.) в результате армейских операций удалось добиться некоторых успехов в плане раскрытия и обезвреживания ряда наркокартелей, эти операции повлекли за собой многочисленные жертвы, в том числе мирных жителей (по официальным данным, к 2012 г. в Мексике погибли свыше 60 тыс. человек). Мексиканцы продолжали жить в страхе перед лицом взрывов, перестрелок, убийств и исчезновений мирных жителей, в том числе видных журналистов и лидеров гражданских организаций [11]. Вопросы безопасности так же, как и многие другие социальные вызовы выдвинули на первый план активизацию действий со стороны общественности и, конечно, представлявших ее в конгрессе политических партий.

Как для мексиканских ученых, так и для широких интеллектуальных кругов становилось все более ясным, что приход к верховной власти той или иной партии будет

возможен только на основе проекта, отвечающего социальным потребностям населения страны, содержащего идеи взаимодействия и равного партнерства гражданского общества и государства.

К началу выборов 2012 г. PRI, имевшая большой политический опыт, в отличие от PAN и PRD, сумела преодолеть многие внутриполитические разногласия, сплотить свои ряды и восстановить социальную базу. В качестве кандидата в президенты от коалиции PRI – PVEM был выдвинут Э. Пенья Ньето – представитель традиционалистских кругов PRI, бывший губернатор штата Мехико, одного из наиболее развитых и самого крупного по населению. Он выступил с программой развития экономики на основе увеличения иностранных инвестиций, универсализации социального обеспечения, решения проблем бедности и безработицы, общественной безопасности и активизации внешних связей. В сложных социально-экономических реалиях эта программа стала восприниматься всё более широкими кругами населения как программа обновлённой PRI, способной осуществить модернизацию многих сфер жизни общества. На выборах 1 июля 2012 г. Э. Пенья Ньето получил наибольшее число голосов избирателей – 38,2 %. За кандидата от левоцентристской коалиции, объединившей PRD, Партию труда (PT) и Партию Гражданское движение (PMC), А.М. Лопеса Обадора было подано 31,4 % голосов, тогда как за кандидата PAN Хосефину Васкес Мота – 25,4 % [12].

PRI получила относительное большинство мест в конгрессе (в палате депутатов – 207 [41,4 %] и в сенате – 52 [40,6 %]), что дало возможность её сенаторам и депутатам играть весомую роль в парламентских коалициях, необходимых для принятия конституционных реформ. PAN, правившая до декабря 2012 г., на выборах 1 июля сдала многие свои позиции как в федеральных законодательных структурах, так и на местах. Её социальная база сократилась на 3 млн человек. PRD, которая заметно укрепила свою социальную базу и политический статус в ходе выборов, превратилась во вторую по значимости политическую силу в стране [13].

Новый президент Энрике Пенья Ньето, видимо, поставив целью идентифицировать свои действия с политикой PRI, сформировал кабинет по партийному принципу, но одновременно с учётом профессионализма его членов и преимущественно в возрасте от 30 до 50 лет. Вместе с руководством PRI им были предприняты шаги по сближению партии власти с президентом путём обновления её базовых документов. В марте 2013 г. на XXI Ассамблее PRI был принят новый устав партии, в соответствии с которым была образована Постоянная политическая комиссия во главе с президентом страны, обладающая широкими полномочиями. Президент был введён и в состав Политического совета PRI.

Э. Пенья Ньето продолжил политику двух предыдущих правительств PAN – В. Фокса и Ф. Кальдерона, направленную на совершенствование государственной власти путем интегральной реформы государства как гаранта управляемости демократического процесса. Вместе с тем, исходя из целей решения назревших проблем, провозглашённых в предвыборной платформе PRI, он взял курс на ускорение структурных реформ государственных институтов на основе консенсусов и общественного согласия. Важным достижением в этом отношении стало заключение 3 декабря 2012 г. «Пакта за Мексику» между президентом и тремя основными политическими партиями – PRI, PAN и PRD. Таким образом, они взяли обязательство совместными усилиями продвигать реформы государства по пяти основным направлениям на базе соглашения: создание общества прав и свобод; рост экономики, занятости и конкурентоспособности; безопасность и справедливость; прозрачность, отчетность и борьба с коррупцией; демократическая управляемость.

В условиях внутренних разногласий в оппозиционных PAN и PRD, усиления в них сепаратистских настроений по отношению к правительству значение этого пакта для прохождения в парламенте конституционных реформ трудно переоценить. Президент и его партия, не представлявшие в конгрессе абсолютного большинства, могли иметь там серьёзные противовесы по вопросам принятия структурных реформ.

Из 13 проектов конституционных реформ государственных институтов в 2012–2013 гг. подавляющее их большинство были приняты в обеих палатах конгресса на основе внесения поправок в конституцию страны и утверждены законодательными собраниями штатов. Таким образом, «Пакт за Мексику» обеспечил сравнительно легкое и быстрое их согласование в конгрессе [14].

Однако в августе 2013 г. ситуация изменилась. При рассмотрении реформы государственной нефтяной компании PEMEX руководство PRD выразило своё несогласие с этой реформой, открывающей компанию для частных, прежде всего иностранных, капиталовложений, и заявило о выходе из «Пакта за Мексику». Это послужило серьёзным толчком для его ослабления и прекращения существования к концу 2013 г. Прекращение действия «Пакта за Мексику» негативно сказалось на процессе принятия законов, регламентирующих конституционные реформы. Этот процесс растянулся на многие месяцы ввиду острых дискуссий, которые в ряде случаев завершились выхолащиванием основного содержания конституционных реформ.

Так, например, в мае 2014 г. были приняты три закона об образовании, но, как утверждают эксперты, они не содержали глубоких изменений, которые могли бы способствовать повышению качества обучения. Основной акцент был сделан на повышении профессионального уровня преподавателей школ путём введения метода их регулярного тестирования, начиная с поступления на работу. Это вызвало среди учителей массовые недовольства и уличные выступления, которые в ряде случаев затормозили процесс обучения.

В мае были приняты законы, регламентирующие электоральную конституционную реформу. Инициаторами её стали PAN и PRD, обосновавшие её необходимостью нередкими нарушениями избирательного процесса в муниципалитетах и небольших городах при прямом вмешательстве губернаторов штатов, располагавших финансовой и политической независимостью. Законы по этой реформе вызвали озабоченность в интеллектуальных кругах, ибо избирательная система, сложившаяся в Мексике на рубеже XX–XXI вв. при активном участии гражданского общества и в результате последовательных прогрессивных преобразований, являлась главным фактором консолидации демократии в стране.

Характерной чертой новых законов стала централизация управления электоральными процессами. Избирательный федеральный институт (IFE) был заменён на новый — Избирательный национальный институт (INE) — автономный, как и его предшественник, но обладающий более широкими полномочиями. Филиалы ИФЕ в штатах были ликвидированы, а на их месте созданы местные государственные организации (OPL) с весьма ограниченными функциями. Сохранился лишь один Избирательный трибунал — центральный, тогда как его филиалы в штатах были ликвидированы. Всё управление избирательными процедурами и распределение финансов сосредотачивалось в руках INE. Данные законы повлекли за собой разрастание бюрократического аппарата INE в центре и на местах, поэтому не могли привести к сокращению затрат на избирательные кампании, как полагали ранее инициаторы реформы. Введение права вето четырёх советников Генерального совета INE при обсуждении новых кандидатов на эти посты по мере их ротации стало, на наш взгляд, новым антидемократическим элементом. Масштабы и радикальность избирательной реформы были таковы, что перестройка механизмов избирательной системы, по мнению ряда экспертов, едва ли могла быть завершена к началу промежуточных выборов в июле 2015 г. [15].

Дискуссии по выработке регламентирующих законов конституционных реформ вышли за рамки Конгресса Союза. Как свидетельствуют факты мексиканской действительности, жизнеспособность структурных реформ и их имплементация все больше зависели от участия гражданских объединений, ибо речь шла о модернизации институтов важнейших отраслей страны, их развитии на длительную перспективу в условиях глобальных процессов. Прогрессивную роль движителя развития страны на основе новых реформ стали играть независимые демократические организации и фонды, во многих случаях представлявшие средние слои населения — квалифицированных работников, ученых и предпринимателей — специалистов важнейших отраслей в различных сферах.

Так, в области законов по телевидению и радио было образовано независимое объединение «Фронт за демократическую коммуникацию» (FCD), который внес свои предложения непосредственно в сенат. По вопросам PEMEX объединилась широкая общественность, выступающая в защиту государственной компании как народного достояния и требующая референдума.

Энергетическая конституционная реформа, и в том числе реформа государственной нефтяной компании PEMEX, была принята в конце 2013 г. На основании изменений 25, 27 и 28

статей конституции была открыта возможность для инвестирования в эту компанию частного капитала как главного фактора повышения ее эффективности и конкурентоспособности. В контексте конституционной реформы были предоставлены новые функции и полномочия ряду национальных государственных комиссий по энергетике и углеводородам.

В связи с этой реформой независимый Институт изучения демократического транзита опубликовал документ, в котором содержался ряд рекомендаций, уточнявших функционирование PEMEX на основе новых регламентирующих законов, которые, как ожидалось, должны были быть приняты не позднее марта 2014 г. Они включали проблематику добычи нефти и мест ее переработки; задачи в сфере энергетике и координации вновь созданных институтов при гарантировании их автономии и недопущении их подчинения интересам частного капитала; тематику формирования частных рынков снабжения энергией, и прежде всего, электроэнергией; регулирование цен, финансовые вопросы PEMEX, защиту национальных государственных интересов в деятельности компании на новой основе. Особое внимание в рекомендациях уделялось значимости широких дебатов в ходе подготовки и принятия регламентирующих законов по реформе PEMEX.

Законы по этой реформе были приняты конгрессом 24 июля 2014 г. простым большинством голосов фракций PRI, PAN и PVEM. В их обсуждении и голосовании не участвовали парламентарии от PRD, выступавшие против передачи нефти и газа в руки частного капитала (впервые с 1938 г.), настаивавшие на проведении в середине 2015 г. референдума по этой столь судьбоносной для страны реформе.

По оценке председателя энергетической комиссии сената Д. Пенчини, основными позитивными результатами реформы нефти должны стать значительное увеличение капиталовложений, создание новых рабочих мест, сокращение цен на электричество и газ, равно как и стабилизация цен на бензин [16].

Сложные и неоднозначные процессы подготовки законов по конституционным реформам свидетельствуют о противоборстве в этом процессе различных групп давления: с одной стороны, олигархических кругов и представителей крупного монополистического капитала, связанных с ними лидеров корпоративных профсоюзов PRI и её губернаторов, а с другой — левых демократических партий и движений, гражданских организаций и независимых профсоюзов. При этом после распада «Пакта за Мексику» с особой остротой проявилось неоднозначное отношение к данным законам различных течений и фракций в оппозиционных партиях. Так, в PAN бывший сенатор, сподвижник президента Ф. Кальдерона, предварительный кандидат партии в президенты страны на выборах 2012 г. Эрнесто Кордера занял в отношении правительства и реформ сепаратистскую позицию, которая была поддержана группой его сторонников в руководстве. И наоборот, лидер PAN Густаво Мадеро, вновь переизбранный на этот пост в мае 2014 г., продолжает сотрудничать с правительством и после распада «Пакта за Мексику». Возглавляемая им фракция является наиболее влиятельной в партии [17].

Весьма неоднозначный процесс структурных реформ в Мексике, хотя и испытывает все большее позитивное воздействие гражданского общества, встречает на своем пути, как показывает практика, немалые вызовы и риски, связанные с нерешенными основными проблемами современной мексиканской действительности: социального неравенства, одного из самых глубоких в регионе; бедности широких слоев, особенно молодого населения; общественной безопасности и коррупции. Население ряда наиболее отсталых в стране южных штатов Герреро, Мичоакан, Морелос, Тамаулипас, Оахака, в большинстве своем живущее в условиях бедности и нищеты, стало благоприятной питательной средой для организованных преступных группировок, связанных с наркобизнесом. Как показало, например, проведенное ООН в 2012 г. обследование индекса человеческого развития в штатах Герреро, Мичоакан и Оахака, их население имело один из самых низких показателей образования, здоровья и доходов [18]. Неслучайно поэтому во многих случаях выступления молодежи и студентов там носят левацкий характер.

Так, когда в штате Герреро, в г. Игуала, в ночь с 26 на 27 сентября произошло трагическое событие, связанное, как позже выяснилось, с преступными действиями наркокартеля и коррупцией местной власти (были убиты 26 студентов педагогического училища Айотсинапы и 43 пропали без вести), свое возмущение происшедшим студенты этого и других

педучилищ штата в результате многочисленных погромов, блокировании аэропорта Акапулько и главной шоссе-ной дороги штата, в нападениях на местные офисы PRI и PRD, в захватах заправок станций, автобусов, галерей и магазинов и т.п. Подобные действия студентов в октябре–ноябре 2014 г. стали превращаться в серьезную опасность для общества. Возросли их связи с ультралевыми группировками штата – так называемой Революционной народной армией (Ejército Popular Revolucionario, EPR), возникшей еще в 1970-е годы в партизанском подполье, а также с рядом леворадикальных объединений учителей, студентов и других категорий жителей штата [19].

Вместе с тем расстрел студентов из педучилища Айотсинапы в Герреро вызвали массовые марши протеста мексиканского студенчества, которые влились в движение родителей и родственников погибших. Выступления студенчества, начавшиеся в крупнейших университетах и институтах Федерального округа (столицы), вылились в общенациональное студенческое движение. Оно выступило против инертности федеральных властей в раскрытии этого самого крупного преступления в Мексике второй половины XX – начала XXI вв. и за безотлагательное проведение в жизнь реформы судебной системы, за выработку при широком участии граждан действенных механизмов обеспечения безопасности населения.

Важно отметить, что это движение имело перед собой опыт и определенные успехи выступлений гражданских самообразующихся снизу объединений в сфере борьбы с преступными группировками в наиболее проблемных штатах, использовавших некоторые новые для страны эффективные формы взаимоотношений и сотрудничества с властями.

Известно, что в условиях, когда общественная безопасность продолжала оставаться одной из наиболее острых социальных проблем и общество требовало эффективных мер ее решения, правительство Э. Пеньи Ньето, отказавшись от продолжения многолетней практики правительства Ф. Кальдерона использования армейских подразделений в борьбе с организованной преступностью и наркобизнесом. В качестве главного направления повышения уровня безопасности в стране оно выдвинуло Национальную программу предотвращения преступлений. Основой ее стал социальный фактор – инвестирование значительных финансовых средств на социальные проекты наиболее проблемных, с беднейшим населением и высокой оргпреступностью территорий страны. Осуществление этой программы было возложено на муниципальные органы власти, которые, как выяснилось спустя некоторое время, не смогли добиться сколько-нибудь заметных результатов в основном из-за коррупции местных властей и значительного контроля многих муниципий со стороны организованных преступных группировок, взявших власть в свои руки, прежде всего в штате Мичоакан. Именно там в феврале 2013 г. появились первые группы самообороны, сформированные населением. Их основной целью стала борьба с бандитами из наркокартеля Темплариос; к началу 2014 г. число таких групп увеличилось до 14, кроме того, еще девять находились в стадии формирования. Однако убийства, похищение людей и мародерство продолжали держать в страхе население штата. Несколько позднее группы самообороны появились в штате Герреро, а также в штатах Оахака, Мехико и ряде других. Как стало известно, в штате Мичоакан был схвачен ряд наркоглаварей из Темплариос. В этом была немалая заслуга гражданских отрядов самообороны [20].

Под давлением гражданской общественности в начале 2014 г. Э. Пенья Ньето направил в штат Мичоакан своего уполномоченного – вице-министра по вопросам превентивных мер и гражданского участия Министерства социального развития, что сопровождалось выделением немалых финансовых средств на урегулирование обстановки и восстановление социально-экономической жизни в штате. Вместе с тем правительство сочло необходимым на основе достижения договоренности с лидерами групп самообороны перевести их в разряд законных милитаризованных формирований – так называемых отрядов сельской обороны, на которые была возложена роль вспомогательных армейских подразделений в борьбе с оргпреступностью и наркобизнесом. Они стали подчиняться верховному главнокомандующему в лице президента. Дискуссии среди широкой общественности страны по поводу этого факта вылились в Национальный форум «о группах самообороны», который состоялся в мае 2014 г. в Полифоруме Сикейроса в г. Мехико.

Однако, несмотря на предпринятые меры, по данным опросов, проведенным

Национальным институтом статистики и географии (INEGI), с 2012 г. — прихода к власти администрации PRI — положение в сфере безопасности почти не изменилось: несколько снизилось число убитых, но одновременно возросло число пропавших без вести. В сложной обстановке, требовавшей позитивного решения, правительство включило в структуру полиции новое подразделение — национальную жандармерию, сформированную из специально подготовленных кадетов. Ее главной функцией была определена «защита экономических структур», которая на практике вылилась в борьбу с похищениями граждан, а затем и против организованной преступности в целом [21].

Преступление против студентов педучилища в г. Игуала, в котором оказались замешаны и местные власти, прежде всего мэр Х.Л. Абарка, избранный на этот пост от PRD, изменило политическую обстановку в стране. Благоприятные перспективы общественного развития, которые открывались для Мексики в результате принятия комплекса реформ государственных институтов в 2013–2014 гг., отодвинулись на второй план. На международную арену вернулся имидж Мексики как страны, население которой живет в постоянном страхе перед лицом жестоких преступлений и насилия. Тем более что в Мексике было официально объявлено, что 43 пропавших студента были сожжены бандитами, и их трупы не подлежат идентификации. В новых условиях значительно выросло разочарование общества в политике властных структур и неверие в возможности позитивных социальных изменений на основе их модернизации. И действительно, процесс проведения в жизнь комплекса реформ государственных институтов замедлился. Успехи этого национального проекта как никогда ранее оказались зависимы от имплементации реформ, повышения эффективности институтов управления и совершенствования форм взаимодействия и партнерства государства и гражданского общества в соответствии с требованиями времени.

В современную эпоху, когда значительную роль в общественном производстве играют информация и научно-технические знания, в Мексике, как и в других странах региона, растет объективная потребность во все большем воздействии на управление государством со стороны граждан и их ассоциаций, которые становятся центрами новых, креативных идей, движителями общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *López Díaz P.* (coordin.). México: Reforma y Estado. — México, 1996; *Alcocer V.J.* El ciclo de las reformas electorales 1978–1996 // *Diálogo y Debate*. — México, 1997, № 3; *Визгунова Ю.И.* Общество и демократические реформы в Мексике: успехи и трудности // *Латинская Америка*. — М., 2000. № 2; *Olivera Revera A.J.* Democracia y Sociedad civil en México // *Comercio Exterior*. — México, 2002, № 5; Боровков А.Н. Завершение исторического цикла: основные итоги социально-экономического и политического развития накануне столетия // *Мексика: парадоксы модернизации*. — М.: ИЛА РАН, 2013.
2. *Визгунова Ю.И.* Новый этап политической истории. Опыт структурных реформ // *Мексика: парадоксы модернизации*. Указ. соч.
3. *Trejo Delarde R.* México. Falta de éxitos y escaso rechazo // *Nueva Sociedad*, Caracas, 2003, № 184; *El País*, Madrid, 4.8.IX.2002; *El Universal*, 16.X.2004; 17.03.2005; *Визгунова Ю.И.* Общество и демократические реформы в Мексике: успехи и трудности, указ. соч.; *Визгунова Ю.И.* Мексика: стратегия обновления и общество // *Латинская Америка*. — М., 2008. № 12.
4. IFE. La Reforma Electoral 200–2008. Materiales y herramientas informativas. México, 2008; *Arguedas S.* El laberinto reformista // *Memoria*. México, 2006, № 2003; *Rodríguez Araujo O.* Crisis política en México // *Memoria*, 2006, № 212; *Nueva Sociedad*, 2009, № 220; *NEXOS*, México, 10.III.2009, 03.IX.2009; *Визгунова Ю.И.* По трудному пути перемен // *Латинская Америка*. — М., 2005. № 6; *Визгунова Ю.И.* Мексика. Метаморфозы демократии // *Латинская Америка*. — М., 2007. № 2; *Визгунова Ю.И.* Противоречия и перспективы демократических перемен в Мексике // *Латинская Америка*. — М., 2010. № 2.
5. *Woldenberg J.* México de cara a las elecciones // *Nueva Sociedad*. Buenos Aires. 2009, № 220; *El Universal*, México, 01.X.2009; *NEXOS*, 10.III.2009, 03.IX.2009; *Визгунова Ю.И.* Мексика // *Латинская Америка: Испытания демократии. Векторы политической модернизации. Часть*

II, гл.1; Визгунова Ю.И. Гражданское общество и государство // Там же. Часть 1, раздел III, гл. 3.

6. Camín A., Castañeda J. Un futuro para México. México, 2010.

7. NEXOS, 28.XIII.2012, 01.X.2012, 06.XI.2012; El Universal, 15, 23.05, 21.06.2012; El Milenio, México, 24.05.2012.

8. Moreno-Brid J.C. La economía mexicana frente a la crisis internacional // Nueva Sociedad, 209, № 220; El Universal, 12.12.2011; 25.01.2012, 14.03.2012, 23.03.2012.

9. Ibidem.

10. El Nuevo paradigma para México // NEXOS, 06.XI.2012; Carbonell M. Las dudas pertinentes // El Universal, 05.06.2012.

11. Визгунова Ю.И. Интегральная реформа институтов государства в Мексике. Траектория и перспективы // Латинская Америка. — М., 2015. № 8.

12. См.: Визгунова Ю.И. Смена партии власти в Мексике: новый курс структурных реформ (к итогам выборов 2012 г.) // Ибероамериканские тетради. — М.: МГИМО-Университет, Вып. 1. 2013. — С. 221–235; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Мексика-2012: реконфигурация партийно-политического лагеря // Ибероамериканские тетради. Вып. 1. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — С. 379–400.

13. Proceso, México, 02.09.2012; El Universal, México, 04.11.2012.

14. Визгунова Ю.И. Президентские выборы 2012 г. в Мексике: преемственность или смена вектора развития? // Мир и политика. Ежеквартальное научное приложение, июнь 2013 г., № 7 (85); Визгунова Ю.И. Избирательные реформы — вектор политической модернизации Мексики // Латинская Америка: избирательные процессы и политическая панорама. — М.: ИЛА РАН, 2015; NEXOS, México, 01.28.2012; Proceso, México, 05.03.2013.

15. El Universal, 27.08.2013, 03.09.2013, 09.10.2013; 06.05.2014.

16. URL: <http://www.infolatam.com> — 06.09.14; El Universal, México, 10.09.2014.

17. Визгунова Ю.И. Интегральная реформа институтов государства в Мексике. Траектория и перспективы. Указ. соч.

18. Там же.

19. El Universal, 28.02.2013; 13.08.2014.

20. URL: <http://www.infolatam.com> — 23.02.2015, 10.03.2015.

21. Ibidem.

Л.В. ДЬЯКОВА

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ЧИЛИ И ПРАВИТЕЛЬСТВО
«НОВОГО БОЛЬШИНСТВА»

В статье рассматривается современная политическая ситуация в Чили и результаты первого года пребывания у власти второго правительства М. Бачелет, анализируются проблемы и риски этого периода, связанного с нарастанием политической нестабильности. Отмечается, что высокие социальные ожидания части общества, требующей ускорения темпов реформ, не всегда способствуют формированию взвешенной и адекватной внутривнутриполитической стратегии.

Ключевые слова: Мишель Бачелет, Новое большинство, реформа образования, «биномиальная» система, коррупционные скандалы, политические риски.

En el artículo se analiza la situación política moderna en Chile y los resultados del primer año de las actividades del segundo gobierno de M. Bachelet, se analizan los problemas y los riesgos de éste período, asociado con el aumento de la inestabilidad política. Se nota que las altas expectativas sociales de la parte de la sociedad, los requerimientos de acelerar el ritmo de las reformas no siempre contribuyen a la formación de la estrategia nacional equilibrada y adecuada.

Palabras clave: Michelle Bachelet, la Nueva Mayoría, reforma de educación, el sistema binominal, escándalos de corrupción, riesgos políticos.

The article discusses the current political situation in Chile and the results of the first year in power of Michelle Bachelet second government; analyzes problems and risks of this period associated with increasing political instability. The author points out that high social expectations of the part of society, requiring an accelerated pace of reforms, do not always contribute to the formation of the balanced and adequate political strategy.

Key words: Michelle Bachelet, the New Majority, education reform, «binomial» system, corruption scandals, political risks.

Социалист Мишель Бачелет стала первым чилийским политиком за два с лишним десятилетия, прошедшие после перехода страны от военного режима к демократии, которому удалось во второй раз стать президентом. Ее победа на общенациональных выборах во главе левоцентристской коалиции «Новое большинство» (15 декабря 2013 г.) была встречена значительной частью чилийского общества с надеждой и энтузиазмом. «Новое большинство» стало расширенным вариантом объединения «Консертасьон», в которое накануне президентских и парламентских выборов вошли также компартия и ряд других левых организаций.

Бачелет получила 62,16 % голосов, убедительно оттеснив на второе место разрозненные правые партии и их кандидата Эвелин Маттеи, выступившую с невнятной умеренно-кон-

сервативной, «охранительной» программой. Общество хотело серьезных изменений и реформ, а правые, деморализованные неудачным президентством Себастьяна Пиньеры, долго не могли выдвинуть не только конкурентоспособного соперника в борьбе за президентский пост, но и свою предвыборную программу выстроили в духе стратегии «никаких кардинальных перемен без особой необходимости». Это не могло воодушевить студенческую молодежь, ставшую основным драйвером перемен, объявленных новым правительством уже в первый год пребывания у власти [1, с. 48–61].

Сразу после победы нового президента политические скептики (среди которых были и известные чилийские публицисты и аналитики) сомневались не только в быстрой реализации наиболее спорных и острых пунктов избирательной программы, но и в самой возможности осуществления столь принципиальных изменений за короткий срок. Однако на протяжении 2014 г. были подготовлены и отправлены на рассмотрение в Конгресс важнейшие законопроекты о реформе образования, налоговой системы и «биномиальной» системы выборов.

В январе 2015 г. стартовал переход от «биномиальной» системы выборов в Конгресс к пропорциональной электоральной модели, означавший конец целого периода, связанного с процессом становления и консолидации демократии [10].

Делая акцент на преодолении последних анклавов пиночетизма, М. Бачелет обещала осуществить эту реформу еще в свой первый президентский срок, однако в 2009 г. правительству удалось только принять закон, отменяющий обязательность голосования и предварительную приписку избирателей к определенным округам. Давно и бурно обсуждаемый в политических кругах проект имел как последовательных сторонников (главным образом среди левых партий), так и противников — в рядах правой оппозиции. Сторонники реформы подчеркивали, что принцип раздела политического поля между левоцентристской коалицией (до 2013 г. — «Консертасьон», затем — «Новое большинство») и правоцентристским Альянсом (в составе «Независимого демократического союза» и партии «Национальное обновление») устарел и лишает небольшие миноритарные партии, не входящие ни в один из блоков, возможности быть представленными в парламенте. Противники же были убеждены в том, что электоральная система, разработанная накануне перехода страны к демократии (в 1988–1989 гг.) в целях обеспечения равновесия сил в переходный период, до сих пор продолжает обеспечивать политическую стабильность и вполне соответствует принципам демократии. Ее модификация, напротив, может спровоцировать политический хаос в работе Конгресса и возникновение множества мелких партий, все равно вынужденных ассоциироваться с крупными игроками в решении принципиальных вопросов. «Независимый демократический союз» (UDI) консолидировано выступил против изменения «биномиальной» системы и выразил намерение обратиться в Конституционный суд для обжалования этого политического решения, которое, по мнению оппозиции, принято исключительно в интересах правящей коалиции [5].

Таким образом, принятие Конгрессом законопроекта о реформе «биномиальной» системы и переходе к пропорциональной модели стало важнейшим политическим шагом. В то же время этот шаг многократно усилил принципиальные разногласия, существующие между правительством и представителями правых партий. Техническая реализация проекта, связанного с увеличением числа мест в нижней (со 120 до 155) и верхней (с 38 до 50) палатах парламента, с изменением количества округов и правил организации выборов, также является сложной проблемой с непредсказуемыми последствиями.

В сентябре 2014 г. Конгресс одобрил проект налоговой реформы, предусматривавший увеличение налога на крупные предприятия с 20 до 27 %, а также на алкогольную и табачную продукцию. (Предполагалось, что сумма собираемых налогов будет увеличена на 8 млрд 300 млн долл. в год). При замедлении темпов экономического роста в стране (не более 2,8 %, по прогнозам на 2015 г.) данный закон не вызвал большой поддержки со стороны бизнеса и правой оппозиции, критикующих правительство за несоответствие проводимой политики экономической реальности и за его стремление к дорогостоящим популистским успехам [12].

Правительство в свою очередь не скрывало, что проведение налоговой реформы являлось вспомогательной мерой, необходимой для реализации важнейшего из обещаний Бачелет — введения всеобщего бесплатного образования на всех уровнях.

Это обещание само по себе, даже просто заявленное в программе, уже имело в чилийской ситуации вполне революционный оттенок. Чилийская модель образования, особенно на школьном уровне, является смешанной, но в ней преобладают частично или полностью платные учебные заведения — наиболее качественные и востребованные. Для получения высшего образования (полностью платного) предусмотрена система льготных кредитов и стипендий. Эта система, нелиберальные основы которой были заложены еще режимом А. Пиночета, неоднократно вызвала молодежные протесты — от выступлений школьников, состоявшихся в период первого президентства М. Бачелет (2006–2010 гг.), до массовых студенческих волнений, обрушивших популярность правительства С. Пиньеры в 2010–2014 гг. [2, с. 27–37; 3, с. 58–68].

Таким образом, пришедшее к власти левоцентристское правительство, представлявшее коалицию, расширенную за счет коммунистов и ряда небольших левых партий, было поставлено перед необходимостью быстро и решительно отреагировать на эти требования.

Законопроект о реформе образования, одобренный Конгрессом в январе 2015 г., с тем чтобы вступить в силу с марта 2016 г., включал несколько этапов. На первом уровне: прекращение родительских взносов и доплат, специального конкурсного отбора в хорошие школы, а также ликвидацию понятия прибыли в «субсидируемых» (смешанных) школах и лишь затем, после необходимой подготовки, переход к бесплатному высшему образованию. Особые споры и разногласия вызывали не столько полностью частные (во многом традиционные для Чили), сколько «субсидируемые» школы, финансирование которых осуществляется и семьей, и государством с помощью специальной образовательной субсидии, выплачиваемой на каждого ученика. За годы последовательной социальной политики, проводимой с 1990-х гг., эти школы стали доступны так называемому «новому среднему классу», готовому частично оплачивать образование своих детей. Противники этой формы обучения критиковали ее за многочисленные взносы и доплаты, собираемые с родителей, а также за понятие «прибыли», недопустимое в системе образования вообще. Сторонники же в свою очередь указывали, что вместо ликвидации хорошо работающих смешанных школ необходимо усилить финансирование и повысить качество отстающих муниципальных учреждений, находящихся в бедных городских и сельских районах [9].

Предвидя неоднозначную реакцию общества на ожидаемую, но при этом весьма противоречивую реформу, правительство подчеркивало, что новая модель будет реализована не сразу, а поэтапно, с необходимой апробацией первых результатов. Президент же в специальном выступлении призвал родителей «соблюдать спокойствие и оказывать доверие» правительству, которое «не собирается закрывать школы, а, напротив, будет вводить все изменения постепенно» [8].

Помимо изменения системы образования, бурную реакцию общества вызвал законопроект о частичной легализации абортов, также отправленный на обсуждение в Конгресс. Законопроект предусматривал разрешение аборта только в трех особых случаях: если существует подтвержденная опасность рождения ребенка с серьезными генетическими заболеваниями; если есть угроза для жизни матери; если женщина стала жертвой насилия. (Немаловажно, что полный запрет абортов в Чили был узаконен только в 1989 г., уходящим со сцены режимом А. Пиночета. До этого момента с 1931 г. аборт по медицинским показаниям был разрешен).

Несмотря на то, что в поддержку законопроекта выступила часть профессионального сообщества (Медицинский колледж и Колледж акушеров), целый ряд влиятельных политических и общественных организаций консервативного толка встретили эту инициативу крайне негативно. Ректор Католического университета Игнасио Санчес в интервью газете *La Tercera* заявил: «Никто из медиков-профессионалов, работающих в университетской системе здравоохранения, не будет производить операции по прерыванию беременности ни в одном из указанных случаев, даже если закон все-таки будет принят» [16]. С критикой проекта выступили правые партии, а также часть ХДП, президент которой Игнасио Уолкер, призвал своих однопартийцев «голосовать согласно своей совести». Такая позиция христианских демократов не вызвала понимания внутри «Нового большинства»: лидер социалистов Освальдо Андраде справедливо отмечал, что все пункты избирательной программы, включавшей и тему абортов, разрабатывались совместно с ХДП; в данном случае голосовать «по совести» — значит просто выполнять свои обещания [16]. Таким образом, спор о разре-

шении или дальнейшем запрете абортот вышел далеко за рамки медицинской и социальной проблематики, затрагивая религиозно-этические и политические взгляды представителей различных партий и общественных групп.

Дискуссии по поводу важнейших политических изменений разворачивались на фоне неблагоприятных событий в жизни страны. Помимо стихийных бедствий, поразивших северные и центральные регионы (в начале 2014 г. — землетрясение в районе г. Икике, катастрофический пожар в г. Вальпараисо, в марте 2015 г. — ливневые дожди, вызвавшие разрушения в районе Антофагасты), совершенно неожиданно перед президентом и правительством встала задача противодействия террористическим актам, возможность которых еще совсем недавно даже не рассматривалась как реальная общественная угроза.

В сентябре 2014 г. в Чили произошло несколько терактов: 8 сентября в торговом центре, расположенном на одной из центральных станций столичного метро, взорвалась бомба, в результате 14 человек получили ранения различной степени тяжести; 25 сентября в центре Сантьяго в результате взрыва самодельного устройства погиб человек. Эти события произвели на общество и власть шокирующее впечатление — тем более что ни исполнители, ни заказчики преступления не были найдены, хотя полиция арестовала троих подозреваемых в осуществлении теракта. Правительство заявило о необходимости провести сложное расследование и обвинило «антисистемные анархистские группировки», которые стремятся расшатать политический порядок в стране [7].

Если различные акты насилия со стороны анархистских групп и радикалов индейского движения (стычки с полицейскими, пикеты на дорогах, поджоги грузовиков) происходили и раньше, не являясь чем-то абсолютно неожиданным, то теракт в оживленном общественном месте столицы, едва не приведший к гибели десятка людей, стал беспрецедентным событием. В обществе обострилась дискуссия о способности властей обеспечивать безопасность своих граждан, а также о намерении М. Бачелет отменить жесткий «антитеррористический закон», принятый еще военным режимом и в последние годы применявшийся против активистов радикального движения индейцев-мапуче в Араукании — участников вооруженных столкновений с полицией.

В своих предвыборных заявлениях М. Бачелет неоднократно обещала отменить этот закон как несоответствующий современным демократическим условиям, а также критиковала более жесткую позицию С. Пиньеры, обострившего отношения государства с радикальными индейскими организациями. События сентября 2014 г. продемонстрировали неоднозначность данной проблемы и наличие реальной опасности, которая может угрожать спокойствию и нормальному функционированию общества.

Итогом стало решение Чили расширить полномочия полиции и Национальной службы разведки, а также провести модернизацию структур, отвечающих за противодействие терроризму, используя для этого опыт европейских стран, в частности Испании и Франции.

На всем протяжении 2014 г. продолжали углубляться разногласия между ведущими политическими силами чилийского общества. При этом естественное политическое противоборство между правящими партиями и оппозицией дополнялось принципиальными идеологическими расхождениями между христианскими демократами и левым крылом (коммунистами, частью социалистов) внутри «Нового большинства», что не могло добавить единства в рядах правительственной коалиции. По ряду важнейших вопросов христианские демократы нередко поддерживали правых, открыто критикуя президента за уступки «крайне левым», а также по поводу необдуманной ликвидации «субсидируемых» школ, неподготовленного введения принципа бесплатности образования, экономических последствий налоговой реформы. Реформа «биномиальной» системы также не была встречена единодушно, а в неприятии законопроекта об аборте ХДП фактически вообще отказалась от своих обязательств перед соратниками по коалиции.

Однако самым большим риском для «Нового большинства» оказалась жесткая протестная, радикальная позиция недавно принятых в коалицию левых: студенческие лидеры, ставшие депутатами парламента (Камила Вальехо, Кароль Кариола, а также близкие им независимые депутаты Габриэль Борик и Хеорхио Джексон), упрекали М. Бачелет в излишней осторожности, медлительности, нерешительности, дефиците лидерских качеств и нежелании проводить обещанные преобразования.

Некоторые члены компартии допускали порой враждебные и безответственные высказывания в отношении правых политиков и христианских демократов. Так, посол Чили в Уругвае, коммунист Э. Контрерас бездоказательно обвинил в произошедших в Сантьяго в сентябре 2014 г. взрывах оппозицию и представителей бизнеса, чем вызвал негодование в рядах правых партий, а христианским демократам, которых возмутило подобное поведение, припомнил двойственную позицию ХДП во время военного переворота 1973 г. ХДП потребовала извинений и жесткой реакции президента, однако этого не последовало, что сделало весьма туманными перспективы дальнейшего существования «Нового большинства» как единой коалиции.

В начале 2015 г. чилийская политика стала ареной громких коррупционных скандалов, затрагивающих как известные и высокопоставленные фигуры в рядах правой оппозиции, так и саму М. Бачелет.

Вначале разразился скандал, связанный с сыном и невесткой Бачелет — Себастьяном Давалосом и Наталией Компаньон, которая является совладелицей небольшой компании по недвижимости Каваль (Caval). Эта компания в ноябре 2013 г., после успешного для М. Бачелет первого тура выборов, получила кредит в Банке Чили на сумму, эквивалентную примерно 10,4 млн долл. для приобретения нескольких земельных участков, которые позже были проданы с прибылью 4,8 млн долл. [13]. С. Давалосу было предъявлено обвинение в том, что он, используя инсайдерскую информацию и личное влияние в корыстных целях, лоббировал выдачу этого кредита государственным банком страны. Скандал нанес серьезный удар по популярности Мишель Бачелет и правящей коалиции в целом, в то время как С. Давалосу пришлось отказаться от должности главы дирекции социально-культурных программ при президенте.

Следующей стала история с крупнейшей инвестиционно-финансовой компанией Пента (Penta), главы которой Карлос Альберто Делано и Карлос Еухенио Лавин были обвинены в уходе от налогов в особо крупных размерах, подкупах должностных лиц и других преступлениях, связанных с незаконным финансированием избирательных кампаний. Прокуратура начала расследование финансовых махинаций, к которым в той или иной степени оказались причастны многие известные политики правой оппозиции, особенно члены партии «Независимый демократический союз», оказавшиеся или родственниками, или друзьями, или политическими соратниками основных фигурантов. Так, в отмыывании денег и взяточничестве были обвинены видные деятели партии Пабло Вагнер, занимавший пост в Министерстве горнодобывающей промышленности при правительстве С. Пиньеры, и экономический советник компании Карлос Бомбаль, один из исторических лидеров партии. Эти разоблачения вызвали и ряд громких отставок: так, например, вынужден был уйти со своего поста председатель «Независимого демократического союза» Эрнесто Силва, заявивший, что партия нуждается в серьезном обновлении и пересмотре своих принципов, и его заместитель Иван Морейра, чье имя упоминалось в ходе расследования [11].

Характерно, что для Чили это был первый за последние 30 лет коррупционный скандал такого масштаба, повлекший за собой привлечение к ответственности за экономические преступления владельцев крупнейшей финансовой компании и глубокий политический кризис в рядах старейшей и влиятельной партии.

В итоге первый год пребывания у власти второго правительства М. Бачелет характеризовался не столько быстрым и решительным выполнением громких обещаний, сколько нарастанием серьезных проблем в политической и экономической сфере. Налоговая реформа, объявленная вопреки всем предостережениям на фоне замедления темпов экономического роста, повысила уровень недоверия правительству в предпринимательской среде, на союзе с которой два десятилетия держалась экономическая политика демократической власти. Известный чилийский аналитик Эктор Сото отмечает, что для М. Бачелет «нового периода» характерно стремление «подавить» частный сектор, гипертрофируя инновационную и экономическую роль государства. Ошибочность этой позиции уже не раз доказывала история, в частности чилийская история. Тем не менее начало второго президентства Бачелет было отмечено редкой бескомпромиссностью решений, стремлением вообще обойтись без каких-либо соглашений или переговоров с представителями других политических сил, сторонниками другой точки зрения — будь то вопрос об образовании или реформе «биномиальной» системы [17].

Как с горечью добавляет Э. Сото, второе правительство Бачелет положило конец принципам постепенности, осторожности и продуманности любых перемен, традиционно исповедуемых прежней, действительно левоцентристской, коалицией «Консертасьон» [17]. (По-видимому, изменение названия иногда меняет и суть самого явления.) В «Новом большинстве» оказались востребованы быстрота, стремительность («сейчас или никогда») и иллюзорная простота решения сложнейших проблем — как будто такие структуры, как модель образования или экономическая модель, могут быть удачно изменены за одну неделю, силой молодежных протестов или популистских лозунгов.

С конца 2014 г. Мишель Бачелет стремительно теряла кредит доверия, полученный в ходе президентских выборов. Усиливавшаяся политическая турбулентность, нарастание противоречий в обществе и внутри политического класса, отсутствие единодушия в восприятии кардинальных реформ в рядах правящей коалиции, история с сыном и невесткой привели к тому, что в марте рейтинг президента опустился до 34 %, а ее способность решать проблемы оценили позитивно всего 43 %. При этом деятельность правительства в целом одобряли 53 % опрошенных [4]. Президенту настоятельно рекомендовали «спуститься с небес на землю», стать реальным главой кабинета, не делегирующим ответственность министрам, но способным разбираться в ситуации и предлагать серьезные решения, которых требует общество. «А говорить серьезно — это не то же самое, что улыбаться и позировать перед камерами», — жестко упрекал Бачелет один из самых язвительных и в то же время объективных чилийских публицистов Патрисио Навиа [14].

Не внушает оптимизма текущая экономическая ситуация, затрагивающая не только Чили, но и весь регион: конец «золотого десятилетия» 2003–2013 гг. и начало периода «тощих коров», замедление темпов экономического роста увеличивают риски постепенного снижения всех социальных показателей, увеличения бедности и нищеты. Издание «Социальная панорама», ежегодно издаваемое ЭКЛАК, уже зафиксировало пока едва наметившиеся, но вполне реальные угрозы применительно к 2015 г. Бедность в 2014 г. оставалась на уровне 28 %, впервые за прошедшие десять лет не сократившись ни на один процент, а нищета выросла с 11,3 % в 2012 г. до 12 %, что является настораживающим моментом [15]. Как отмечают известные латиноамериканские аналитики (Ф. Стейнберг, К. Маламуд, С. Пачано и др.), неблагоприятные экономические факторы и ошибки, допущенные за длительный период благополучия (недостаточные вложения в инфраструктуру и социальную сферу, в образование и здравоохранение, в создание новых рабочих мест), могут повернуть вспять начавшиеся процессы социального возрождения многих стран региона [18]. В различных социальных слоях латиноамериканского общества вместо позитивного ощущения подъема и открывающихся возможностей вновь распространяется чувство традиционного латиноамериканского пессимизма, основанного на признании своей глубокой экономической и социальной отсталости по сравнению со странами Запада.

Чили, в которой экономический рост, по прогнозам на 2015 г., едва достигнет 2,8 % (вместо 5–6 % еще несколько лет назад), не является исключением в общей картине. Однако наибольшие риски для страны представляет не экономика — здесь не худшая ситуация, особенно на фоне соседей, — а политика. «Неприятные факты, свидетелями которых мы стали, вызвали утрату доверия в обществе... Чтобы восстановить его, потребуются не только политическая воля, но и конкретные меры, которые способны возродить уважение к нашим политическим институтам» — признавалась и сама Бачелет в одном из выступлений [6].

Таким образом, на вопрос о том, что все-таки преобладает в современной политической ситуации в Чили: процессы, ведущие к определенной дестабилизации, или конструктивная политическая стратегия, не свободная, как и всякая реальная политика, от ошибок и перекосов, — сложно дать однозначный ответ. Не преувеличивая возможные риски, которые вряд ли несут серьезную угрозу самим основам чилийской модели, необходимо отметить одно важное обстоятельство: длительный период политической преемственности и стабильности закончился во время президентства С. Пиньеры. Второму правительству М. Бачелет приходится с трудом удерживать равновесие между решительным движением к переменам левых, готовых к радикальной трансформации социально-экономической модели, и бескомпромиссной позицией правых, в данный момент отвергающих любые перемены вообще. Способность справиться с этими крайностями во многом зависит от лидерских качеств и

собственной политической позиции М. Бачелет, которая в настоящее время подвергается серьезной проверке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дьякова Л.В. Возвращение Мишель Бачелет // Латинская Америка. — 2014. № 1.
2. Дьякова Л.В. Деятельность правительства Мишель Бачелет в 2006–2008 гг. // Латинская Америка. 2009. № 3.
3. Дьякова Л.В. Себастьян Пиньера: год у власти // Латинская Америка. 2011. № 5.
4. La aprobación de Michelle Bachelet cae 18 puntos en un año según sondeo. 09.03.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/03/09/>
5. Bachelet aplaude el fin del sistema electoral binominal y la derecha se opone. 14.01.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/01/14/>
6. Bachelet cumple primer año de gobierno en Chile socavada por pérdida de confianza pese a logros. 11.03.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/03/11/>
7. Bachelet dice que están tomando todas las medidas para que Chile sea seguro. 25.09.2014 // URL: <http://www.infolatam.com/2014/09/25/>
8. Bachelet pide calma y confianza tras aprobación de reforma educativa en Chile. 27.01.2015. // URL: <http://www.infolatam.com/2015/01/27/>
9. Brunner J.J. Clase media, educación y DC. 05.11.2014 // URL: <http://www.infolatam.com/2014/11/05/>
10. Cámara aprobó en tercer trámite el fin del sistema binominal. 20.01.2015 // URL: <http://www.gob.cl/2015/01/20/>
11. Dimite el presidente de la derechista UDI, el principal partido de Chile. 12.03.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/03/12/>
12. Gobierno chileno afirma que reforma tributaria dará estabilidad a la economía. 11.09.2014 // URL: <http://www.infolatam.com/2014/09/11/>
13. Navia P. La autoridad moral de Bachelet. 22.03.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/03/22/>
14. Navia P. Penta versus Caval. 05. 03. 2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/03/05/>
15. Nuñez R. América Latina: vuelven las vacas flacas? 30.04.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/04/30/>
16. Sectores centro y derecha rechazan proyecto para despenalizar aborto en Chile. 2.02.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/02/02/>
17. Soto H. Lo que está claro y lo que sigue en duda. 4.01.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/01/04/>
18. Steinberg F. La economía en América Latina se frena. 14.04.2015 // URL: <http://www.infolatam.com/2015/04/14/>

Э.Г. ЕРМОЛЬЕВА, Н.Ю. КУДЕЯРОВА

НОВАЯ ИСПАНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОСТКРИЗИСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье исследуется проблема современной испанской эмиграции, сформировавшейся под воздействием финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Дан сравнительный анализ социально-экономических характеристик эмиграции исторической волны 1960–1970 гг. и современного периода. Для миграции исторической волны был характерен ротационный характер, основная часть мигрантов обладала низким уровнем профессиональной подготовки и была занята в сферах малоквалифицированного труда. Для современной испанской эмиграции характерны высокий уровень профессиональной квалификации и большая географическая диверсификация. Помимо стран Евросоюза, важными направлениями стали страны Латинской Америки.

Ключевые слова: Испания, Европа, Латинская Америка, эмиграция, экономический кризис, рынок труда, безработица, утечка умов.

En el artículo se analiza el problema de la emigración española actual surgida como resultado de la crisis económica global de 2008–2009. España de nuevo se está transformando en un país de emigración masiva que puede repetir la experiencia dramática de los años 1960–1970, cuando miles de españoles salieron para otros países europeos en busca de mejores condiciones de vida y trabajo. En presente investigación se realiza un análisis comparativo de las condiciones socio-económicas de los flujos migratorios de 1960–1970 y del periodo actual. Si la emigración de las décadas 60 y 70 fue caracterizada por el bajo nivel de educación, el flujo migratorio actual se determina por el alto nivel de preparación de los jóvenes migrantes y por la diversificación geográfica del destino. Aunque los países europeos siguen siendo polos de atracción más preferibles para los emigrantes de España, está creciendo el papel de Latinoamérica cuyos gobiernos tratan de reclutar a los profesionales y científicos españoles.

Palabras clave: España, Europa, América Latina, emigración, crisis económica, mercado laboral, desempleo, fuga de cerebros.

The article outlines new trends in the international flows of highly-skilled human resources from Spain because of deep economic crisis started in 2008 with its dramatic social consequences. High levels of youth unemployment as a result of downturn of national labor market provoked emigration of young Spaniards. The paper aims to compare the main socio-economic characteristics of recent migration and massive movements of the 1960–1970s when thousands of domestic Spaniards went abroad, to neighboring European countries to find a job and better life conditions. That historical wave of migration had rotary cycles and was composed mainly by low educated and unskilled workers. In comparison, among recent Spanish-born emigrants predominates educated and highly-qualified youth. However the Europe is the main end of attraction, some Latin American countries are increasing their importance due to the government politics with the purpose of recruiting Spanish scientists and highly qualified professionals.

Key words: Spain, Europe, Latin America, emigration, economic crisis, labor market, unemployment, brain drain.

Посткризисная трансформация миграционной модели страны

Мировой финансово-экономический кризис оказал глубокое воздействие на социально-экономическую сферу Испании. Особенно сильно он затронул национальный рынок труда. В течение пяти лет, начиная с 2008 г., произошло трехкратное увеличение уровня безработицы, в 2013 г. пиковый показатель достиг 27 %. Несмотря на последовавшее снижение, значение этого индикатора продолжает оставаться высоким. Согласно данным Министерства занятости и социального обеспечения, в марте 2015 г. численность безработных составило 4 452 тыс. человек, а относительный уровень — 23,7 % [19].

Испания относится к числу европейских стран, в наибольшей степени испытывавших негативное влияние кризиса. Даже на фоне общего низкого темпа восстановления экономик еврозоны, уровень безработицы в иберийской стране в два раза превышает средний европейский показатель в 11 % [21, р. 53]. Еще более рельефно дисбаланс на рынке труда Испании проявляется в молодежной возрастной группе (15–24 лет), в которой в 2014 г. нетрудоустроенными были 52,4 % (для сравнения: в среднем по ЕС–27 этот показатель находился на уровне 21,1 %) [21, р. 55].

Известно, что динамика миграций тесно взаимосвязана с ситуацией на рынке труда — отток излишней рабочей силы приводит к уравниванию и частичному снятию напряжения в сфере занятости, которое возникает в результате экономических потрясений. Испания не является в этом отношении исключением. В 2010 г. впервые за десять лет было зарегистрировано отрицательное сальдо миграции. По данным Испанского института статистики (Instituto Nacional de Estadística, INE), в 2013 г. число выехавших почти в два раза превысило число приехавших (532,3 тыс. человек против 280,8 тыс., соответственно [19]). По итоговым показателям, за период с 2008 по 2013 гг. страну покинули 2,186 млн человек, из которых 1,924 млн были лицами иностранного происхождения, 262 тыс. — испанцами [18].

Специалистами неоднократно отмечалась двойственная природа современной испанской эмиграции: с одной стороны, общий поток характеризуется массовым возвратом натурализованных граждан в свои родные страны, а с другой — в нем присутствует самостоятельный сегмент коренных испанцев (см. **Рис. 1**). Одной из первых на необходимость подобного разделения обратила внимание исследователь Королевского института Элькано Кармен Гонсалес Энрикес, подчеркнувшая, что большая часть потока «состоит из мигрантов, осевших в Испании в 1998–2007 гг.» [16].

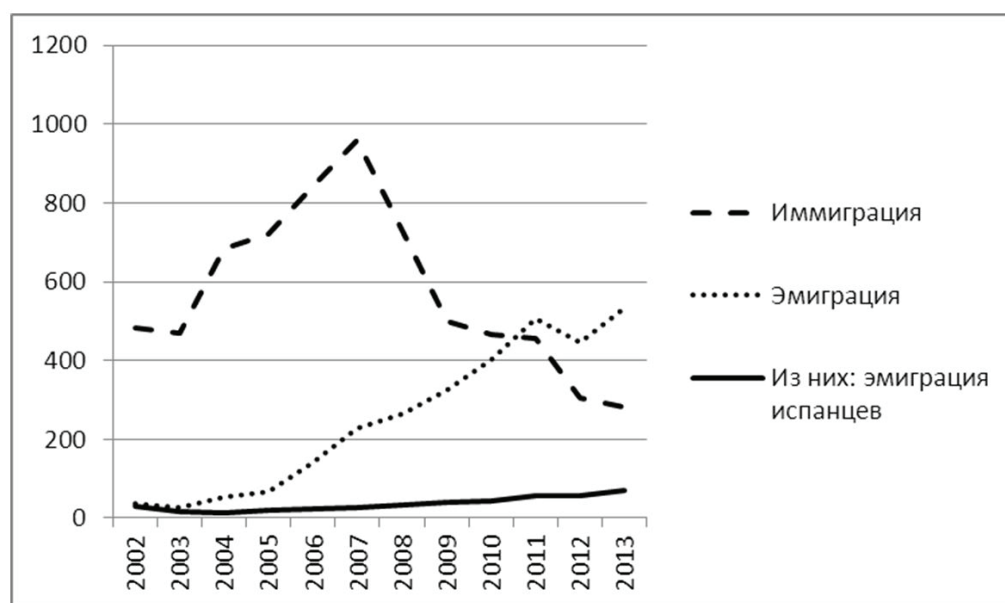

Рис. 1. Миграционные потоки в Испании 2002–2014 гг., тыс. человек.

Составлено по данным: *Instituto Nacional de Estadística (INE). Estadística de variaciones residenciales, Estimaciones de Población Actual.*

На фоне стагнации экономики и отсутствия перспектив трудоустройства увеличивалось отрицательное сальдо миграции. Люди, прибывшие в Испанию в период экономического благополучия, стали возвращаться на родину. Этот эффект наиболее заметен на примере латиноамериканских мигрантов. Так, численность основных диаспор в 2014 г., по сравнению с 2013 г., существенно сократилась: для мигрантов из Эквадора убыль составила 20,96 %, из Колумбии – 22,75 %, из Боливии – 22,22 %, из Перу – 23,76 %, из Аргентины – 15,20 % [18]. Важно отметить, что эти государства на протяжении последних 15 лет были основными донорами латиноамериканской иммиграции в иберийскую страну. В связи с возвратной миграцией уместно указать на улучшение социально-экономической ситуации в странах Южной Америки, что обусловило снижение активности выталкивающих факторов [1, с. 123–136]. Исследователи CEPAL в ежегодном обзоре социальной ситуации на континенте отмечали тенденцию к уменьшению безработицы, начавшуюся с 2002 г. [5, р. 13]. Несмотря на последствия финансово-экономического кризиса, в 2014 г. эти показатели в странах региона оставались самыми низкими с середины 1990-х гг., они колебались в среднем по Латино-Карибской Америке на уровне около 6 % [6].

На фоне обратной волны миграции особого внимания заслуживает менее массовый сегмент – коренные испанцы. На **Рис. 1** видно, что его численность неуклонно росла, начиная с 2004 г. В оценках масштаба эмиграции автохтонного населения имеются существенные различия: по данным INE, за годы кризиса иберийскую покинули 262 тыс. человек этой категории. В ряде исследований приводятся иные значения. По мнению сотрудника Центра гуманитарных и социальных наук (CSIC) Ампаро Гонсалес-Феррер, из Испании выехало не менее 700 тыс. испанцев [17, р. 10]. Точность статистических данных этой категории мигрантов в действительности оценить затруднительно, поскольку режим мобильности в рамках Евросоюза предполагает свободное передвижение рабочей силы. Бесспорным остается факт, что за годы кризиса отрицательное сальдо миграции коренных испанцев стало проявляться со всей очевидностью (см. **Рис. 2**).

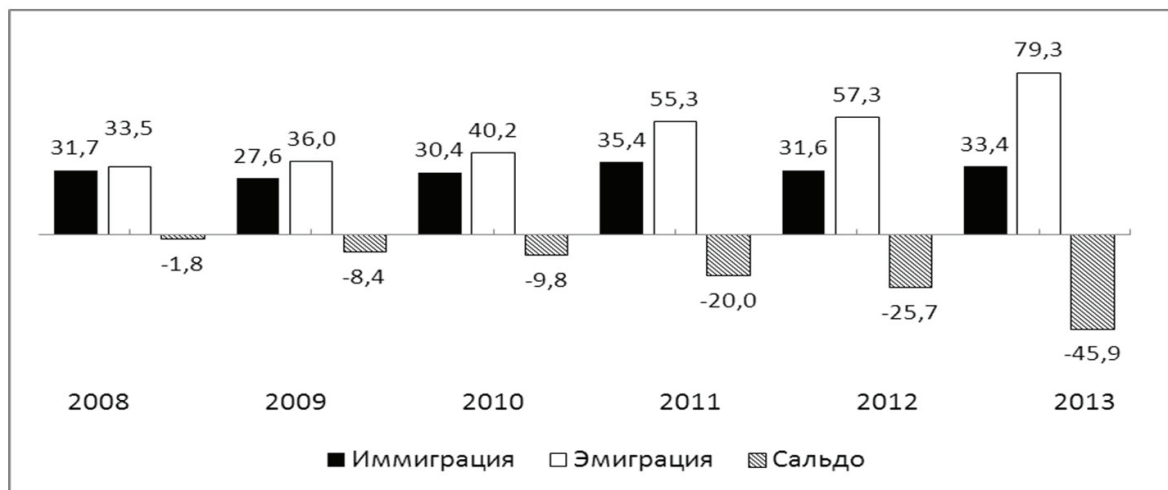

Рис. 2. Международная миграция испанцев, тыс. человек.

Источник: INE. *Estadísticas de migraciones*, 2013.

В контексте волны новой эмиграции в испанской прессе все чаще стала появляться драматичная отсылка к понятию трудового изгнания, напоминающему ту, действительно массовую эмиграцию 1960-х гг., когда тысячи испанцев отправлялись в другие страны Европы в поисках работы и лучшей жизни. Тот феномен можно именовать исторической волной (*la honda histórica*), в отличие от тенденции, порожденной рецессией конца первого десятилетия XXI в., и который одна группа исследователей охарактеризовала как новую испанскую миграцию (*migración neo-hispánica*) [8, р. 39–66]. В свете тревожных репортажей в СМИ происходящая трансформация миграционных потоков породила оживленную общественную дискуссию о том, что Испания опять превращается в страну массовой эмиграции, в проти-

воположность сложившейся за последнее десятилетие традиции приема иностранных граждан.

Беспокойство увеличивала статистическая информация, в которой подчеркивались основные характеристики современного исхода, в частности преобладание возрастной группы 25–34 лет. Это спровоцировало споры относительно «утечки умов» среди молодежи. Призывая объективно относиться к распространяемой в СМИ информации, К. Гонсалес Энрикес подчеркивала, что в потоке текущей миграции численность коренных испанцев не настолько велика [15]; в других исследованиях опровергается идея, что по профилю среди эмигрантов доминируют лица высокой квалификации, их авторы подчеркивают, что миграционный поток разнороден и не состоит исключительно из «супер-квалифицированной молодежи» (*jovencísimos súper-cualificados*) [17; 24]. На этом фоне возникает вопрос: как следует оценивать активно развивающийся в Испании спор о том, что страну ждет повторение эмиграционного опыта 1960–1970-х гг.?

Историческая волна испанской эмиграции, 1960–1973 гг.

Формированию исторической волны способствовало быстрое послевоенное восстановление экономик стран Западной Европы, стимулировавшее активную мобильность населения из менее развитых стран в направлении динамично растущих государств. В тот период происходила общеевропейская трансформация миграционных моделей: страны, в довоенный период игравшие роль доноров трудовых ресурсов (Германия и Великобритания, в меньшей степени Швейцария и Бельгия), начали проводить политику привлечения мигрантов. Так, численность контингента иностранных рабочих в ФРГ и Франции к началу 1970-х гг. достигла 8–10 % населения. Их приток шел преимущественно из стран средиземноморской Европы: Италии, Испании, Португалии и Греции (в порядке убывания) [34, р. 133].

Важную роль в регулировании процесса контрактации работников для соседних государств сыграл Испанский институт эмиграции (*Instituto español de emigración, IEE*), основанный в 1956 г. На начальном этапе IEE выполнял функции агентства по трудоустройству, получая, с одной стороны, необходимую информацию о вакансиях в различных странах, а с другой — подбирая и направляя коллективные предложения и заявления о приеме на работу за пределы Испании. Как отмечал Луис Кальво Сальгадо из Университета Цюриха, миграционная политика той эпохи служила исключительно инструментом политики занятости [4, р. 66].

Согласно данным, опубликованным в серии статистических обзоров IEE, за период 1960–1973 гг. испанский эмиграционный поток оценивался в 1 млн человек. Учитывая факт недокументированной эмиграции, можно предположить, что реальные значения превышали обозначенный уровень [28, р. 40]. По ряду оценок, в тот период в поисках выхода из тяжелой ситуации, которая сложилась в сфере труда в Испании, страну покинули не менее 2 млн человек [34, р. 136], 85 % из них обосновались в трех европейских странах — во Франции, ФРГ и Швейцарии.

Большинство аналитиков едины во мнении, что развитие испанской эмиграции в Европе во второй половине XX в. отвечает классической модели миграции. Эконометрическая теория американского социолога Эверетта Ли, появившаяся в 1960-х гг., подчеркивала действие выталкивающих и притягивающих факторов (*push/pull factors*). К первым были отнесены причины как экономического (безработица, низкий уровень доходов), так и социально-политического характера (бедность, дискриминация, ограничения на свободу совести и вероисповедания, войны). Притягивающими факторами служили более высокий уровень экономического развития, более высокие доходы, безопасность, возможность получить доступ на рынок труда (в том числе, в неформальном секторе, что особенно важно для нелегальных иммигрантов) [12]. Присутствие этих обстоятельств находим в испанской ситуации, где миграция определялась разрывом между демографическим ростом и экономическим развитием внутри иберийской страны и, как следствие, выталкиванием вовне избытка экономически активного населения. И внешняя (зарубежная) миграция действовала как клапан, снимавший в самой Испании напряжение, создававшееся на национальном рынке труда.

Однако парадокс состоял в том, что этот всплеск миграции совпал с началом периода активного экономического роста. План экономической стабилизации 1959 г. (*Plan Nacional de*

Estabilización Económica) способствовал либерализации экономики. В 1960–1970 гг. ежегодный прирост ВВП составлял в среднем 7,5 % [35]. По мнению испанского историка Хуана Вилара (Университет Мурсии), «это изменение в политике способствовало перераспределению населения как по сферам занятости в экономике, так и в географическом пространстве внутри страны, сформировав полюсы развития в Каталонии, Стране басков и Мадриде. За этим изменением последовал отток рабочих рук вовне, что сняло давление на рынке труда, созданным избытком активного населения» [34, р. 135–136].

Испанская эмиграция на начальном этапе исторической волны была ориентирована преимущественно на Францию. Согласно данным Высшего совета научных исследований (CSIC), в 1968 г. испанская колония во Франции состояла из 607 тыс. граждан. Основу этого контингента составляли уроженцы Андалусии, Валенсии и Мурсии, которые направлялись в первую очередь в аграрный сектор и обосновывались на прилегающих к границе территориях юга и юго-востока Франции. Также испанские рабочие находили вакансии в промышленности и сфере услуг в географической зоне по оси Париж – Лион. Однако со временем из-за активизации миграции в пользу других стран – Германии и Швейцарии – число въездов во Францию стало сокращаться.

До начала 1960-х гг. ФРГ не находилась в числе лидеров европейских стран по приему мигрантов. Но возрастающая потребность в рабочих руках для активно развивавшейся экономики стимулировала немецкое правительство к подписанию двусторонних договоров по контрактации трудящихся с Италией (1955 г.), Испанией и Грецией (1960 г.), Португалией (1964 г.) и такими странами, как Марокко и Тунис (1963 и 1965 гг.). Механизм, учрежденный между испанским государством и ФРГ, основывался на модели *миграции посещения* (*migración asistida*), ее контролировали совместно Испанский институт эмиграции (IEE) и с немецкой стороны – Институт по трудоустройству и страхованию безработных (*Bundesanstalt der Arbeitsvermittlung Arbeitslosenversicherung*). В рамках того соглашения, в период с 1960 по 1973 гг. в Германию въехало около 600 тыс. сезонных рабочих. Представляется, что в реальности их численность была выше, поскольку значительная доля (не менее 30 %) испанцев пересекала немецкую границу и эмигрировала в ФРГ вне контроля со стороны IEE – по туристическим визам или по иным каналам [31, р. 11].

Модель *миграции посещения*, развивавшаяся между Испанией и ФРГ, представляла собой разновидность сезонной миграции. Этот формат был обусловлен особенностями немецких (а также швейцарских) правовых норм, которые не способствовали постоянному поселению или получению гражданства привлекаемыми извне рабочими. В результате в этих странах приоритет отдавался временному найму иностранцев (гастарбайтеров). Типичным мигрантом был подсобный технический рабочий, преимущественно холостой мужчина в возрасте 25–45 лет, с низкой квалификацией на момент своего прибытия в принимающую страну [34, р. 135]. Согласно оценкам, в 1968 г. среди испанцев мужского пола, эмигрировавших в Германию, 8 из 10 относились к категории полуквалифицированных или неквалифицированных рабочих [31, р. 12].

Численность испанских рабочих и членов их семей в Германии выросла к 1973 г. до 286 тыс. человек, образовав одну из наиболее многочисленных групп после турок, югославов, итальянцев и греков [31, р. 11]. Среди испанцев преобладали мигранты из наиболее отсталых регионов Испании – Андалусии и Галисии. Они занимали рабочие места главным образом в металлургической промышленности и в сопутствующих отраслях, в меньшей степени – в строительстве, горной промышленности и транспорте. Географически испанские эмигранты сосредотачивались в наиболее индустриально развитых регионах Германии – Северном Рейне-Вестфалии, Баден-Вюртемберге и Гессене [34, р. 140].

Испанская миграция в Швейцарию развивалась по схожему с немецким сценарию. Численность рабочих из иберийской страны в период с 1961 по 1967 гг. оценивалась в 265 тыс. человек. Среди них преобладали выходцы из Галисии и Кастилии-и-Леона, Астурии и Андалусии. Они были задействованы преимущественно в гостиничном деле (24,13 %), в металлургической промышленности и ее производных (17,8 %), в строительстве (17 %) [34, р. 140].

Начавшийся осенью 1973 г. нефтяной кризис привел к сокращению объемов производства в ФРГ. На этом фоне миграционный поток из Испании и других стран юга Европы значительно уменьшился, рекрутирование новых рабочих приостановилось, и были задействова-

ны меры по отправке (возврату) излишка иностранной рабочей силы. При этом, несмотря на неблагоприятную ситуацию и правовые ограничения, в Швейцарии осталось значительное число испанцев. В 1998 г. было зарегистрировано 145 тыс. резидентов — граждан иберийской страны [34, р. 140].

Помимо Франции, ФРГ и Швейцарии, испанские эмигранты проявляли заинтересованность в работе и в других европейских странах: Бельгии, Великобритании и Нидерландах. На начальном этапе наибольшее число испанских рабочих привлекала Бельгия, но затем поток переориентировался на Великобританию. Так, в 1969 г. британскими властями было зарегистрировано 7 тыс. испанцев [7], и в дальнейшем их численность быстро увеличивалась: в 1970 г. она достигла 39 тыс., в 1975 г. возросла до 51 тыс. Миграционный поток в Великобританию не был серьезно затронут последствиями нефтяного кризиса, поскольку аккумулировался преимущественно в секторах экономики, напрямую не связанных с производством, — гостиничном деле и надомных услугах со значительной долей женской занятости [34, р. 142].

Подводя итог краткому обзору испанской миграции *исторической волны*, можно отметить несколько важных деталей. Основная часть мигрантов обладала низким уровнем профессиональной подготовки и была занята в сферах малоквалифицированного труда. Ей был свойственен ротационный характер (см. **Рис. 3**). Большинство испанских эмигрантов, отправившихся в 1960-е гг. в европейские страны, затем вернулись на родину как под воздействием нефтяного кризиса 1973 г., так и в связи с оживлением испанской экономики, последовавшим за вступлением Испании в ЕС.

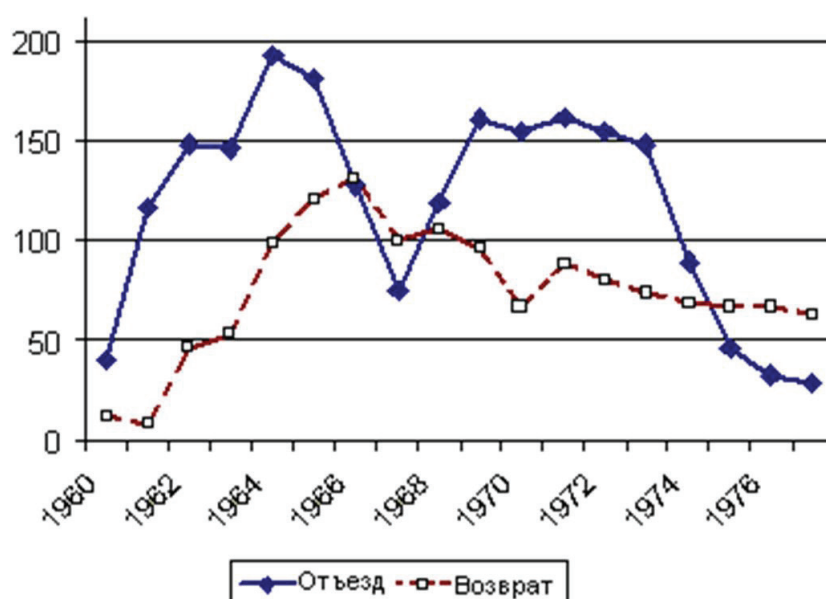

Рис. 3. Динамика передвижения испанских мигрантов в Европу, 1960–1977 гг., тыс. человек.

Источник: ¿Cuántos españoles emigraron a Europa entre 1960 y 1973? [Электронный ресурс]. URL: <http://sauc.pntic.mec.es/jotero/Emigra3/cuantos.htm>

Значительное число испанцев осталось на постоянное жительство в Германии, Швейцарии, Франции, Бельгии. В начале нового века, в 2002 г., в условиях испанского экономического бума, по данным Электоральной переписи резидентов за рубежом (Censo Electoral de Residentes en el Extranjero), в европейских странах проживало 488 тыс. испанцев в возрасте старше 18 лет [15]. Миграционное передвижение периода *исторической волны* оказало влияние на экономическую, социальную и культурную сферы как самой Испании, так и основных стран-реципиентов. Характеристика процессов, произошедших в 1960–1973 гг. важна для понимания сути дискуссии, разворачивающейся в Испании в наши дни, и в которой

участники пытаются определить, становится ли иберийская страна опять экспортером рабочих рук, как это было ранее, в 1960-е гг.

Особенности новой испанской эмиграции

Основные причины современного миграционного оттока испанцев за рубеж лежат преимущественно в экономической плоскости. Хотя потребность избежать материального неблагополучия и найти возможности для лучшей жизни характерны для обеих миграционных волн, существенно изменились характеристики самого мигранта — *протагониста* процесса. Если ранее, в 1960-е гг., страну покидали работники преимущественно с низким уровнем образования, то современный тип испанского эмигранта — это человек как мужского, так и женского пола с достаточно высоким уровнем квалификации, владеющий иностранным языком, который ищет лучшие условия работы в других странах.

Среди исследований, посвященных теме новых миграционных движений, особого внимания заслуживает работа Института молодежи Испании (Instituto de Juventud de España, IJE), озаглавленная «Эмиграция молодых испанцев в контексте кризиса. Анализ и данные о явлении, которое трудно оценить» [25]. Авторы доклада предприняли попытку выявить специфические черты испанских эмигрантов как предыдущих волн второй половины XX в., так и современного посткризисного периода.

Значительные различия наблюдаются в уровне информированности при принятии решения для реализации миграционного проекта. В настоящее время большинство мигрантов знают страну, в которую направляются, как из туристических поездок, так и визитов по учебным стипендиям или из предыдущего профессионального опыта. Способность говорить на иностранном языке — еще одно характерное отличие между двумя периодами эмиграции. Сегодня владение языками распространено в гораздо большей степени; так, для значительного числа молодых мигрантов английский язык выступает в роли средства межнационального общения (*lengua franca*).

Существенной трансформации подверглись временные характеристики миграции. Если в 1960-е гг. она была либо сезонной, либо длительной (согласно оценкам, до 15–18 лет), то современный исход длится в среднем до четырех лет. При этом возможность возвращения на родину стала более открытой и во многих случаях предполагается, что положительная динамика на рынке труда Испании послужит стимулом для возвращения.

Главное отличие двух волн миграции лежит в сфере занятости. Если *историческая волна* в большинстве своем была аграрной (крестьяне составляли не менее 62 %), то *новая эмиграция* представляет собой перемещение профессионалов, связанных со сферой услуг, многие из которых (около 80 %) [25, р. 8] обладают университетскими дипломами. При этом существенным стимулом для значительного числа молодых людей становится стремление обогатиться за границей свой профессиональный опыт, чтобы по возвращении иметь возможность претендовать на более выгодную работу в Испании. Обобщая социально-демографические параметры, *новую испанскую эмиграцию* можно охарактеризовать как отток молодого высокообразованного человеческого капитала.

Важной отличительной чертой является значительная дифференциация направлений миграции, притом, что европейские страны продолжают оставаться важным полюсом притяжения для испанских эмигрантов, возрастает роль Латинской Америки. Этому способствует целенаправленная политика правительств ряда стран региона, ориентированная на привлечение испанских ученых и квалифицированных специалистов. Так, в формате миграции по оси Испания — Латинская Америка речь идет, прежде всего, о программе поиска талантов.

Для подтверждения такого вывода во многом приходится опираться на экспертные оценки и субъективные суждения участников процесса. Так, в отношении растущего числа отъездов университетских преподавателей и ученых в связи с ухудшением финансовой ситуации в испанских университетах, М. Хуан Перес, преподаватель департамента трудоустройства Автономного университета Мадрида, отмечал, что «в первые годы кризиса профессора уезжали в Германию или Великобританию, но в настоящее время увеличивается число выбирающих для работы страны по другую сторону Атлантики» [9].

В контексте «обмена умов» между Латинской Америкой и Испанией обращает на себя внимание поток, образованный несколькими десятками испанских исследователей, уча-

ствующих в «Программе Прометей» (Programa Prometeo), инициированной в 2013 г. правительством Эквадора. Ее целью является привлечение ученых и преподавателей из различных стран мира в эквадорскую университетскую систему и укрепление инфраструктуры национальной науки, технологий и инноваций [27]. Сходные действия предпринимают и другие страны Латинской Америки. Например, Чили начала осуществлять проект по набору иностранных специалистов, и одним из основных контингентов являются преподаватели и выпускники испанских университетов. Не отстает от соседей в процессе привлечения молодых испанских специалистов и другая южноамериканская страна — Парагвай, которая нуждается в квалифицированном техническом персонале, инженерах и иностранных преподавателях.

Согласно данным Международной организации по миграции (ОИМ), другими странами, привлекательными для человеческого капитала из Испании, являлись Аргентина, Бразилия, Колумбия, Перу [29, р. 70]. Как отмечали исследователи, портрет современного испанского мигранта, в частности в Аргентине, — это холостой мужчина в возрасте 25–35 лет, с высоким уровнем образования, стремящийся к профессиональной автономии и нацеленный на карьеру в крупной международной компании [29, р. 63].

Расширение латиноамериканского вектора миграции говорит о возросшей конкурентоспособности стран региона в борьбе за привлечение квалифицированных кадров. Притом, что их собственный научно-исследовательский сектор пока не способен в должной мере бороться за европейских ученых (показательно, что доля его финансирования в структуре ВВП еще довольно мала, только в Бразилии она составляет 1,2 %), именно образовательная сфера притягивает значительное число специалистов из иберийской страны.

На фоне тяжелой экономической ситуации в Испании и нестабильности для долговременного трудоустройства в соседних странах Европы Южная Америка превращается в реальную альтернативу для тех преподавателей и ученых Испании, которые предпочли продолжить работу в университетах. В качестве примера можно привести опыт дипломированных специалистов из Галисии, которые уезжают в Латинскую Америку на срок от одного до трех лет с предложениями по окладам, которые «невозможно отклонить, сравнивая с возможностями в Испании» [26].

О некоторых изменениях в направленности испанского эмиграционного потока свидетельствуют данные статистики. Согласно официальному Реестру испанцев, проживающих за рубежом (Padrón de Españoles Residentes en el Exterior, PERE), с 2013 по 2014 гг. наибольший прирост (в относительном выражении) населения испанского происхождения был зарегистрирован в Эквадоре (51 %), Колумбии (21 %), Перу (14 %). К странам со значительной численностью испанцев относятся Аргентина (404 тыс. человек), Венесуэла (188 тыс. человек) и Бразилия (117 тыс. человек). По данным PERE, 63 % испанских эмигрантов сосредоточены на американском континенте, 34 % — в Европе и 3 % — в остальных регионах мира [20]. Из общего числа испанцев, проживающих в Европе (2 058 048 человек), большинство находится в четырех странах: во Франции — 215 тыс., Германии — 122 тыс., Швейцарии — 103 тыс. и Великобритании — 81 тыс. Именно эти страны в наибольшей степени были вовлечены в миграции *исторической волны*, и в настоящее время они принимают значительную часть *новой испанской эмиграции*, состоящей как из граждан, получивших испанское гражданство, так и собственно коренных испанцев.

Многие испанские авторы акцентируют внимание на том, что данные PERE не отражают реального масштаба оттока, поскольку у многих испанцев-мигрантов нет особых стимулов сниматься с учета в Реестре или вставать на учет в консульствах стран пребывания. Поэтому наблюдается существенное различие между данными испанских источников и сведениями о регистрации в странах-реципиентах. Так, например, согласно британской статистике, число испанцев, охваченных Службой социального обеспечения к 2013 г. выросло на 42 % по сравнению с 2012 г., то есть увеличилось на 49,9 тыс. человек, а по статистике PERE — лишь 7 тыс. человек. Некоторые данные доклада «Эмиграция молодых испанцев в контексте кризиса», подготовленного ИЕ, подтверждают обозначенные выше тенденции. В нем, в частности, отмечается, что «число испанских эмигрантов, которые ежегодно регистрируются в системе социального обеспечения Великобритании (National Insurance Number, NIN — регистрация отчислений совершеннолетних граждан иностранных государств, находящихся на

территории страны), в 7,5 раз превышает показатель, регистрируемый PERE для той же самой страны [25, р. 40]». Одновременно подчеркивается, что почти $\frac{3}{4}$ проживающих в Европе молодых испанцев указывали в одном из опросов, что они не вставали на учет в испанских консульствах в странах пребывания.

Испания уже поднялась на второе место среди стран-доноров мигрантов в Соединенном Королевстве, уступая Польше, численность мигрантов из иберийской страны оценивается в 200 тыс. человек [13]. Великобритания, наряду с Германией, привлекает наибольшую часть молодежи, эмигрирующей из Испании. Согласно данным уже упомянутого доклада, за период с 2009 по 2013 гг. около 105 тыс. молодых испанцев эмигрировали в Великобританию и 25,5 тыс. человек — в Германию [25, р. 169].

Европейский контекст испанской эмиграции

Отсутствие перспективы найти работу является, без сомнения, определяющим фактором при принятии решения об эмиграции для представителей молодой возрастной группы, наиболее склонных к мобильности и изменению места жительства ради улучшения возможностей для трудоустройства. На этом фоне становится естественным формирование потока избыточных рабочих рук в направлении более благополучных стран, например Германии, где в 2008–2013 гг. средний уровень безработицы составлял 6–7 %. Крупнейшая европейская держава стала единственной страной континента, которой удалось сократить уровень молодежной безработицы с 12 % в 2007 г. до 7,9 % в 2014 г. [10] (в Испании эти показатели демонстрировали обратную динамику: выросли с 14,7 % в 2006 г. до 51,8 % в 2013 г.).

Представляется важным отметить данные «Обзора о состоянии образования профобучения» (Education and Training Monitor), опубликованного Европейской Комиссией. Согласно приведенной в нем статистике, в Испании уровень занятости среди выпускников вузов снизился с 82 % в 2008 г. до 60 % в 2013 г. Среди членов ЕС единственными странами с положительными показателями роста являются Германия и Великобритания, в которых уровень занятости среди недавно окончивших вузы составлял 89 % и 84 %, соответственно [11, р. 20].

Согласно push/pull модели, наряду с силами выталкивания, провоцирующими отъезд, действуют и иные, не менее значимые обстоятельства, и среди них — факторы притяжения, мотивирующие передвижение и определяющие конечную точку эмиграции. Такую модель представляет собой миграционный формат «Испания — Германия».

В последнее десятилетие Германия демонстрировала устойчивый экономический рост, который не прерывался под воздействием мирового финансово-экономического кризиса. Но для поддержания устойчивой динамики развития страна нуждалась в иностранной рабочей силе, поскольку из-за демографических проблем не имела возможности покрывать потребности немецкого рынка труда за счет собственных человеческих ресурсов. Согласно докладу немецкого Института по изучению занятости (Institut für Arbeitsmarkt und Berufsforschung, IAB) и Федерального агентства по труду, не менее 32 % руководителей немецких предприятий полагают, что нехватка рабочей силы высокого и среднего уровней квалификации может привести к значительному риску для их производственной деятельности. И не случайны целенаправленные усилия немецких властей по контрактации иностранной рабочей силы, предпочтительно молодежи, со средним и высшим образованием, которая могла бы компенсировать возникающий дефицит, главным образом, в пяти профессиональных категориях: инженеры, работники здравоохранения, квалифицированный технический персонал (электроника и ИКТ), работники для гостиниц и ресторанов. Но, в отличие от 1960-х гг. с преобладанием *гастарбайтеров* низкой квалификации, сейчас Германия осуществляет селективную политику, привлекая и облегчая интеграцию в национальный рынок труда рабочей силы более высокой квалификации и отказывая в трудоустройстве тем иностранцам, которые не соответствуют имеющимся потребностям. Согласно данным IAB, принципиально изменился профессиональный профиль мигрантов из стран Южной Европы, в том числе Испании. Так, если до 2004 г. лишь 8 % из них обладали дипломом университета, то к 2009 г. эта доля выросла до 54 % [32].

Важную информацию для сравнения настроений и восприятия перспектив развития европейских стран у молодежи дают результаты исследования, проведенного компанией Vodafone. У испанской молодежи неопределенность картины будущего нашла отражение в

пессимизме и намерении эмигрировать ради лучших условий жизни и профессиональной самореализации. Так, около половины итальянцев и испанцев считают зарубежье приоритетным выбором для участия в рынке труда. Подобные настроения контрастируют с ситуацией в Германии, где лишь 21 % молодежи стремятся найти работу за границей. На вопрос: верят ли они, что будут жить лучше, чем их родители? — только голландцы и немцы (71 % и 66 %, соответственно) ответили с оптимизмом, и это разнилось с пессимизмом испанцев, из которых только 29 % верят в то, что могут жить лучше, чем их старшее поколение [33].

Примечательно, что министр труда Испании Фатима Баньес отказалась давать оценку этому докладу Vodafone, ссылаясь на то, что он не является официальным документом. Тем не менее она признала факт, что с 2008 г. сальдо миграции, в том числе молодежи, является отрицательным. Одновременно она подчеркнула активную работу, которую ведет правительство Мариано Рахоя с начала его легислатуры, «чтобы дать молодежи больше возможностей», и привела в качестве примера «Стратегию молодежной занятости и предпринимательства» [3].

В поиске новой модели развития страны

Феномен новой испанской миграции со значительным молодежным компонентом породил в Испании активную дискуссию с широким спектром мнений. С одной стороны, это явление рассматривается как серьезная национальная драма, в которой находит отражение неверие молодого поколения испанцев в возможность найти работу и обрести достойный образ жизни в своей стране. С другой стороны, есть немалое число комментариев и публикаций, в которых авторы критически относятся к нагнетаемой в прессе тревоге, что Испания переживает период массовой эмиграции коренных испанцев и, более того, становится источником «утечки умов». Так, профессор Университета Валенсии Антонио Сантос Ортега, отметил, что в дискуссии, приобретшей черты «некоей социодрамы», нужно учитывать, что условия для «утечки умов» существовали еще до кризиса [30, р. 136]. В этом контексте однозначная оценка происходящих процессов едва ли сможет отразить всю сложность складывающейся ситуации.

По нашему мнению, во многом посткризисная ситуация свидетельствует о пределах существующей модели развития страны, которая оказалась уязвимой для внешних макроэкономических стрессов. Слабую востребованность квалифицированных кадров, подготовленных национальной образовательной системой, в сложившейся экономической структуре отмечали авторы исследования «Экономический кризис и новая миграционная панорама Испании», проведенного Фондом «Первое мая» Профсоюзной конфедерации рабочих комиссий (Fundación Primero de Mayo de CCOO). Призывая с осторожностью относиться к алармистским газетным утверждениям, они подчеркивали: «То, что представляется отличительной чертой новой эмиграции, на деле не является столь новым. Это явление имело место и до экономического кризиса. Корректным будет указать, что, наряду с высококвалифицированными специалистами, уезжали и те, кто таковыми не являлись» [2].

Отмеченные характеристики новой испанской эмиграции могут оказать негативное влияние на будущее развитие. Так, вице-президент Национальной федерации консалтинговых предприятий (FENAC) Франсиско Аранда с сожалением отмечал, что в настоящее время происходит потеря наиболее образованного за всю историю страны поколения. Подобное «бегство знаний и талантов» может создать препятствия для будущего экономического развития Испании [23]. Сходную озабоченность проявили и эксперты Банка Испании. В докладе, опубликованном осенью 2014 г., они указали на прямую связь между масштабом безработицы и повышением эмиграционных намерений граждан страны. Видя в этом негативный фактор для потенциального роста экономики, банк рекомендовал максимизировать усилия, направленные на снижение высокого уровня безработицы, и «способствовать созданию таких условий труда, которые облегчили бы возвращение обратно тех, кто уехал по время кризиса» [22].

Изменение макроэкономической модели страны может создать условия для возвращения в страну значительного числа граждан. Это подтверждают и данные, ранее приведенные на Рис. 2 и 3, где можно видеть, что значительная часть эмигрантов впоследствии возвращается на родину. Рассматривая результаты опроса эмигрировавших выпускников и сотрудников университетов из числа коренных испанцев (чуть более 1,5 тыс. человек), специалист по про-

блемам международных миграций Королевского института Элькано К. Гонсалес Энрикес отмечала их намерение вернуться на родину через 4–5 лет после отъезда. «Когда Испания возродится – а я уверена, что рано или поздно это все же произойдет, – те, кто возвратятся, принесут с собой новый опыт, знания иностранных языков, личные и профессиональные зарубежные контакты, информацию о других способах ведения дел», – комментировала аналитик [14].

Подводя краткий итог развернувшейся в Испании дискуссии о возможном повторении опыта трудового изгнания периода второй половины XX в., можно отметить, что современная миграция по своим масштабам, социальным и профессиональным характеристикам принципиально отличается от той исторической волны. Проводимые аналогии дают возможность по-новому оценить результат развития страны за сорок лет демократического периода, выделить несомненные достижения и уязвимые места. Трансформация миграционных потоков ставит в новом ключе вопрос о важности человеческого капитала для успешного социально-экономического развития страны. В настоящее время, несмотря на то, что макроэкономические показатели Испании постепенно стабилизируются, положение на рынке труда с сохраняющимся высоким уровнем безработицы остается неблагоприятным. Скорректировать сложившуюся эмиграционную ситуацию может изменение национальной модели экономического развития, ориентированное на активное использование профессионально подготовленного человеческого капитала. Это способно прервать тенденцию профессиональной декапитализации и создать условия для возвращения на родину испанских специалистов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кудярова Н.Ю. Трансформация миграционных потоков в Испании: посткризисные перспективы // Аналитические тетради ИЛА РАН / Ин-т Латинской Америки РАН. 2013. Вып. 23. – Куда идет Испания?
2. Alba Monteserín S., Fernández Asperilla A., Martínez Vega U. Crisis económica y nuevo panorama migratorio en España // Estudios. Fundación 1 de Mayo. 2013. № 65.
3. Báñez: el estudio que afirma que el 60 % de jóvenes emigrará para buscar empleo no es oficial. 10.12.2014. Europa Press. URL: <http://www.europapress.es/economia/laboral-00346/noticia-economia-banez-no-valora-informe-senala-60-jovenes-emigrara-buscar-empleo-porque-no-oficial-20141210103639.html>
4. Calvo Salgado L.M. La práctica social de la administración migratoria. Una historia oral del IEE / Historia del Instituto español de emigración. La política migratoria exterior de España y el IEE del Franquismo a la Transición. – Madrid: Ministerio de Trabajo e Inmigración. 2009.
5. CEPAL. Panorama Social de América Latina 2012. Documento informativo. Santiago de Chile, 2013.
6. CEPALSTAT. Base de datos 2014. URL: <http://estadisticas.cepal.org>
7. ¿Cuántos españoles emigraron a Europa entre 1960 y 1973? URL: <http://sauce.pntic.mec.es/jotero/Emigra3/cuantos.htm>
8. Domingo Valls A., Sabater Coll A., Ortega Rivera E. ¿Migración neohispánica? El impacto de la crisis económica en la migración española // EMPIRIA. Revista de Metodología de Ciencias Sociales. UNED. 2014. № 29.
9. El intelecto emigra a Sudamérica. 12.04.2014. El País. URL: http://sociedad.elpais.com/sociedad/2014/04/12/actualidad/1397329783_906707.html
10. España sigue siendo el país de la UE con mayor paro juvenil. 29.08.2014. URL: <http://www.servimedia.es/noticias/detalle.aspx?s=22&n=390201>
11. European Commission. Education and Training Monitor, 2014.
12. Everett S. Lee. A Theory of Migration // Demography, 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57. Приводится по: Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 1–19. URL: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12.html>
13. Gómez L. Reino Unido se consolida como destino 'anticrisis' de los españoles. 01.12.2013. El Mundo. URL: <http://www.elmundo.es/internacional/2013/12/01/5299dba561fd3df5498b458e.html>
14. González Enríquez C., Martínez Romera J.P. España: emigración de los españoles autóctonos

durante la crisis. 17.06.2014. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org>

15. *González Enríquez C.* ¿Emigran los españoles? // ARI. 2013. № 39. 18.09.2013. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org>

16. *González Enríquez C.* La emigración desde España, una migración de retorno// ARI, 2012, № 4. 17.01.2012. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org>

17. *González-Ferrer A.* La nueva emigración española. Lo que sabemos y lo que no // Zoom Político. 2013. № 18. P. 1–19.

18. INE. Cifras de Población a 1 de enero de 2014. Estadística de Migraciones 2013. 30.06.2014. URL: <http://www.ine.es>

19. INE. Encuesta de población activa. URL: <http://www.ine.es>

20. INE. Estadística del Padrón de Españoles Residentes en el Exterior (PERE) a 1 de enero de 2014. URL: <http://www.ine.es>

21. Informe trimestral de análisis de mercado de trabajo. Ministerio de Empleo y Seguridad. Número 111. Diciembre 2014. URL: <http://www.empleo.gob.es/>

22. *Izquierdo M., Jimeno J. F., Lacuesta A.* Los flujos migratorios en España durante la crisis // Boletín Económico. Banco de España. Septiembre 2014. URL: <http://www.bde.es>

23. Más de 300 000 jóvenes españoles han emigrado buscando trabajo. 01.02.2012. El Mundo. URL: <http://www.elmundo.es/elmundo/2012/02/01/economia/1328098978.html>

24. *Moldes R. y otros.* La Tercera Fase del Sistema Migratorio Europeo: jóvenes españoles en Alemania. Universidad Europea en Madrid, 2014. URL: <http://madrid.universidadeuropea.es/vivir-we/posts/un-estudio-refleja-la-realidad-de-los-jovenes-espanoles-en-el-mercado-laboral-aleman>

25. Navarrete Moreno L. (editor). La emigración de los jóvenes españoles en el contexto de la crisis. Análisis y datos de un fenómeno difícil de cuantificar. — Madrid, 2014.

26. Profesores gallegos fichan por universidades de Latinoamérica con sueldos da hasta 4.300 euros. 09.12.2013. Faro de Vigo. URL: <http://www.farodevigo.es/galicia/2013/12/09/profesores-gallegos-fichan-universidades/929349.html>

27. Prometeo. URL: <http://prometeo.educacionsuperior.gob.ec/>

28. *Puchal Pérez P.* Aspectos de la emigración exterior española en 1961–1970. Las pérdidas demográficas efectivas // Cuadernos de geografía. Universidad de Valencia. 1975. № 17.

29. Rutas y dinámicas migratorias entre los países de América Latina y el Caribe y la Unión Europea. OIM, 2012.

30. *Santos Ortega A.* Fuga de cerebros y crisis en España: los jóvenes en el punto de mira de los discursos empresariales // AREAS. Revista Internacional de Ciencias Sociales. 2013. № 32.

31. *Sanz Díaz C.* Emigración española y movilización antifranquista en Alemania en los años sesenta // Fundación 1º de Mayo. Documentos de trabajo. 2005. № 4.

32. *Seibert H., Wapler R.* Zuwanderung nach Deutschland: Aus dem Ausland kommen immer mehr Akademiker // IAB-Kurzbericht. 2012. № 21.

33. Talking about a Revolution: Europe's Young Generation on their Opportunities in a Digitised World – A Study Across Six European Countries. Vodafone Institute for Society and Communications. 2014.

34. *Vilar B.J.* Las emigraciones españolas a Europa en el siglo XX: algunas cuestiones a debatir // Migraciones & Exilios. Cuadernos AEMIC. 2000, № 1. P. 131–159.

35. World Bank. World Development Indicators. URL: <http://www.worldbank>.

Д.А. КУЗНЕЦОВ

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Происходящие трансформации в Латинской Америке уже привели к значительным изменениям ландшафта региональной интеграции. В настоящей статье кратко проанализирована эволюция интеграционных идей в регионе, а также основные характерные черты современного этапа интеграции, на котором ведущую роль начинают играть политические и идеологические факторы. Политизация многостороннего взаимодействия в регионе привела к субрегионализации, когда каждая субрегиональная интеграционная группа предлагает свою собственную модель развития, часто основанную на конкурирующих принципах. Автор также использует методiku SWOT-анализа для оценки факторов внутренней и внешней среды и предлагает несколько сценариев развития интеграции в Латинской Америке: «Панамериканская мечта», «Мечта Боливара» и «Латиноамериканская мозаика».

Ключевые слова: Латинская Америка, UNASUR, ALBA, MERCOSUR, CELAC, ОАГ, Тихоокеанский Альянс, интеграция, регионализм, регионализация, безопасность, Бразилия, Венесуэла, региональная держава, субрегионализм.

Las transformaciones que está atravesando América Latina ya han cambiado considerablemente la naturaleza de la integración latinoamericana. El artículo analiza en breve la evolución de las ideas de integración regional, así como los principales rasgos de su etapa actual que se caracteriza por el papel creciente de los factores políticos e ideológicos. La politización de la interacción multilateral en la región llevó a la subregionalización, el proceso que implica que cada grupo integracionista subregional propone su propio modelo de desarrollo. El autor utiliza el método de SWOT-análisis para evaluar los factores del ambiente interior y exterior y propone algunos guiones del desarrollo de la integración latinoamericana, tales como «Sueño panamericano», «Sueño bolivariano» u «Mosáico latinoamericano».

Palabras clave: América Latina, UNASUR, ALBA, MERCOSUR, CELAC, OEA, Alianza Pacífica, integración, regionalismo, regionalización, seguridad, Brasil, Venezuela, potencia regional, subregionalismo.

On-going regional transformations in Latin America have already dramatically shifted the landscape of Latin American integration. The article analyzes evolution as well as current trends of the regional integration and poses that political and ideological factors increasingly prove to be driving forces of regionalism leading to subregionalization, with each of the existing integration associations elaborating its own (and sometimes competing) development pattern. The author resorts to SWOT-analysis to single out internal and external forces, which influence integration in Latin America, and formulates several scenarios of regional/sub-regional development in the future, to wit: Pan-American dream, Bolívar's dream and Latin American mosaics.

Key words: Latin America, UNASUR, ALBA, MERCOSUR, CELAC, OAS, Pacific Alliance, integration, regionalism, regionalization, security, Brazil, Venezuela, regional power, sub-regionalism.

*«Идея латиноамериканской интеграции определенно не нова.
Но мы придали этому процессу особое значение и особый смысл.
Это наш абсолютный приоритет» [11].*

Л.И. Лула да Силва, президент Бразилии (2003–2010 гг.)

В настоящее время термин «интеграция» уже прочно закрепился в международном научном, политическом и экономическом дискурсе. Начиная с середины 1990-х гг., в зарубежной и, в значительно меньшей степени, в российской научной литературе стали издаваться работы по сравнительной интеграции, ставящие задачей доказать однородность интеграционных процессов в различных частях мира и критикующие нормативность европейской модели интеграции [25, с. 8]. В связи с этим был дан толчок к исследованию и сравнению интеграционных очагов в различных регионах мира. Учитывая крупные макрорегиональные трансформации, происходящие в основных мировых подсистемах, растет значимость изучения и модели латиноамериканского межгосударственного сотрудничества, в том числе регионального интеграционного взаимодействия, история которого началась в 1950-х гг.

От идей Боливара до этапа плюралистической интеграции

Латинская Америка — исторически первый регион развивающегося мира, вставший на путь интеграции. За более чем полвека развития интеграционных процессов в регионе накоплен значительный опыт взаимодействия, в том числе и в сфере политики и безопасности. Примечательно, что идеи объединения региона в рамках политических союзов и убеждение в необходимой координации действий зародились в регионе ЛАКБ сразу же после получения странами независимости от метрополий. В своем «Картахенском манифесте» 1812 г. [14] выдающийся лидер войны за независимость Симон Боливар призывал к объединению освобожденных от испанского владычества латиноамериканских государств. Однако ввиду внутренних противоречий, дестабилизации, гражданских конфликтов и противодействия со стороны Европы и США достичь этой цели не удалось: Панамский конгресс не поддержал выдвинутых инициатив. Чуть позже, в 1823 г., выдвинув лозунг «Америка для американцев», пятый президент США Джеймс Монро выступил с инициативой формирования единого межамериканского пространства и призвал к континентальной солидарности, то есть, по сути, делению мира на европейскую и американскую зоны влияния. Эта политика, получившая название «доктрина Монро», стала основой внешнеполитического курса США, направленного на усиление своего влияния в Латинской Америке.

В политическом смысле эти истоки заложили два трека интеграции и идентификации государств региона:

- «Боливарианский» подход объединения американских государств, который исключал «северных соседей» — США и Канаду.
- Панамериканский подход. Объединение обеих Америк — идея, развитая от «Америки для американцев» Монро через «политику доброго соседа» Ф.Д. Рузвельта и «Союза ради прогресса» Д. Кеннеди к «инициативе для Америк» Дж. Буша-старшего и ее эволюции в виде ФТАА (Свободной экономической зоны Америк) Б. Клинтона.

Историю интеграции в Латинской Америке целесообразно разделить на три крупных этапа: эпоху «старого регионализма», эпоху «нового регионализма» и современный этап «плюралистической интеграции».

Этап «старого регионализма», начавшийся в конце 1950-х гг., характеризовался, с одной стороны, нацеленностью на расширение рынков, поиск возможностей для импорта и получение доступа к внешним рынкам, а с другой стороны — протекционизмом, импортозамещающей индустриализацией и политикой дессарролизма. На этом этапе сформировались такие интеграционные группы, как Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ), Зона свободной торговли Центральной Америки (ЦАОР), Андская группа, Карибское сообщество (КАРИКОМ). На первом этапе латиноамериканской интеграции политические аспекты интеграции оставались в стороне. При этом одно лишь экономическое со-

трудничество (более того, недостаточно глубокое для макроэкономической координации) не могло решить всех проблем, поскольку политические противоречия, решение которых было исключено из интеграционной повестки дня, являлись тормозящим фактором. Причинами провала этой модели интеграции стали протекционистские тенденции, напряженность в отношениях между частным и государственным сектором, а также национализм и политические противоречия между государствами [33, с. 12] как следствие военных переворотов, нового акцентирования геополитических схем и роста взаимной подозрительности между ключевыми игроками в регионе при военных режимах (Бразилия и Аргентина, Перу и Чили, и др.).

В конце 1980-х гг. на фоне снижения уровня региональной торговли в регионе ЛАКБ стали трансформироваться старые (ЛАСТ — в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции, ЦАОР — в Центральноамериканскую интеграционную систему) и появляться новые интеграционные группы, например — MERCOSUR. В основу нового подхода к интеграции был положен неолиберализм, который не привел к желаемому выравниванию экономик региона, а наоборот, вызвал новые противоречия и проблемы социально-экономического развития. Результатом такого несбалансированного развития стал так называемый «левый поворот» в десятке стран региона, в результате которого конституционным путем к власти пришли левые силы различного толка, произошли изменения в социально-экономических системах стран и был дан толчок новому этапу развития интеграции, основанному на внимании к социальным проблемам, общей цивилизационной идентичности и решении общерегиональных проблем (ALBA, UNASUR, Тихоокеанский Альянс (ТА), CELAC). Членами UNASUR являются Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Колумбия, Эквадор, Гайана, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Венесуэла. ALBA включает в себя Антигуа и Барбуда, Боливию, Кубу, Доминику, Эквадор, Гренаду, Никарагуа, Венесуэлу, Сэнт-Китс и Невис, Сент-Люсию, Сент-Винсент и Гренадины. Тихоокеанский Альянс — это Чили, Колумбия, Мексика, Перу, Коста-Рика. Членами CELAC являются все 33 независимые государства Южной и Центральной Америки, включая Мексику.

Современный этап интеграции в ЛАКБ отличается тем, что содержит в себе мощный политико-идеологический компонент. При этом его можно назвать плюралистическим, поскольку в результате субрегионализации каждая субрегиональная интеграционная группа предлагает собственную модель интеграции. Многие латиноамериканисты называют латиноамериканскую интеграцию «анархическим регионализмом», поскольку участие одной страны в нескольких интеграционных группах якобы приводит к конфликту юридических норм и лояльности. Однако пересечение функций групп происходит лишь на национальном уровне, что не носит противоречивого характера, учитывая различные подходы и цели группировок.

Более того, несмотря на различия субрегиональных моделей развития, сегодня в ЛАКБ происходит конвергенция на региональном уровне, где UNASUR превращается в центр притяжения, включая в себя все субрегиональные группы, забирая себе часть их функций (посредническая, функция обеспечения безопасности и т.д.), формируя новые функции на региональном уровне и предлагая общерегиональную модель многосторонней дипломатии. В частности, если проследить динамику урегулирования конфликтов и споров в регионе, то в то время, как в 1990-е гг. ведущую роль играли ОАГ и США, в 2000-е гг. эту роль взяли на себя Бразилия и UNASUR (в ходе кризисов в Боливии, Колумбии, Эквадоре, Парагвае, Гондурасе — в 2008–2012 гг.).

Более того, политологи Д. Ло Брутто и К.О. Салазар называют современный этап латиноамериканской интеграции «стратегическим», так как она не только основана на новых принципах, противоположных «Вашингтонскому консенсусу», но и в целом направлена не на трансформацию мирового политического и экономического порядка [10, p. 2].

Основными субрегиональными/региональными образованиями сегодня, таким образом, являются MERCOSUR, ALBA, Тихоокеанский Альянс и UNASUR.

MERCOSUR давно доказал свой прагматический характер в экономическом сотрудничестве, в котором лидирующую роль, безусловно, играла и играет Бразилия. ALBA предлагает собственную леворадикальную альтернативу развития, основанную на боливарианизме, солидарности, юнионизме, антиимпериализме и антилиберализме (антиамериканизме),

популизме и социалистических принципах. При этом роль лидера в этой субрегиональной группировке, несомненно, принадлежит Венесуэле. Тихоокеанский Альянс стремится сохранить свою приверженность неолиберальным принципам и свободному рынку и нацелен на расширение связей на глобальном уровне (особенно с АТР и в первую очередь — с США). При этом в эту группу возвращается такой влиятельный игрок, как Мексика, долгое время ориентированный исключительно на NAFTA.

Ведущую роль сегодня начинает играть UNASUR, закладывающий в качестве идеологических основ своего функционирования идею цивилизационного единства Южной Америки, устойчивое развитие и саму идею плюралистической интеграции, базирующейся на уважении суверенитета, равенстве и консенсусе. Явно лидирующую роль здесь играет Бразилия, которая стеснена в рамках MERCOSUR и стремится к закреплению за собой статуса регионального (и глобального) лидера. Эффективным инструментом UNASUR в осуществлении политических функций является Южноамериканский совет обороны, деятельность которого направлена на объединение усилий государств в целях обеспечения мира и безопасности на всем пространстве Южной Америки. Расширение политической повестки дня на современном этапе происходит и за счет привлечения к сотрудничеству гражданского общества. Так, на саммите UNASUR в декабре 2014 г. работала целая комиссия, состоявшая из представителей молодежи стран UNASUR. Кроме этого, там же представители 12 государств — членов UNASUR приступили к обсуждению вопроса о введении единого регионального паспорта и основали рабочую группу, которая и должна способствовать институционализации общего гражданства стран Южной Америки. Привлечение молодых активистов и политиков должно способствовать воспитанию «нового интеграционного поколения» [34].

При этом интеграция в ЛАКБ развивается по всему спектру сфер: экономика, политика, безопасность, социальные программы, инфраструктура, образование и наука, здравоохранение, культура и др. Для достижения своих целей государства создают не только институты, но и иницируют общие проекты (PIRSA) и развитие корпораций. Особенностью интеграции в ЛАКБ в политической сфере является межправительственный характер взаимодействия и принцип консенсуса как неотъемлемый элемент интеграционных образований.

Основными чертами современного этапа интеграции в Латинской Америке, образующими одновременно характерные черты ее модели, таким образом, являются:

- Политизированный характер за счет усиления роли идеологии в рамках субрегионов — «бифуркация» регионализма в ЛАКБ [6], ведущая к складыванию системы регионального управления.
- Опыт интеграции не только по географическому принципу (страны ALBA, а также ТА могут не иметь общей границы), а по идеологическому принципу и по сферам сотрудничества.
- Сочетание элементов интеграции на субрегиональном и дезинтеграции — на (макро) региональном уровне.
- Популяризация боливарианизма и идеи латиноамериканского цивилизационного единства как объединяющей силы на региональном уровне с высокой долей популизма.
- Консолидация Бразилии в роли регионального лидера и инициатора проекта UNASUR с претензией взять на себя важнейшие функции ОАГ [16].
- Межправительственный подход к принятию решений, гибкая модель интеграции, основанная на сети слабых институтов.
- Приоритет тех сфер сотрудничества, которые вызывают наименьшее количество споров и противоречий.
- Критическая зависимость развития интеграции от политических процессов, происходящих на национальном уровне.

Перспективы интеграции в Латинской Америке: SWOT-анализ

Таким образом, на современном этапе латиноамериканская интеграция переживает серьезные трансформации, что придает данным процессам комплексный и стратегический характер. Накопив значительный опыт взаимодействия, государства научились использовать эффективные ресурсы и совместно решать проблемы, стоящие на повестке дня инте-

грационных групп. В то же время перед ними стоят серьезные вызовы, которые могут осложнить сам интеграционный проект в ЛАКБ.

Одним из методов, который может быть полезен в оценке таких факторов, является SWOT-анализ. Суть методики заключается в том, что объект исследования рассматривается системно с точки зрения внутренней среды и ее характеристик (сильные и слабые стороны [Strengths and Weaknesses]) и оказывающих на него воздействие факторов внешней среды (возможности и угрозы [Opportunities and Threats]) [24, с. 263]. Ценность SWOT-анализа заключается в том, что он позволяет не просто перечислить актуальные факторы, но и соотнести их в зависимости друг от друга, чтобы определить ложные и эффективные стратегии использования внутренних ресурсов и открывающихся возможностей для преодоления внешних угроз и внутренних противоречий.

Strengths / Сильные стороны латиноамериканской интеграции

Латинская Америка — это гигантский регион, территория которого составляет около 15 % суши, располагающий огромными запасами природных и людских ресурсов: в Латинской Америке проживают около 500 млн человек [39, с. 264], находится 23 % мировых лесных ресурсов, 21 % запасов мировых водных ресурсов, огромные запасы нефти, газа, цветных металлов; 83 % территории пригодны для земледелия; в регионе обитают около 70 % всех видов животных и растений мира [21]. Усредненный индекс развития человеческого капитала в регионе, по данным ООН, выше среднего по миру (0,702) и относится к «высокому показателю» (0,740) [8].

Первое десятилетие XXI в. многие эксперты и экономисты называли «латиноамериканским» [2], поскольку этот регион переживал бурный экономический рост. Несмотря на падение его темпов в период глобального кризиса и после него, регион по-прежнему демонстрирует признаки роста. Сложившиеся интеграционные механизмы, адекватное микро- и макроэкономическое регулирование в условиях «левого поворота» и внутренних и региональных трансформаций в ЛАКБ способствовали тому, что Латинская Америка сравнительно благополучно пережила кризис 2008–2009 гг.: снижение ВВП в регионе составило всего 1,8 % [26, с. 6], что опровергло тезис о «проциклическом характере» интеграции [28, с. 95] и ее абсолютной зависимости от мировой экономической конъюнктуры. Иначе говоря, этот факт свидетельствовал о том, что дистанцирование от США может приносить долгосрочные конструктивные эффекты, в том числе и в экономике.

Сферами углубления интеграции, в которых государства ЛАКБ традиционно имеют меньше всего противоречий, стали энергетика, культура, социальная сфера, образование и инфраструктура, то есть такие сферы сотрудничества, плоды которого больше всего ощущаются обычными гражданами. Особенно это характерно для стран ALBA и, пока в меньшей мере, для государств UNASUR. Это способствует укреплению поддержки интеграционных процессов и, таким образом, безусловно, будет влиять на преодоление политических и экономических препятствий.

Страны Латинской Америки занимают схожие позиции по вопросам мировой политики и глобального регулирования [35, с. 84–95]. Это часто проявлялось в решениях таких региональных образований, как Группа Рио, CELAC (например, о блокаде Кубы [29], о поддержке Аргентины в территориальном споре вокруг Мальвинских островов [20] и т.д.) или UNASUR, а также на таком уровне, как Генеральная Ассамблея ООН и в других международных институтах. На саммите CELAC в январе 2015 г. государства-члены приняли решение ликвидировать голод в регионе до 2025 г., заявили о своем неприятии вмешательства США в их внутренние дела (в том числе санкций против Венесуэлы и блокады Кубы) [1]. Государства ЛАКБ ставят перед собой задачу способствовать формированию полицентричного мира и выступают против усиления влияния США. Такое стремление проявляется и в попытках ослабления американского доллара и в снижении зависимости от экономики «северного соседа»: решение Бразилии и Аргентины отказаться от взаимных расчетов в долларах [37, с. 44], введение в странах ALBA денежной единицы сукре, создание Южноамериканского банка, Объединенной латиноамериканской биржи, неоднократные заявления о необходимости реформирования международных финансовых институтов и т.д.

Необходимо отметить, что важную роль играет и формирование в регионе единого информационного пространства, что способствует распространению идеи латиноамериканского

единства и интеграции. Создание телевизионного канала Telesur — один из подобных шагов. В своем исследовании, посвященном отношению элит государств — членов MERCOSUR к интеграции, Х. А. Албукерке продемонстрировал, что страны Южного конуса высоко ценят латиноамериканскую интеграцию и, наоборот, критически оценивают инициативу FTAA [4, p. 265–276].

Успеху интеграционных процессов, как утверждали политологи А. Ачария и А. Джонстон, способствует наличие общих угроз или общих проблем [3, p. 126]. К Латинской Америке это имеет самое прямое отношение, поскольку борьба с общими угрозами (как традиционными, так и новыми) представляет собой значительный пласт интеграционного сотрудничества.

Большую роль играет и накопленный опыт интеграции на самых различных уровнях: от субнационального (меркосидадес) до наднационального (эксперимент с Парласур — Парламентом MERCOSUR).

Нельзя отрицать и роль культурно-цивилизационных факторов в латиноамериканской интеграции. Во-первых, Латинская Америка объединена испанским языком и близким к нему португальским (Бразилия). Во-вторых, подавляющее большинство населения региона — католики. Вкупе с традиционно сильной ролью церкви в странах Латинской Америки этот фактор является одним из важнейших, формируя общую католическую систему ценностей. В-третьих, общий исторический путь, который также определил чувство принадлежности граждан латиноамериканских государств к единой цивилизации и схожий (но ни в коем случае не одинаковый) менталитет, который проявляется как на бытовом уровне, так и в публичной политике и дипломатии. Наконец, вышеперечисленные факторы обусловили формирование специфического правового подхода латиноамериканских стран (естественно — правового), отличного от так называемого позитивистского подхода США [36, с. 18–24].

Weaknesses / Слабые стороны латиноамериканской интеграции

Регион ЛАКБ характеризуется резкой экономической поляризацией. Здесь расположились как экономические гиганты (Бразилия, Мексика, Аргентина — члены G20), так и государства, отнесенные к наименее развитым в мире. Страны с разным уровнем развития экономики входят в состав одной группировки, что является тормозом для их развития из-за необходимости обеспечения высоких темпов роста малых стран и, таким образом, экономической безопасности региона. Внутренняя дифференциация в Южной Америке выражается в разрыве национальных ВВП примерно в 15–16 раз [27]. Ассиметричен потенциал и самих группировок: от состоящего из наиболее развитых в Южной Америке Бразилии и Аргентины MERCOSUR до сформированного сравнительно экономически слабыми странами ALBA, ставящими перед собой задачу социально-экономического выравнивания. При этом механизмы такого выравнивания и проведения макроэкономической политики развиты слабо; это нередко приводило к возникновению торговых войн и споров.

Кроме этого, действие интеграционных механизмов так и не смогло привести к значительной консолидации в плане экономического сотрудничества, так как уровень взаимной торговли в рамках ЗСТ остается низким. В среднем по ЛАКБ внутренний товарообмен составляет 20 %, что в разы уступает подобным показателям в других регионах мира: в NAFTA — 55 %, в ЕС — 70 % [17]. По тем же причинам под вопросом остается проблема введения наличного расчета в сукре — единой валюты стран ALBA, поскольку такой шаг требует значительного уровня интеграции. Уровень расчетов в песо между Бразилией и Аргентиной также составляет всего около 3 % [38, с. 48–55].

Подобная поляризация объясняется не только различиями в подходах к регулированию экономики и ее структурой, но и ресурсной обеспеченностью государств. Обеспеченность ресурсами позволила ряду стран (Бразилия, Чили, Венесуэла) быстрее наладить внешнюю торговлю и добиться экономического процветания, обогнав остальную часть региона. В случае Венесуэлы в 2000-е гг. это объяснялось ростом цен на нефть, что, однако, поставило экономику страны в жесткую зависимость от нефтяного рынка. Использование нефтяного (или прочего природного) ресурса в качестве базиса интеграции обрекает страну на зависимость от колебаний цен на ресурсы.

Разнится и степень вовлеченности стран в интеграционные группировки: часто неготовность идти на уступки и сложность достижения компромисса приводят к торможению про-

цессов. Из-за этого часто нарушаются условия соглашений, прогрессивные идеи и инициативы остаются нереализованными. Каждое государство выбирает ту степень и ту модель интеграции, которые ему кажутся более привлекательными с точки зрения сиюминутных интересов. Исторически это приводило к созданию слабофункционирующих механизмов согласования интересов (система секретариатов и рабочих групп, деятельность которых носит сугубо консультативный и рекомендательный характер). Фактическое отсутствие эффективных, а главное легитимных надгосударственных структур, либо сужение их функций до совещательно-рекомендательных, обусловлено и рядом внутренних противоречий. Среди них — территориальные споры, которые остаются замороженными на протяжении уже нескольких десятилетий (между Колумбией и Никарагуа, Венесуэлой и Колумбией, Венесуэлой и Гайаной и др.). Долгое время Куба была изолирована от процессов интеграции и лишь сейчас становится их участником. Часто изменения во внутренней политике (например, переворот в Гондурасе) и в расстановке сил на политической арене влекут за собой резкие изменения во внешней политике. В данной ситуации необходимо отметить феномен «левого поворота» в Латинской Америке, обусловивший отказ «полевевших» государств от «панамериканской идеи» США и отказ от выполнения ряда условий интеграционных соглашений с целью усиления протекционизма в начале 2000-х гг. Так, противоречия между сторонниками «открытого регионализма» Перу и Колумбии со сторонниками антилиберализма Боливией и Эквадором привели к ослаблению Андской группы и расколу, который в итоге обернулся идеологической поляризацией по линии Тихоокеанский Альянс/ALBA. Ввиду внутренних противоречий в государствах все решения в рамках группировок проходят длинный путь ратификации, иногда занимающий годы. Ввиду отсутствия универсальных требований к присоединению новых членов в одной группе оказываются страны с совершенно разными политическими приоритетами и системами. Более того, государства ЛАКБ не готовы жертвовать частью своего суверенитета даже с целью формирования эффективного сообщества безопасности, что отражается в уставных документах интеграционных групп, где сам дизайн региональных институтов направлен на сохранение суверенитета [3, р. 122]. Как показала история латиноамериканской интеграции, суверенитет есть некая грань, до которой допускается институционализация сотрудничества, в том числе и в сфере безопасности.

Возникает и проблема лидерства. По мнению К. Маламуда, интеграция в ЕС была бы невозможна без лидерства Франции и Германии, и в Латинской Америке интеграция без истинного лидера обречена [13]. Безусловно, Бразилия обладает необходимым потенциалом региональной державы. В то же время ее интересы давно выходят за рамки региона, расширяясь до трансатлантического и тихоокеанского треков. Готова ли Бразилия платить двойную цену за подлинное лидерство в регионе — неизвестно [12, 135–157], особенно учитывая возвращение в регион Мексики с ее весомым политическим и экономическим капиталом.

Не менее важны и географические условия. Латинская Америка — крайне сложный регион с точки зрения ландшафтов и, соответственно, организации логистики. Учитывая большие размеры территории (в отличие, например, от компактной Европы) и географические особенности, очевидно, что государствам этого региона придется приложить максимум усилий для строительства надежных транспортных путей, способных обеспечить стабильные поставки товаров и передвижение мигрантов.

В том, что касается проблемы институциональной и региональной идентичности, в гражданском обществе стран Латинской Америки отсутствует консенсус по поводу поддержки той или иной интеграционной модели. Так, представители бизнеса в Уругвае и Парагвае видят необходимость в «повороте» на Запад — к Тихоокеанскому Альянсу, который сегодня демонстрирует большую гибкость и эффективность, чем MERCOSUR [22]. Представители частного сектора бразильской экономики также полагают, что Бразилия остается замкнутой в рамках норм MERCOSUR и поэтому не реализует свой потенциал глобального актора в полном объеме. После смерти Уго Чавеса и нарастания социального недовольства в Венесуэле страна столкнулась с массовыми демонстрациями недовольных, что уже пошатнуло авторитет Каракаса как локомотива боливарианской модели интеграции. Наконец, несмотря на принцип обеспечения устойчивого развития, многие общественные организации и движения, коренное население и даже представители военных элит стран Южной Амери-

ки выступают с жесткой критикой в адрес UNASUR за политику «экстрактивизма», заключающуюся, в их трактовке, в неограниченной эксплуатации природных ресурсов [10, р. 8]. Проблема взаимоотношений властей с коренным населением, обычно проживающим компактно и часто населяющим богатые природными ресурсами районы, выходит на первый план. Необходимость диалога с представителями коренных народов признается повсеместно.

Все чаще звучит обеспокоенность относительно «субимпериализма» Бразилии. Оппозиция бразильской гегемонии (именно ее и опасаются) происходит на различных уровнях: на уровне правительств, обеспокоенных тем, что интеграция в Южной Америке может быть направлена на удовлетворение геополитических интересов Бразилии; на уровне гражданского общества стран, обеспокоенных возможным диктатором Бразилии, который может отразиться во внутренней политике членов UNASUR; на локальном уровне, где коренные народы сталкиваются с проблемой защиты своих территорий и природных ресурсов, прежде всего, в связи с программой IIRSA, где бразильский капитал превосходит все остальные [10, р. 9]. Таким образом, одной из наиболее острых проблем интеграции в Латинской Америке является поиск новых форм диалога между различными уровнями интеграционной и национальной политик.

Необходимо упомянуть и проблему теневого сектора экономики, коррупции и мощных криминальных структур, все еще оказывающих влияние на политику региона [19, р. 21]. Преодолеть высокую преступность и влияние криминала, наркокартелей на политические процессы можно лишь через преодоление социально-экономических проблем.

Opportunities / Возможности, открывающиеся для латиноамериканской интеграции

В современных условиях регион Латинской Америки не существует изолированно от происходящих в мире преобразований и трансформаций, а ищет свое место в мировых политических и экономических процессах. В этой связи страны региона накапливают значительный потенциал для развития, который может способствовать дальнейшей интеграции.

Как отмечает российский исследователь С.А. Крылов, государства региона стремятся не только к формированию собственного экономического и политического союза, но и стремятся использовать механизм коллективной многосторонней дипломатии в отношении уже существующих интеграционных группировок в мире и с отдельными государствами [32, с. 45].

Таким образом, в начале XXI в. коллективная дипломатия Латинской Америки развивается в семи направлениях:

1. Внутрорегиональное направление (собственно интеграционные группировки и объединения, двусторонние отношения государств Латино-Карибского региона).

2. Латинская Америка – Северная Америка (отношения с NAFTA, США, Канадой, а также Тихоокеанский Альянс – США, Канада).

В настоящее время большинство интеграционных групп в ЛАКБ отталкиваются от принципа суверенитета и независимости, отрицая существовавшей исторически гегемонии США. Напряженность между США и региональными институтами в ЛАКБ (особенно в случае ALBA) возросла после создания проамериканского Тихоокеанского Альянса. Тем не менее многие эксперты считают, что в настоящее время позиции США в Латинской Америке постепенно ослабевают, и в администрации Обамы ощущается недостаток внимания к южным соседям [23, с. 180]. В 2011 г. ЭКЛАК в своем отчете отметила, что у США отсутствует стратегическое видение региона [31, с. 34]. Давно под вопросом находится и эффективность ОАГ. Тем не менее последние веяния во внешней политике Обамы, а также потенциал рынка США и их региональный вес формируют условия для сближения по стратегическим направлениям развития и безопасности в макрорегионе.

3. Латинская Америка – Испания + Португалия (ибероамериканское направление в форме ежегодных саммитов).

Это направление уже давно существует в качестве альтернативы североамериканскому и при этом отдельно от ЕС. Ибероамериканское направление охватывает 21 государство (все испаноговорящие страны Латинской Америки, Бразилия, Испания и Португалия), проводятся ежегодные саммиты, укрепляются отношения, созданы общие структуры и расшире-

ны функции официальных представительств [32, с. 50]. Имея в основе общие культурные и духовные корни, идентичность, у этого направления существует огромный потенциал сотрудничества в различных сферах, прежде всего в выражении единого мнения по вопросам глобального управления, международных норм и деятельности международных институтов.

4. Латинская Америка — ЕС (трансатлантические связи, в том числе и на многостороннем уровне: MERCOSUR-ЕС).

Переговоры MERCOSUR и ЕС о создании зоны свободной торговли продолжают уже давно, однако были омрачены несколькими торговыми спорами, в том числе «банановой войной» [30]. В соответствии с региональной стратегией ЕС на 2007–2013 гг., Европейский Союз обязался способствовать институционализации MERCOSUR [41, с. 96–101], развивать и реализовывать достигнутые соглашения и добиваться взаимного доверия, и усиления низовой интеграции двух регионов [18, р. 24]. Европа связана с ЛАКБ историческими и цивилизационными факторами, Португалия и Испания представляют собой в некоторой степени «рупор» латиноамериканских интересов в регионе. Тем не менее нельзя отрицать и противоречий, в том числе традиционной близости позиций ЕС и США и склонности защищать своих членов во всех экономических и политических спорах. Даже Португалия (совместно с Францией) приняла решение перекрыть воздушное пространство для президента Боливии Эво Моралеса в 2013 г. после шпионского скандала, связанного с Эдвардом Сноуденом. Эти действия вызвали протест со стороны государств ЛАКБ: так, Кристина Киршнер назвала эти действия «невозможной безнаказанностью» [42]. В то же время отношения ЕС и стран Латинской Америки носят взаимовыгодный характер, что будет и в дальнейшем способствовать развитию трансатлантических связей.

5. Латинская Америка — Азиатско-Тихоокеанский регион (прежде всего в рамках Тихоокеанского Альянса + ВАЗЛАФ [Восточноазиатско-латиноамериканский форум]).

Сотрудничество со странами АТЭС представляет сегодня одно из приоритетных направлений деятельности интеграционных групп в Латинской Америке. Особенное место в этом взаимодействии играет Китай, который стремится не только удовлетворить свои экспортные и инвестиционные интересы в густонаселенном регионе ЛАКБ, но и обеспечить свою экономику сравнительно дешевыми природными ресурсами, которые в избытке присутствуют в Латинской Америке. За первое десятилетие XXI в. товарооборот между КНР со странами Латинской Америки увеличился в 14,5 раз [23, с. 181]. Для ряда стран, например Чили и Перу, Китай является главным торговым партнером. Такая специфическая взаимодополняемость будет и в дальнейшем способствовать наращиванию товарооборота и, как следствие, может быть использовано в проведении общей макроэкономической политики интеграционных групп. Китай, как и большинство стран Латинской Америки, заявляет о стремлении к новому мировому порядку и также противодействует гегемонии США. Наличие общих экономических и политических интересов с КНР могло бы обеспечить интеграционные процессы в ЛАКБ мощной внешней поддержкой, хотя в настоящее время Китай и предпочитает развивать сотрудничество на двустороннем уровне.

6. Латинская Америка — отдельные государства и объединения (Израиль, Россия, БРИКС и т.д.).

Не столь эффективно осуществляется сотрудничество между странами и группировками в Латинской Америке с отдельными государствами. В 2007 г. MERCOSUR подписал соглашение о свободной торговле с Израилем, с середины 2000-х гг. активно велся диалог между Группой Рио и Россией (в том числе, в рамках ООН). Не оправдав своих надежд на развитие политических и экономических отношений с СНГ, страны Латинской Америки решили продолжить сотрудничество в этом направлении с Россией. Наиболее активно связи с отдельными государствами развивает Бразилия, являясь членом БРИКС. Участие в БРИКС, помимо прочего, позволяет Бразилии усилить свои международные позиции. Благодаря политике Венесуэлы, которая традиционно развивает отношения с антиамерикански настроенными странами, в Латинскую Америку пришел Иран [7]. Двусторонние отношения расширяют сеть акторов, продвигающих свои интересы в ЛАКБ, что способно привести к интенсификации интеграции.

7. Латинская Америка в глобальных институтах (прежде всего в ООН, G-20, ВТО).

Претензии Бразилии на статус постоянного члена СБ ООН говорят об осознании этой

страной своей глобальной роли. Активность стран Латинской Америки в рамках ООН всегда была отличительной чертой этого региона. Помимо прочего, активность эта происходит и на коллективном уровне: в частности, на полях Генеральной Ассамблеи ООН Группа Рио, а ныне CELAC проводят встречи с другими государствами и интеграционными группами, вынося на повестку дня многие вопросы сотрудничества и глобального регулирования. Такой мощный организационный ресурс позволяет ЛАКБ выступать единым фронтом при решении проблем, касающихся прежде всего развивающегося мира.

Как уже было отмечено, вызовы безопасности в ЛАКБ и необходимость их устранения могут стать надежной основой взаимодействия. Сегодня государства региона сталкиваются с целым комплексом проблем, возникающих на самом разном уровне и требующих разработки механизмов их решения (в том числе, и в рамках интеграционных групп):

- Национальные (защита прав коренных народов, бедность, безработица, преступность, угроза внутривластной дестабилизации и т.д.).
- Проблемы двустороннего взаимодействия (пограничные споры, торговые войны и пр.).
- Субрегиональные (совпадающие национальные проблемы на трансграничном уровне, охватывающем несколько государств).
- Региональные (проблемы и вызовы, характерные для всех стран региона ЛАКБ, включая социально-экономические диспропорции, наркотрафик, организованную преступность и т.д.).
- Трансконтинентальные (вызовы, исходящие из глобальной мирополитической и экономической системы, включая проблему вмешательства внерегиональных держав, экологические вызовы, несправедливость современной структуры глобальной экономики и пр.).

В эту классификацию также целесообразно вписать «геополитический» уровень. Макрорегион ЛАКБ можно разделить на три геополитических района: Тихоокеанский, Атлантический и Карибский. Каждый из них отличается географической и политической спецификой, а на современном этапе — и идеологическими особенностями. Отсюда вытекают и различия в повестке безопасности. Тихоокеанский геополитический район находится сегодня под субрегиональным управлением Тихоокеанского Альянса, Карибский — КАРИКОМ и ALBA, а Атлантический — MERCOSUR. В то же время необходимо подчеркнуть, что границы этих районов, как правило, проходят через малоосвоенные и стратегические районы Амазонии и Анд, что потребует в будущем от государств выработки механизмов регулирования их взаимодействия на линиях данных «расколов».

Сценарии развития интеграции в Латинской Америке

«Панамериканская мечта». Осознание Соединенными Штатами неэффективности в современных условиях политики интервенций и переход к более гибкой системе взаимоотношений с региональными акторами (что начало проявляться уже на этапе обсуждения инициативы ФТАА) свидетельствует о формировании нового подхода США к политике в ЛАКБ, регионе, который когда-то считался их «задним двором». Заключение целого ряда двусторонних соглашений о зонах свободной торговли со странами Центральной Америки и Андскими странами, создание Тихоокеанского Альянса и его притягательность для многих стран региона, а также развитие NAFTA не дают поводов для сомнений в сохранении позиций США в регионе. Вероятно, что наличие общих вызовов и проблем могут привести к конвергенции интересов США и стран Южного Конуса. Некоторое ослабление темпов экономического роста Бразилии, кризисные явления в Венесуэле, восстановление дипломатических отношений между США и Кубой могут привести к изменению отношений между «глобальной империей» и ключевыми игроками в Латинской Америке. Такое развитие событий могло бы привести к возрождению идеи ФТАА, которая распространилась бы на 30 % суши, объединила бы более 13 % мирового населения и составляла 36 % МВП. Новую жизнь смогла бы получить и ОАГ. Однако целый ряд особенностей современного этапа развития Латинской Америки, наличие противоречий, несовпадающих амбиций и различное видение проблем и способов их решения,

вероятно, станут теми факторами, которые помешают данному сценарию реализоваться на пространстве двух Америк.

«*Мечта Боливара*». Ослабление ALBA в результате уменьшения влияния в ней Венесуэлы может привести к снижению идеологических противоречий в Южной Америке и к росту прагматизма со стороны политических элит. Несколько десятилетий опыта интеграции в ЛАКБ продемонстрировали устойчивую тенденцию к укрупнению интеграционных групп. На разных этапах старые и недействующие механизмы уходили в историю, открывая дорогу более современным и крупным группам. Создание CELAC, объединившего все страны региона, свидетельствует о готовности стран к политической интеграции на всем пространстве ЛАКБ, несмотря на наличие противоречий. Однако наиболее важной площадкой для объединения региона может стать UNASUR, который уже сегодня стремится к сглаживанию противоречий между субрегиональными проектами. Такое развитие событий может стать реальностью благодаря современным тенденциям к расширению сотрудничества в политической области. Данный сценарий представляется наиболее вероятным.

«*Латиноамериканская мозаика*». Этот сценарий связан с продолжением курса на фрагментацию региона, что, по сути, является сохранением статуса-кво. При таком течении обстоятельств не произойдет экономического и политического объединения стран Южной (и Центральной) Америки, что значительно ограничит возможности формирования эффективных механизмов для сокращения дифференциации, создания коллективной системы безопасности и нового полюса международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА:

1. 5 Things That Happened at the CELAC Summit in Costa Rica / TELESUR, 29 January 2015. Mode of access: URL: <http://www.telesurtv.net/english/news/5-Things-That-Happened-at-the-CELAC-Summit-in-Costa-Rica-20150129-0038.html> (last visited 11.03.2015).
2. A Latin American decade? // Economist. Sep 9th 2010. Mode of access: URL: <http://www.economist.com/node/16964135> (last visited 14.03.2015).
3. Acharya Amitav, Johnston Alastair Iain. Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective. — New York: Cambridge University Press, 2007, 318 p.
4. Albuquerque José Augusto Guilhon. Mercosur Elite's Values and Attitudes on Integration in the Hemisphere / Building the Americas, Ed. by Michèle Roux. — Bruxelles: Bruylant, 2007, p. 265–276. Mode of access: http://www.ceim.uqam.ca/pdf/construire_guilhon.pdf (last visited 12.12.2014).
5. Arenas-García, Nahuel. 21st Century Regionalism in South America: UNASUR and the Search for Development Alternatives / eSharp, Issue 18: Challenges of Development, 2012, p. 64–85.
6. Arugay Aries A. Moreno G.X. Competing Regionalisms? The Role of the OAS and UNASUR in Bolivia's Constitution-Drafting Process / IDEA Publications. June 15, 2014. Mode of access: URL: <http://www.idea.int/resources/analysis/upload/The-Role-of-the-OAS-and-UNASUR-in-Bolivia-s-Constitution-drafting-process.pdf> (last visited 01.04.2015).
7. Hillary Clinton warns Latin America off close Iran ties // BBC News, 11 December 2009. Mode of access: URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8409081.stm> (last visited 11.11.2014).
8. Human Development Index and Its Components / UNDP Official Page, 2013. Mode of access: URL: <http://hdr.undp.org/es/content/table-1-human-development-index-and-its-components> (last visited 02.02.2015).
9. Kotschwar Barbara, Schott Jeffrey J. The Next Big Thing? The Trans-Pacific Partnership & Latin America // Quaterly Americas, 2013. Mode of access: URL: <http://www.americasquarterly.org/next-big-thing-trans-pacific-partnership> (last visited 12.04.2015).
10. Lo Brutti Giuseppe, Salazar C.O.V. The Strategic Integration of Latin America: a Disputed Project // Latin American Perspectives, March 2015. Mode of access: URL: <http://lap.sagepub.com/content/early/2015/03/12/0094582X15574847.full.pdf> (last visited 01.04.2015).
11. Lula's opened up paths: Interview with Luiz Inácio Lula da Silva by Stefania Falasca / 30DAYS, 2006. Mode of access: URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_11248_13.htm (last visited: 13.12.2014).
12. Malamud A. Schmitter P.C. The Experience of European Integration and the Potential for Integration in South America. / New Regionalism and the European Union. Dialogues, Comparisons and New Research Directions, edited by A. Warleigh-Lack, N. Robinson, B. Rosamond, — London/ New York: Routledge-ECPR, 2011, p. 135–157.

13. *Malamud Carlos*. The Obstacles to Regional Integration in Latin America / Latin America – ARI Nº 134/2005. Mode of access: URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/analisis/852/Malamud852.pdf> (last visited 12.12.2014).
14. *Manifiesto de Cartagena*. Memoria dirigida a los ciudadanos de la Nueva Granada por un caraqueño [Картахенский манифест: письмо каракасца гражданам Новой Гранады] / Gobierno Bolivariano de Venezuela. – Mode of access: URL: <http://uniondelsur.menpet.gob.ve/interface.sp/database/fichero/free/29/3.PDF> (last visited 01.11.2014).
15. *Mudde Cas, Rovira Kaltwasser*. Populism in Europe and Latin America Compared. / Kellogg Institute Working Paper 378. Notre Dame, IN: Kellogg Institute for International Studies at the University of Notre Dame, 2011. Mode of access: URL: <https://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/378.pdf> (last visited 12.04.2015).
16. *Nolte Delf*. Latin America's new regional architecture: a cooperative or segmented regional governance complex? // EUI RSCAS; 2014/89; Global Governance Programme-126, 2014. Mode of access: URL: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32595/RSCAS_2014_89.pdf?sequence=1 (last visited 12.03.2015).
17. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe 2013: lenta poscrisis, meganegociaciones comerciales y cadenas de valor: el espacio de acción regional / CEPAL. Santiago, 2013. Mode of access: URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/1190/S2013758_es.pdf?sequence=1 (last visited 14.11.2014).
18. Regional strategy for Mercosur 2007-2013. European Commission. Mode of access: URL: http://eeas.europa.eu/mercosur/rsp/07_13_en.pdf (last visited 10.02.2015).
19. *Rodrigo R. Soares, Joana Naritomi*. Understanding High Crime Rates in Latin America // The Economics of Crime. – Chicago: University of Chicago Press, 2010, p. 19–55.
20. Special Communiqué on the Question of the Malvinas Islands / CELAC, 2013. Mode of access: URL: http://www.argentine-embassy-uk.org/docs_eng/malvinas_eng/Documents/CELAC_Eng.pdf (last visited 23.01.2015).
21. Summary for Latin America and the Caribbean. UNEP Report, 2012. Mode of access: URL: http://www.unep.org/geo/pdfs/geo5/RS_LatinAmerica_en.pdf (last visited 02.02.2015).
22. *Tvevad Jesper*. The Pacific Alliance: Regional Integration or Fragmentation? / European Parliament Think Tank, Oct 2014. Mode of access: URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO-AFET_SP\(2014\)522318](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO-AFET_SP(2014)522318) (last visited 20.01.2015).
23. *Атаев Мурад*. Латинская Америка в фокусе интересов ведущих мировых держав // Власть. 2012. № 4. – С. 180–182.
24. *Ахременко А.С.* Политический анализ и прогнозирование: учебное пособие. – М: Гардарики, 2006 г. – 333 с.
25. *Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. *А.Д. Богатуров*. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
26. *Семенов В.* Мировой кризис и политическая стабилизация в Латинской Америке и России // Латинская Америка. 2012. № 1.
27. *Давыдов В.* Прогноз развития Латино-Карибской Америки до 2020 года. Аналитическая статья на сайте Российского Совета по международным делам. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1695#top
28. *Евдокимов А.И., Грук Л.В.* Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // Проблемы современной экономики. 2011 г. № 2 (38). – С. 92–96.
29. Информация с официального сайта посольства Венесуэлы в Великобритании / [Электронный ресурс]. URL: <http://embavenez.co.uk/sites/embavenez.co.uk/files/factsheets/celacfactsheet.pdf> (Дата обращения: 23.01.2015).
30. *Канунников А.А.* Европейский Союз – Латинская Америка: экономическое, политическое, социальное сотрудничество. Монография. ДИЕ РАН, № 308. – М., 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ieras.ru/doclad/308.pdf> (Дата обращения: 11.04.2015).
31. *Клочковский Л.Л.* Латинская Америка в современном мире. Расстановка основных сил и перспективы развития // Латинская Америка. 2011. № 11. – С. 31–49.
32. *Крылов С.А.* Многосторонняя дипломатия в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. – С. 45–53.

33. *Лавут А.А.* Основные этапы и модели латиноамериканской интеграции / Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. // Аналитические тетради ИЛА РАН, № 22. — М.: ИЛА РАН, 2012. — С. 4–21.
34. Латиноамериканская панорама. Декабрь 2014. / ИЛА РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=557> (Дата обращения: 11.03.2015).
35. Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики / *В.М. Давыдов, В.А. Красильщиков, К.Л. Майданик, Л.С. Окунева, Т.Е. Ворожейкина* // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1.
36. *Мартинов Б.Ф.* Безопасность: латиноамериканские подходы. — М.: ИЛА РАН, 2000. — 324 с.
37. *Мосейкин Ю.Н., Охеда Э.* Латинская Америка перед лицом мирового экономического кризиса // Латинская Америка. 2009. № 4. — С. 37–52.
38. *Николаева Л.Б.* Некоторые формы сотрудничества стран региона / Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы // Аналитические тетради ИЛА РАН, № 22. — М.: ИЛА РАН, 2012.; *Кудрявцева Е.С.* Двадцатилетие Mercosur: расположение фигур // Латинская Америка. 2011. № 8.
39. Страны и регионы мира: экон.-полит. справочник / под ред. А.С. Булатова. — М.: ПРОСПЕКТ, 2009. 3-е изд. — 618 с.
40. *Сударев В.П.* США после выборов: перспективы нового латиноамериканского курса // Латинская Америка, 2009. № 10. — С. 39–47.
41. *Тайар В.М.* Евросоюз — Латинская Америка: новый виток взаимодействия // Латинская Америка. 2012. № 3. — С. 96–101.
42. *Фещенко В.* Аморалес // Российская газета, 04.07.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/07/04/morales.html> (Дата обращения: 11.04.2015).

К.А. МАМАЕВ

ИЗМЕНЕНИЯ В МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ГАЗОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ В США

В статье рассматриваются возможные изменения в межамериканской системе международных отношений в период президентства Б. Обамы под воздействием сланцевой революции в газовой отрасли США. Изменения внутренней энергетической ситуации в США смогут несколько усилить их позиции в системе, однако не сумеют вернуть ее к инверсионной логике развития, и тем самым в ней сохранится равновесный принцип построения взаимоотношений. Сделанные автором выводы подтверждаются последней концепцией национальной безопасности США, а также заявлениями Б. Обамы на VII саммите ОАГ в Панаме (2015 г.).

Ключевые слова: межамериканская система, энергетическая революция в США.

El artículo está dedicado al análisis de las relaciones interamericanas bajo el impacto de la “revolución esquistosa” en los EEUU. Las conclusiones del autor se comprueban por la última versión de la doctrina de la seguridad nacional de los EEUU y las declaraciones del presidente estadounidense B. Obama durante la VII Cumbre de la OEA en Panamá (2015).

Palabras clave: el sistema interamericano, la “revolución esquistosa” en los EEUU.

The article dissects possible shifts in the inter-American system of international relations during Barack Obama's presidency under the impact of shale gas revolution in the USA. Despite the fact that internal energy revolution can strengthen US political and economic heft in the Western Hemisphere, the system will not develop in the logic of the 20th century. The conclusions made by the author are confirmed by the 2015 National Security Strategy and recent Barack Obama's remarks at the VII OAS summit in Panamá (2015).

Key words: inter-American system, shale gas revolution in the USA.

Взаимоотношения между США и странами Латинской Америки начали выстраиваться еще в середине XIX в. Постепенная интенсификация политических, экономических и культурных контактов с конца XIX по начало XX вв., а также их дальнейшая «панамериканизация» [1, с. 14], то есть превращение в единый региональный комплекс связей, привели к созданию в середине XX в. межамериканской системы международных отношений. Основными полюсами данной системы являются США, с одной стороны, и страны Латинской Америки – с другой. Такая конфигурация сил в системе сложилась в связи с изначально заложенной в нее «асимметрией роли и влияния» [1, с. 16], поскольку США были значительно сильнее остальных стран региона как в экономическом, так и в военно-политическом плане [1, с.17]. Наличие такой особенности в системе привело к тому, что она стала использовать инверсионную логику, то есть останавливалась в крайних точках и не могла зафиксировать определенное равновесное состояние. Первая крайняя точка инверсионного цикла подразу-

мевала под собой построение отношений в системе на основе вертикального, иерархичного принципа. Иными словами – приводила к гегемонии США. Нахождение системы в данном состоянии особенно ярко проявилось в начальный период «холодной войны» [1, с. 41], а также в период президентства Р. Рейгана [1, с. 108–126]. Вторая точка инверсионного цикла основывалась на горизонтальном принципе формирования отношений, то есть на равноправном положении обоих полюсов. Такое состояние системы имело место в период президентства Дж. Кеннеди [1, с. 61], Дж. Картера [1, с. 96–108], Дж. Буша-ст. [2, с. 22].

Межамериканская система проходила постоянные инверсионные циклы до стабилизации в более или менее равновесном состоянии к 2008 г., когда начался президентский срок Б. Обамы. Такая стабилизация во многом связана с тем, что, во-первых, экономическая и, как следствие, политическая мощь латиноамериканского полюса системы значительно возросла, а во-вторых – с развитием процессов глобализации [11, р. 5–11]. Наличие этих факторов резко сократило возможности выстраивания отношений на основе вертикального принципа. В период первого президентства Обамы США стремились выстроить в регионе равноправные взаимоотношения со всеми странами Латинской Америки [6, р. 44] и особенно с Бразилией, являющейся региональным лидером, но при сохранении лидерских позиций США [6, р. 45]. То есть США констатировали приверженность равновесному состоянию системы. Ведь только благодаря данному подходу, по мнению Обамы, было возможно претворение в жизнь важных интересов США во взаимоотношениях с данными странами: обеспечение безопасности граждан в Западном полушарии, повышение экономической взаимозависимости между США и странами региона, укрепление демократических институтов и обеспечение энергетической безопасности [11, р. 1].

Однако при выстраивании такого рода подхода в период первого президентского срока Обамы не учитывался фактор энергетической революции, которая может весьма быстрыми темпами начать усиливать позиции США в газовой сфере. Развитие отрасли сланцевого газа, начавшееся в США еще в 70-е гг. XX в., благодаря наличию целого спектра благоприятных условий: развитой газовой инфраструктуры, мощной технологической базы, множества мелких и средних нефтегазовых предприятий, а также выделению государственной поддержки для развития отрасли [24, р. 29–32], – привело к тому, что с 2007 г. в США начал повышаться уровень добычи газа [21], снижаться его импорт [20; 21], увеличиваться объем разведанных запасов [22]. Первым следствием таких изменений стало то, что США стали более энергетически независимы [20]. Вторым и наиболее важным следствием стало то, что, по прогнозам Агентства энергетической информации США, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах в области цен на нефть, возможных запасов газа и добывающих мощностей США уже к концу этого десятилетия смогут начать экспортировать газ [26, р. 109].

Такие изменения в газовом потенциале США не замедлят сказаться и на их экономической и политической мощи. Принимая во внимание постепенное снижение импорта газа, США смогут постепенно решить проблему энергетической безопасности. Тем самым США получат возможность еще сильнее укрепить свои позиции в качестве страны-лидера посредством обеспечения энергетической независимости, что всегда считалось одним из приоритетов их внешней политики [6, р. 22]. Кроме того, появление обширного энергетического ресурса позволит «подстегнуть» экономическую деятельность внутри США за счет снижения издержек, а также перехода на более экологичный вид топлива [29]. Два вышеперечисленных изменения помогут укрепить конкурентную базу США («foundation») [6, р. 28] и тем самым усилить их позиции как мирового экономического лидера. Еще одно следствие газовой революции может привести к тому, что США, обеспечив свою энергетическую безопасность, смогут превратиться в мощного энергетического игрока, так как у них появятся доселе не имевшиеся экспортные возможности.

Газовая революция в США, внесет коррективы и в межамериканскую систему международных отношений. Во-первых, вышеупомянутое усиление конкурентных преимуществ США скажется на балансе внутри системы. США, обеспечив собственную энергетическую независимость и тем самым укрепив свои экономические позиции в региональной структуре, сможет повысить политическое влияние в Латинской Америке. Во-вторых, с учетом появления экспортных возможностей США смогут усилиться и как мощный энергетический игрок в регионе. При этом условия для использования США данного ресурса имен-

но в Латинской Америке имеются. Газовый рынок Латинской Америки обладает довольно большой емкостью [28, р. 24] и в будущем будет расширяться, что отражает стратегический подход основных пяти стран-импортеров региона — Бразилии [15], Аргентины [17], Мексики [18], Чили [16] и Венесуэлы [18] — повысить долю газа в энергетической «корзине». Причем особенно будет повышаться роль сжиженного природного газа. Прогнозируемые объемы экспорта даже при самом неблагоприятном сценарии будут достаточными для удовлетворения газовых потребностей Аргентины и Мексики; стран с крупнейшими газовыми рынками и наиболее зависящими от импорта газа; Бразилии, которая будет стремиться наращивать потребление газа в «корзине» энергопотребления и Чили, делающей ставку на сжиженный природный газ.

На первый взгляд может показаться, что обеспечение США энергетической безопасности и как следствие — повышение их экономического и энергетического потенциала должно было привести к неоднократно повторявшемуся сдвигу в балансе системы. Однако объявленный Б. Обамой переход к равновесному принципу построения взаимоотношений в рамках данной системы вряд ли будет пересмотрен. Это объясняется целым рядом причин.

Во-первых, сами США отдают отчет в том, что попытка резкого возврата к принципу «вертикализма» в сфере построения отношений, может привести к потере их позиций в данном регионе. А это очень опасно, учитывая тот факт, что в данной системе международных отношений, являющейся открытой, важную роль стали играть Китай [31], а также ЕС [32, с. 110–125]. Эти два внерегиональных игрока составляют и будут составлять серьезную конкуренцию США во многих сферах. В области прямых иностранных инвестиций, по данным ЭКЛАК, на данный момент первое место занимает ЕС, затем идут США, а Китай пока что отстает от своих конкурентов [13, р. 31]. Однако ситуация в данной сфере может измениться, учитывая планы Китая в сфере инвестиций в регион [33]. В области торговли США являются основным партнером стран Латинской Америки, затем идет Китай и ЕС, однако в будущем прогнозируется рост доли двух последних [12, р. 5]. Данная чрезвычайно жесткая конкуренция особенно ярко проявляется на примере нынешней ситуации с Кубой, когда помимо США в дележе «экономического пирога» стремятся поучаствовать как Китай, так и Европа [34]. Поэтому резкий пересмотр «равновесного подхода» к выстраиванию взаимоотношений в регионе может серьезно подорвать позиции США и улучшить условия для их оппонентов.

Во-вторых, необходимо учитывать и роль самих региональных стран как второго полюса системы, которые вряд ли будут считаться с претензией США на гегемонию, учитывая возросшую экономическую и политическую роль многих латиноамериканских стран. И наконец, исходя из определения системы международных отношений, согласно которому она является совокупностью составляющих ее элементов, но не сводится лишь к сумме свойств этих компонентов [4, с. 14], можно сделать вывод о том, что сама система не предоставит возможности вернуться к данной логике, поскольку в противном случае это поставит ее на грань разрушения. Поэтому главным выводом будет являться то, что в рамках системы произойдет некоторое усиление американского полюса, однако перехода к старой логике развития системы не произойдет, и она будет выстраиваться на основе равновесного принципа — несколько лидирующих позиций США при выстраивании партнерских отношений с региональными игроками.

Данный вывод, сделанный автором в конце 2014 г., подтверждается последней концепцией национальной безопасности США от 1 февраля 2015 г. [7], а также заявлениями, сделанными Б. Обамой на VII саммите Организации Американских Государств в Панаме [10]. В рамках программного внешнеполитического документа США постулируется факт усиления позиций США в сфере энергетики. Подчеркивается, что США стали крупнейшей в мире нефте- и газодобывающей страной, что в итоге привело к снижению ее энергетической зависимости [7, р. 5]. Также отмечается, что повышение энергетической самодостаточности благоприятно сказалось на экономических позициях США [7, р. 5]. Впервые, чего не было в предыдущих концепциях, осторожно говорится о возможности использования нового энергетического инструмента [7, р. 16] и утверждаются лидерские позиции США в мире [7, р. 1].

Подобные глобальные изменения в позициях США под воздействием энергетической революции кардинально не поменяли их подход к выстраиванию отношений в регионе.

В рамках межамериканской системы США не собираются пересматривать сбалансированный принцип построения взаимоотношений. Данный факт подтверждается тем, что в разделе концепции, посвященном Латинской Америке, постулируется, что взаимоотношения должны строиться на основе американского лидерства и партнерских отношений с другими странами региона [7, р. 28], при этом на первом месте стоят лидерские позиции США, а на втором — партнерство. Причем понятие «равное партнерство», которое присутствовало в концепции 2010 г., заменено на понятие «партнерство». Это подтверждает гипотезу о том, что в системе произойдет усиление американского полюса. Что касается экспорта газа в регионе, то в концепции явно прописывается то, что США будут пытаться использовать национальные энергетические ресурсы и стремиться к большей независимости в рамках всего Западного полушария [7, р. 16].

Последнее выступление американского президента на саммите ОАГ можно воспринимать как еще одно подтверждение приверженности США построению отношений в рамках межамериканской системы на основе равновесного принципа. Хотя Б. Обама и использует выражение «equal partnership», а также заявляет о том, что США больше не подвержены идеологическим предрассудкам, что несколько противоречит закрепленному в концепции принципу, президент подчеркивает то, что, по крайней мере, он лично не подвержен идеологизированному мышлению [10].

Таким образом, межамериканская система, используя инверсионную логику развития, прошла довольно долгий и противоречивый путь, до тех пор, пока она не стала руководствоваться равновесным принципом выстраивания отношений. Под влиянием энергетической революции в США логика должна была вернуться «на круги своя», однако ряд факторов не позволил это сделать. Тем не менее определенная деформация все-таки произошла — в сторону некоторого усиления роли США в системе, однако равновесный принцип остался незбылемым.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Сударев В.П. Межамериканская система: генезис и эволюция (конец XIX — начало XXI вв.). — М.: МГИМО-Университет, 2008.
2. Сударев В.П. Геополитика в Западном полушарии в начале XXI века. — М.: МГИМО-Университет, 2012.
3. История международных отношений. В 3 т. / Отв. ред. А.В. Торкунов, М.М. Наринский. — М.: Аспект Пресс, 2012. Т. 3.
4. Системная история международных отношений. В 4 т. События 1918–1945 годов / Отв. ред. А.Д. Богатуров. — М.: Культурная революция, 2006. Т. 1.
5. Иванов Н.А. Сланцевая Америка: энергетическая политика США и освоение нетрадиционных нефтегазовых ресурсов. — М.: Магистр, 2014.
6. National Security Strategy 2010. The White House. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf>
7. National Security Strategy, 2015, The White House. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf>
8. Barack Obama's West Point Speech 2014. URL: http://www.huffingtonpost.com/2014/05/28/obama-west-point-speech_n_5404181.html
9. The Sixth Summit of the Americas, 23rd of April 2012, Barack Obama's statement. URL: http://www.summit-americas.org/SIRG/2012/041412/statement_us_en.pdf
10. The Seventh Summit of the Americas, 10th -11th of April 2015, Barack Obama's statement. URL: http://www.summit-americas.org/vii/docs/usa_en.pdf
11. Congressional Research Service. Latin American and the Carribean: Key issues for the 113th Congress. August 29.2014. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/row/R42956.pdf>
12. ECLAC. The United States and Latin America and the Carribean. Highlights of economic and trade. March 2011. Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/35286/S2011009_en.pdf?sequence=1
13. ECLAC. Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean. 2013. Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/36861/S1420130_en.pdf?sequence=1
14. ECLAC. The United States and Latin America and the Carribean. Highlights of economic

and trade. March 2011. Mode of access: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/35286/S2011009_en.pdf?sequence=1

15. Plano Nacional de Energía 2030 // Ministério de Minas y Energía de Brasil y Empresa Pesquisa Energética. – Rio de Janeiro, 2007. Mode of access: http://www.epe.gov.br/PNE/20080111_1.pdf

16. Estrategia Nacional de Energía 2012–2030, Energía para el futuro/ Ministerio de energía de Chile. 2012. Modo de acceso: <http://www.elmostrador.cl/media/2012/02/Energia-para-el-Futuro.pdf>

17. El Plan Energético Nacional 2004 – 2019 // Secretaría de Energía de la Nación. Mode de acceso: http://www.cnea.gov.ar/sites/default/files/PLAN_ESTRATEGICO_CNEA.pdf

18. Revolución Gasífera. URL: http://www.pdvsa.com/index.php?tpl=interface.sp/design/readmenu.tpl.html&newsid_obj_id=9432&newsid_temas=84

19. US EIA. Mexico Country Analysis Report. 2014. Mode of access: <http://www.eia.gov/countries/analysisbriefs/cabs/Mexico/pdf.pdf>

20. U.S. Natural Gas Imports. URL: <http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9100us2A.htm>

21. U.S. Natural Gas Exports. URL: <http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/n9130us2a.htm>

22. EIA. US Shale Gas Production. URL: http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/res_epg0_r5302_nus_bcfa.htm

23. EIA. US Shale gas reserves. URL: http://www.eia.gov/dnav/ng/hist/res_epg0_r5301_nus_bcfa.htm

24. «New York's natural gas history - a long story, but not the final chapter» – Retrieved 17 May 2012. URL: http://www.dec.ny.gov/docs/materials_minerals_pdf/nyserda2.pdf

25. Zhongmin Wang and Alan Krupnick. A Retrospective Review of Shale Gas Development in the United States, Resource for the Futures, Apr. 2013. Mode of access: <http://www.rff.org/RFF/documents/RFF-DP-13-12.pdf>

26. EIA. Annual Energy outlook 2015 with projections to 2040. Mode of access. URL: [http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383\(2015\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/aeo/pdf/0383(2015).pdf)

27. EIA. Annual Energy outlook 2014 with projections to 2040. Mode of access. URL: [http://www.eia.gov/forecasts/aeo/er/pdf/0383er\(2014\).pdf](http://www.eia.gov/forecasts/aeo/er/pdf/0383er(2014).pdf)

28. EIA. Short-term energy outlook, March 10, 2015. Mode of access. URL: http://www.eia.gov/forecasts/steo/pdf/steo_full.pdf

29. EIA. Liquid Fuels and Natural Gas in the Americas. January 2014. Mode of access: URL: <http://www.eia.gov/countries/americas/pdf/americas.pdf>

30. Кокшаров А. Снова «Сделано в Америке» // Эксперт. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2014/46/snova-sdelano-v-amerike/>

31. Сударев В.П. Новые игроки на латиноамериканском поле / Российский совет по международным делам – 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=49#top

32. Конева И.В. Трансатлантические отношения ЕС – Латинская Америка в конце XX – начале XXI вв. / И.В. Конева // Научный диалог. 2013. № 1 (13): История. Социология. Экономика. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0CC0QFjAD&url=http%3A%2F%2Fcyberleninka.ru%2Farticle%2F%2Ftransatlanticheskie-otnosheniya-es-latinskaya-amerika-v-kontse-xx-nachale-xxi-vv.pdf&ei=Q6E8VfbsBcyqswGc6oDYBg&usq=AFQjCNF1JSIwRS9QZoxvu5RZxZ3PnhpKgQ&bvm=bv.91665533,d.bGg&cad=rjt>

33. China pledges \$250B investment in Latin America, Caribbean. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aa.com.tr/en/rss/447284--china-pledges-250b-investment-in-latin-america-caribbean>

34. Латиноамериканский четырехугольник. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2015-03-25/2_red.html

А.А. МУЗЫКА

ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ ИММИГРАЦИИ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ.
НА РАЗВИТИЕ БРАЗИЛИИ И ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ
В БРАЗИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Иммиграция из Европы и Азии оказала сильное влияние на развитие Бразилии, причем во времена бразильской империи (1822–1889 гг.) и во времена Старой Республики (1889–1930 гг.) она была одним из ключевых факторов развития Бразилии, т.к. способствовала поддержанию территориальной целостности страны и поддержанию крупного плантационного хозяйства, которое составляло основу бразильской экономики. На протяжении бразильской истории иммиграция была по большей части контролируемым процессом; ее положительное влияние на развитие Бразилии было во многом обусловлено политикой властей страны.

Ключевые слова: *Бразилия, иммиграция из Европы и Азии.*

La inmigración europea y asiática produjeron una gran influencia al desarrollo de Brasil. La inmigración surgió como uno de los factores clave del desarrollo nacional bajo el Imperio (1822–1889) y la Vieja República (1889–1930) contribuyendo al mantenimiento de la integridad del territorio nacional y al crecimiento de las fazendas que en aquel entonces constituían base de la economía brasileña. La inmigración siempre se ha desarrollado bajo el control de las autoridades lo que favoreció su papel positivo en muchas esferas de la vida nacional.

Palabras clave: *Brasil, inmigración europea y asiática.*

The European and Asian immigration influenced greatly the development of Brazil. Moreover, in the 19th and early 20th centuries it was one of the key factors of Brazilian growth as far as it helped to preserve the integrity of Brazilian territory and contributed to the development of its plantation economy. Throughout the history of Brazil the immigration process has been controlled by the Brazilian government which determined the great contribution of the immigrants to the national development.

Key words: *Brazil, the European and Asian immigration.*

Если задаться вопросом о том, какие факторы оказали влияние на развитие Бразилии и предопределили его специфику, то в первую очередь это, с одной стороны, особенности ее географического положения, природно-ресурсного потенциала территории, а с другой — специфика внешнеполитической ситуации. Кроме того, речь идет и о трех основных составляющих, из которых сформировалось население страны: португальцы, африканцы, индейцы. Однако существует еще один крайне важный фактор, который до сих пор не был подробно рассмотрен российскими исследователями, но уже давно изучается бразильцами. Речь идет об иммиграционных потоках в Бразилию из стран Азии и Европы. О них и пойдет речь в данной статье.

Немного цифр

Общая динамика объемов иммиграции в Бразилию в период с начала XIX до начала XXI вв. выглядит следующим образом. Вплоть до второй половины 1880-х гг. численность прибывающих иммигрантов возрастала постепенно (4,4 млн человек — в 1851 г., 14,3 млн человек — в 1862 г., 20,3 млн человек — в 1874 г.), однако в конце 1880-х гг. наметился резкий скачок, и в итоге в 1890-х гг. в страну приезжало более 180 тыс. человек в год. Аналогичных объемов иммиграция достигала в 1908–1913 гг., однако впоследствии началось постепенное снижение численности иммигрантов, и, хотя в 1920-х и в 1950-х гг. имело место некоторое оживление иммиграционного процесса, численность иммигрантов уже не достигала столь высоких показателей [1].

Среди ключевых европейских и азиатских иммиграционных потоков наиболее многочисленными были итальянский, португальский и испанский. В период наибольшей интенсивности итальянского иммиграционного потока в 1894–1903 гг. в страну прибыло 537,8 тыс. итальянцев, на пике португальской иммиграции в 1904–1913 гг. в Бразилию прибыло 384,7 тыс. человек, а из Испании в 1904–1913 гг. прибыло 22,5 тыс. [2].

Таким образом, периоды наиболее интенсивной иммиграции в Бразилию из тех или иных европейских и азиатских стран разнятся. Помимо уже перечисленных, можно привести, в частности, немецкую иммиграцию, пик которой приходится на 1920–1929 гг. (75,8 тыс. человек), и японскую иммиграцию, которая достигла максимальных объемов в 1924–1933 гг. (110,2 тыс. человек) [3].

Однако прежде чем анализировать роль иммигрантов в развитии бразильского общества, следует рассмотреть особенности иммиграционной политики бразильских властей, так как иммиграция из Европы и Азии на протяжении всей бразильской истории была по большей части контролируемым процессом.

Эволюция иммиграционной политики бразильских властей

Иммиграционная политика бразильских властей всегда была тесно связана с ключевыми потребностями государства. На протяжении бразильской истории суть данной политики менялась: от привлечения иммигрантов в годы Империи (1822–1889 гг.) и Старой республики (1889–1930 гг.) к ограничениям с целью защиты национальной безопасности в эпоху Варгаса (1930–1945 гг.) и в годы военной диктатуры (1964–1985 гг.) и, наконец, к известной пассивности, присущей современному этапу.

Основными направлениями стратегии по привлечению иммигрантов были политика заселения земель (колонизация) и привлечение иммигрантов для работы на плантациях. Рассмотрим их немного подробнее.

Привлекать иммигрантов для заселения неосвоенных территорий в Бразилии начал еще португальский король Жуау VI. После получения Бразилией независимости в 1822 г. данная политика, направленная преимущественно на заселение южных штатов, имела своей целью борьбу с центробежными тенденциями (проявлением которых стал выход восточного берега Рио-де-Ла-Платы из территории Бразилии в 1825 г.) и защиту территории страны от притязаний соседей. Попутно она способствовала расширению внутреннего рынка, обеспечению продовольствием внутренних районов страны, в особенности городов. Немаловажным стимулом для осуществления политики привлечения иммигрантов, в частности, из Европы были и шовинистические настроения бразильской элиты, которая стремилась «обелить» бразильскую нацию, в составе которой на тот момент было много чернокожих [4, с. 119].

Хотя данная политика в общем и целом оказала положительное влияние на развитие Бразилии, о чем подробно будет сказано ниже, методы ее осуществления привели к возникновению проблем, решение которых началось фактически только в годы первого правления Варгаса: власти не принимали мер по ассимиляции иммигрантов, которые жили в отдаленных поселениях и не испытывали необходимости изучать португальский язык и бразильские культурные традиции. Только в период Старой республики в декрете № 528 от 1890 г. в ответ на обеспокоенность общества высокой степенью однородности населения колоний появилась специальная статья, согласно которой бразильцы могли ехать в колонии, но их численность при этом не должна была превышать 25 % населения [5]. Кроме того, в 1917–1919 гг. бразильские власти пытались заставить школы немецкой диаспоры организовать обучение

на двух языках [6, р. 226], однако не преуспели в этом, что свидетельствует об отрывочности и некоторой бессистемности данных мер.

Бразильские власти начали активно привлекать иммигрантов *для работы на плантациях* в ходе проведения политики по отмене рабства в XIX в. Одним из важнейших аспектов данной политики стало субсидирование иммиграции (программа «*imigração subsidiada*»), которое среди прочего включало в себя оплату транспортировки иммигрантов в страну. Результаты данной политики были двоякими: с одной стороны, это позволяло многократно увеличить объемы иммиграционного потока, с другой — способствовало притоку в страну иммигрантов из бедных слоев общества, которые были неграмотными и неквалифицированными. Например, если в 1836–1847 гг. среди иммигрантов из Португалии неграмотных не было совсем, то в 1873–1877 гг. грамотными были 89 % португальских эмигрантов [7]. И впоследствии процент грамотности среди них продолжил снижаться.

При всей важности политики привлечения иммигрантов *для работы на плантациях* она страдала от недостаточного контроля со стороны государства. В период Империи права иммигрантов, работавших на плантациях не были защищены, а плантаторы, не будучи способны быстро избавиться от рабовладельческих привычек, достаточно своевольно подходили к организации трудовых отношений с иммигрантами и вмешивались в их личную жизнь. Распространение информации о положении иммигрантов Бразилии привело к тому, что некоторые европейские государства (Пруссия — в 1871 г., Англия — в 1875 г. и Франция — в 1876 г.) запретили нанимать своих граждан для работ на бразильских плантациях. Однако только когда власти Италии, откуда на рубеже XIX–XX вв. прибывало большинство иммигрантов, издали аналогичный закон (декрет Принетти [*decreto Prinetti*], 1902 г.), бразильские власти начали также принимать соответствующие законы («Сельскохозяйственная тетрадь» — в 1904 г.) и создавать институты (Сельскохозяйственный патронат [*Patronato Agrícola*] — в 1912 г., Департамент труда штата Сан-Паулу [*Departamento Estadual do Trabalho de São Paulo*] — в 1911 г.), которые занимались защитой прав трудящихся промышленности и сельского хозяйства, причем их деятельность была направлена связана не только на иммигрантов, но и — частично — на национальную рабочую силу. (Кроме того, тогда же бразильские власти начали привлекать в страну иммигрантов из Испании и Японии [8].

Говоря о привлечении иммигрантов в Бразилию, следует отметить, что как в период Империи в 1834 г., так и в годы Старой республики в 1894 г. предпринимались попытки передать полномочия в данной сфере властям штатов, и обе попытки потерпели неудачу, так как региональные власти не могли справиться с масштабами иммиграционной политики [9].

Кроме того, имел место и «контроль качества» прибывавших иммигрантов. Основные требования (возраст, семейное положение, состояние здоровья), предъявлявшиеся к прибывающим иностранцам, были закреплены в различных законах периода Старой республики, таких как декрет № 528 от 1890 г., Закон об иммиграции и колонизации (*Lei de Imigração e Colonização*) 1907 г., декрет № 4247, принятый в 1921 г., и декрет № 16761, принятый в 1924 г. [10]

Еще одним направлением иммиграционной политики бразильских властей начала XX в. стала борьба с участием иммигрантов в постепенно разраставшемся рабочем движении. С этой целью, в частности, в 1907 г. был принят закон *Lei Adolfo Gordo*, который предполагал высылку из страны иностранцев, которые «нарушали общественный порядок» и совершали преступления [11].

В период правления Варгаса одним из важнейших направлений политики стало формирование единой бразильской нации. Это сопровождалось отказом от привлечения в страну новых иммигрантов и защитой национальных трудовых ресурсов: конституция 1934 г. установила квоты по объемам допустимой иммиграции, а по Закону «о двух третях» (*Lei de dois terços*) 1939 г. две трети работников предприятий, персонал которых составлял более трех человек, должны были быть бразильцами. Кроме того, принимались законы, ограничивавшие въезд в страну различных категорий иммигрантов. Помимо этого, Варгас проводил политику ассимиляции в отношении уже прибывших в страну иммигрантов. Причем в отличие от политики времен Старой республики, в данном случае меры носили комплексный и весьма радикальный характер: принимались законы, не допускавшие концентрацию иммигрантов одной национальности в поселениях (декрет № 406 от 1938 г.), законы об установлении го-

сударственного контроля над школьным образованием в иммигрантских колониях (декрет № 868, уже упомянутый декрет № 406, декрет № 1006; все — от 1939 г.), законы, ограничивавшие их политическую деятельность (декрет № 383 от 1938 г.) и т.д. Отдельно следует отметить также декрет № 392 (1938 г.), который разрешал высылать иммигрантов из страны на основании обвинения в преступлениях против национальной безопасности [12].

Однако наиболее жесткая политика в отношении иммигрантов проводилась в годы Второй мировой войны и была направлена против иммигрантов из стран Оси: их собственность подлежала конфискации, самих же иммигрантов переселяли и арестовывали (для подобного рода заключенных было создано около 10 «концентрационных лагерей»). Однако в данном случае следует учитывать, что аналогичные меры в отношении иммигрантов из Германии, Италии и Японии принимались многими государствами (в частности, США) и подобная политика была необходимым аспектом налаживания отношений с союзниками [13].

После почти полного запрета в 1941 г. иммиграция была вновь разрешена в 1945 г. Далее, по завершении первого правления Варгаса, бразильские власти вновь стали привлекать иммигрантов, однако данная политика носила уже не столь активный характер, как во времена Империи и Старой республики, что говорит об уменьшении потребности в дополнительных источниках рабочей силы. Весьма показательным в данном случае является сотрудничество Бразилии с Международной организацией по делам беженцев (International Refugee Organization IRO), которая занималась помощью беженцам в послевоенный период: хотя изначально Бразилия заявила о готовности принимать от 100 до 200 тыс. беженцев в год, к 1952 г., когда организация завершила свою работу, в Бразилию в общей сложности было направлено 29 тыс. человек [14].

В период военной диктатуры в основе политики бразильских властей по отношению к иностранцам лежали преимущественно принципы «доктрины национальной безопасности», что привело к повышению уровня закрытости страны для иммигрантов. С одной стороны, уже тогда в иммиграционной политике начинает прослеживаться определенная пассивность, сохраняющаяся до настоящего времени: вплоть до 1980 г. иммиграционная политика осуществлялась в соответствии с законом 1945 г. С другой стороны, в этот период принимаются законы, направленные на защиту государства от потенциальной угрозы со стороны иностранцев. В частности, в соответствии с декретом № 417, высылке должен был подлежать «любой человек, который каким-либо образом угрожает национальной безопасности, общественному порядку, спокойствию и общественной морали», а декрет № 941 всячески ограничивал деятельность иностранцев в стране (запрет политической деятельности, ограничение деятельности в СМИ и т.д.). При этом в законе 1980 г., который действует в Бразилии до сих пор, многие положения вышеупомянутых декретов сохраняются [15].

Тот факт, что в основе *современной иммиграционной политики* лежит закон 30-летней давности, уже сам по себе является показателем пассивности современных бразильских властей в данном вопросе. Хотя попытки разработки нового закона предпринимались и при Ф.Э. Кардозу, и при Л.И. Луле да Силве, эти попытки не увенчались успехом. Подобная ситуация может объясняться рядом причин. Во-первых, это может быть связано с несовпадением интересов различных политических сил: бизнес выступает за приглашение исключительно необходимых кадров, консерваторы — за привлечение богатых иммигрантов, а службы общественного порядка в принципе против привлечения иммигрантов. Во-вторых, это объясняется наличием более приоритетных задач, ждущих своего решения, таких как борьба с бедностью в период правления Лулы и стабилизация экономики в период правления Д. Руссефф [16].

В то время как политика в отношении вновь прибывающих иммигрантов не претерпевает больших изменений, положительные сдвиги происходят в политике по отношению к уже живущим в стране иммигрантам и их потомкам. В первую очередь это касается расширения их культурных и языковых прав. Наиболее ярким проявлением данной тенденции является процесс признания языков диаспор и местных диалектов регионов проживания иммигрантов, а также использование их наравне с португальским языком в качестве официальных, изучение их в школах, использование в СМИ и т.д. Именно таким образом диалект *italiano*, на котором говорят итальянские иммигранты, был признан достоянием национальной культуры в 2014 г., а померанский диалект стал официальным в таких муниципалитетах

штата Эспириту-Санту, как Santa Maria de Jetibá (в 2009 г.), Pancas (в 2007 г.) и Laranja da Terra (в 2008 г.) [17].

Теперь обратимся к вопросу *о роли иммигрантов из Европы и Азии в развитии Бразилии*. С особенной силой данное влияние проявлялось в период наиболее активной иммиграции в Бразилию, однако отдельные его аспекты весьма заметны до сих пор.

Для начала рассмотрим влияние иммигрантов *на экономическое развитие* Бразилии.

Во-первых, как уже упоминалось выше, иммигранты заселяли неосвоенные территории южных штатов Бразилии: Риу-Гранди-ду-Сул, Эспириту-Санту и Санта-Катарина. Этот процесс способствовал развитию не только сельского хозяйства, но и промышленности, а также сети коммуникаций между поселениями и более крупными городами. При этом наиболее успешные поселения развивались очень быстро. Например, в созданной в 1850 г. колонии Blumenau к 1859 г. насчитывалось уже 34 сахарных завода и 12 мельниц для маниоки, 3 печи для производства кирпичей и т.д. Кроме того, если проанализировать данные Института географии и статистики Бразилии о муниципалитетах страны, оказывается, что из муниципалитетов с ВВП, превышающим 1 000 000 тыс. реалов, которых в Риу-Гранди-ду-Сул насчитывается 44, в Санта-Катарине – 31, а в Эспириту-Санту – 15, на месте бывших иммигрантских поселений сформировались, соответственно, 14 (31,8 %), 12 (38,7 %) и 1 (6,7 %). При этом в штате Санта-Катарина некоторые из этих бывших поселений входят в число самых богатых: муниципалитеты Joinville и Blumenau занимают, соответственно, второе и четвертое места по объемам ВВП; весьма высокий уровень развития имеют São Leopoldo и Novo Hamburgo [18].

Во-вторых, как опять же упоминалось выше, иммигранты стали важным источником рабочей силы для плантаций и промышленности после отмены рабства. С одной стороны, привлечение в страну иммигрантов было необходимым, так как ни свободное сельское население, в силу наличия большого количества незаселенных земель, ни свободное городское население, в силу разницы в образе жизни в городах и на плантациях, не стремились становиться наемными работниками латифундистов. В то же время численность негритянских работников после запрета на ввоз новых рабов начала сокращаться, так как смертность среди них превышала рождаемость. С другой стороны, использование иммигрантского труда было выгодным, так как в силу масштабов иммиграционного потока в тот период предложение рабочей силы превышало потребности латифундистов, что позволяло им сохранять низкий уровень заработной платы. Кроме того, в отличие от свободных бразильцев, жены которых занимались домашним хозяйством, иммигрантов на работы можно было нанимать целыми семьями. Размаху иммиграции способствовала и политика бразильских властей [19].

В итоге привлечение иммигрантов обеспечило большую плавность перехода от рабовладельческого хозяйства к системе оплачиваемого труда. При этом иммигранты еще долго продолжали играть важную роль в развитии сельского хозяйства, подтверждением чего служит тот факт, что принятый Варгасом «Закон о двух третях» [20] не распространялся на сельское хозяйство. Если же говорить о промышленности, то их максимальная занятость приходится на период наиболее активного их притока: в 1893 г. иммигранты составляли 71,2 % всей рабочей силы в Сан-Паулу и 85 % всех ремесленников, а в 1920 г. они составляли 51 % всех занятых в промышленном секторе города. В Рио-де-Жанейро в 1893 г. они составляли 40 % всей рабочей силы и 39 % лиц, занятых в мануфактурном производстве, в 1920 г. 35 % работников промышленной отрасли города были иммигрантами [21, р. 16, 18].

В-третьих, иммигранты способствовали развитию бразильской промышленности. Особенно сильное их влияние наблюдалось в г. Сан-Паулу: по данным 2012 г., проживавшие здесь иммигранты производили 28,9 % всей продукции бразильской промышленности. В 1917 г. там имелось 147 фирм, принадлежавших бразильцам, и 138 фирм, принадлежавших португальцам, испанцам и итальянцам. В 1920 г. 64 % всех промышленных учреждений в Сан-Паулу принадлежали иммигрантам (3/4 из них – итальянцам). В 1934 г. там насчитывалось 4 837 фабрик, принадлежавших бразильцам, и 3 100 фабрик, принадлежавших немцам, итальянцам, японцам, испанцам и португальцам. При этом влияние иммигрантских «кланов» сохранялось и в дальнейшем: в 1970-х гг. из директоров фирм, на которых работало 250 человек и более, 31 % составляли потомки итальянцев, 10 % – потомки португальцев и только 20 % – потомки бразильцев. (Для фирм

с численностью работников 100 и более этот показатель составлял, соответственно, 35 %, 12 % и 16 %) [22].

Иммигранты создавали предприятия не только в крупных городах, но и в колониях. Примером служат открытые немцами в поселении (ныне муниципалитете) Blumenau компании «Насо» (производит этикетки), Hering (производит одежду) и Karsten (текстильная промышленность), а также основанную по инициативе немецкого иммигранта в Novo Hamburgo Ассоциацию обувной промышленности (Associação Brasileira das Indústrias de Calçados [Abicalçados]) [23].

Проведенный автором данной статьи анализ 1 000 крупнейших компаний Бразилии по данным 2012 г., список которых был опубликован на сайте бразильского экономического журнала Valor Econômico [24], а также истории компаний, размещенную на их официальных сайтах, приводит к следующим выводам.

В десятку крупнейших компаний страны входят две компании, основанные иммигрантами: металлургическая компания Gerdau, созданная немецкими иммигрантами в 1901 г., занимает 6 место, а компания Pão de Açúcar, занимающаяся розничной торговлей, основанная иммигрантом из Португалии в 1948 г., — 5 место [25]. При этом в активно заселявшемся иммигрантами штате Санта-Катарина из 45 компаний, вошедших в упомянутый список, только 9 были основаны иммигрантами и их потоками (до 3 поколения). Таким образом, сегодня, за исключением отдельных случаев, созданные иммигрантами и их потомками компании не играют в экономике Бразилии столь важной роли, как это было на рубеже XIX–XX вв. Одновременно следует отметить, что наиболее влиятельные из созданных иммигрантами компаний появились еще до середины XX в.

Примером снижения на современном этапе роли иммигрантов в промышленности является уход из бразильской промышленности отдельных представителей группы т.н. «итальянских графов» (Matarazzo и Crespi), фирмы которых в свое время занимали значительное место в индустрии Бразилии и всей Латинской Америки, однако к нынешнему моменту перестали существовать: группа компаний Matarazzo обанкротилась в 1983 г., а компания Crespi закрылась в 1963 г. [26].

В-четвертых, со времен бразильской империи и до второй половины XX в. иммигранты способствовали диверсификации бразильского сельскохозяйственного и промышленного производства. Например, немецкие иммигранты начали производить в Бразилии пиво. Первая пивоваренная фабрика была создана в Бразилии в 1842 г. иммигрантом по имени Henri Joseph Leiden. Интенсивное развитие данной отрасли промышленности началось в 1880-х гг., и в 1881–1900 гг. практически все импортируемое пиво было заменено на бразильское, за исключением британского пива Guinness. Немецкие иммигранты также сыграли важную роль в развитии бразильской обувной промышленности в штате Риу-Гранди-ду-Сул. Итальянские иммигранты способствовали развитию в Бразилии производства вина. Японские иммигранты в 1930-х гг. начали выращивать черный перец в поселении Tomé-Açu, в результате этот регион стал одним из крупнейших в мире производителем данного продукта. В 1980-х гг. благодаря их деятельности Бразилия смогла отказаться от импорта яблок и дынь, даже став экспортером последних. (Особо следует также отметить, что японцы привнесли в Амазонию, муниципалитет Tome-Açu, новые технологии ведения сельского хозяйства, а именно: технологии агролесомелиорации, sistemas agroflorestais, а также способствовали развитию в Бразилии системы сельскохозяйственных кооперативов) [27].

Важный вопрос — немалое влияние иммигрантов на численность бразильского населения. Например, в 1890-х гг. численность населения Бразилии составляла около 14 млн человек, при том, что в страну ежегодно прибывали около 180 тыс. иммигрантов [28]. В то же время имела место неравномерность расселения иммигрантов по территории страны: «колонисты» в основном отправлялись в южные штаты, работники fazendas оказывались в регионах, где наиболее интенсивно развивалось плантационное сельское хозяйство, при этом в 1900-х гг. большую часть иммиграционного потока «оттягивал» на себя штат Сан-Паулу, остальные иммигранты селились в крупных городах (в частности, в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро). Это в итоге привело к неравномерности их влияния на численность населения.

В 1940–1950-х гг. жители немецкого происхождения составляли около 20 % населения штатов Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул (7 % и 2,5 %, соответственно, в штатах Па-

ранá и Сан-Паулу). Хотя численность немецкой иммиграции в Бразилию была не слишком велика, столь высокий показатель в южных штатах объясняется тем, что семьи колонистов отличались весьма высоким уровнем рождаемости. В частности, в 1890-х гг. этот показатель составлял в среднем 7 детей на одно семейство [29].

В период пика иммиграционной активности иностранцы составляли значительную часть населения крупных городов. Так, в 1890 г. иностранцы (если считать исходя из места рождения), составляли около 29 % населения г. Рио-де-Жанейро и 54,6 % населения г. Сан-Паулу (в 1893 г.). Штаты, куда наиболее активно ехали иммигранты, демонстрировали наиболее высокие темпы прироста населения: в частности, в 1890–1940 гг. средний юг Бразилии (штаты Сан-Паулу, Паранá, Санта-Катарина и Риу-Гранди-ду-Сул) демонстрирует прирост населения на 359 %, в то время как средний показатель по всей стране тогда составлял 188 %. А население штата Эспириту-Санту в этот же период увеличилось на 501 %. Важным косвенным показателем данных процессов является динамика численности белого населения в стране. В годы бразильской империи, когда численность прибывших иммигрантов была еще не столь высока, этот показатель увеличился с 30 до 38 % населения. В свою очередь, в период 1872–1940 гг. численность белого населения увеличилась с 38 до 65 % [30].

Теперь обратимся к вопросу *о влиянии иммигрантов на бразильскую политику*. Хотя это влияние не следует преувеличивать, нельзя пройти мимо ряда немаловажных в данном отношении аспектов.

Во-первых, во времена бразильской империи среди приближенных императора, а также в армии присутствовало достаточно много выходцев из Португалии. И хотя по конституции 1824 г. они были бразильцами, факт возникновения антипортугальских настроений в обществе говорит о том, что жители страны воспринимали их иначе. Следует отметить, что вышеуказанные настроения, которые были одним из катализаторов, в частности, «революции Прайера» в Пернамбуку (1848 г.), можно считать достаточно значимой движущей силой времен бразильской империи [31, с. 110, 135]. (Еще один пример: недоверие бразильских властей к португальским офицерам стало одним из факторов, побудивших их создать параллельную военную структуру — Национальную гвардию).

Во-вторых, в период Старой республики иммигранты (в особенности испанцы, португальцы и итальянцы) активно участвовали в развернувшемся в Бразилии в 1900–1920 гг. рабочем движении. Например, в 1890–1920 гг. из 119 известных лидеров профсоюзных движений 24 были итальянцами, 23 — португальцами и 22 — испанцами, при этом 35 — бразильцами [32]. Кроме того, в ходе забастовки в Сан-Паулу в 1917 г. Комитет пролетарской обороны (Comité de Defesa Proletária) для переговоров с властями выбрал четверых человек, из которых трое были итальянцами, а четвертый — португальцем [33, р. 73].

Однако, представляя собой весьма боевой отряд рабочего движения, иммигранты зачастую сами же являлись его тормозом в силу конфликтов между различными этническими группами. Например, в 1914 г. португальцы и испанцы не поддерживали забастовку итальянских каменщиков. Источником затруднений служили, с одной стороны, языковой барьер, а с другой — тот факт, что иммигранты зачастую получали должности, требовавшие более высокой квалификации, нежели те, которые получали бразильцы [34].

В то же время следует отметить, что стремление снизить отток иммигрантов из страны побудило бразильские власти принять ряд законов, защищавших права не только иммигрантов, но и всех трудящихся в целом.

В годы правления Варгаса политическая активность иммигрантов как на общенациональном, так и на региональном уровнях всячески ограничивалась, однако впоследствии, во второй половине XX в., определенную роль в бразильской политике начинают играть отдельные представители диаспор. Интересно, что ряд бразильцев японского происхождения в разные годы стали министрами федерального правительства. Например, в 1969 г. представитель японской диаспоры Fábio Yassuda стал министром промышленности и торговли; в годы правления Эрнесто Гейзеля (1974–1979 гг.), который сам являлся выходцем из семьи немецких иммигрантов, министром горнорудной промышленности и энергетики был Shigeaki Ueki; в годы правления Ж. Сарнея (1985–1990 гг.) министром здравоохранения был Seigo Tsuzuki [35]. Губернаторы штата Сан-Паулу Mário Covas (1995–2001 гг.) и José Serra (2007–2010 гг.) были потомками испанских и португальских (первый) и итальянских (второй) иммигрантов [36].

Во второй половине XX в. отдельные представители диаспор участвовали в противостоянии военной диктатуре 1964–1985 гг., хотя их участие в данной борьбе не было столь значительным, как участие в рабочем движении в начале века. В качестве примера можно привести итальянское семейство Marigella: Carlos Marigella в 18 лет вступил в компартию и в дальнейшем участвовал в движении сопротивления военной диктатуре, возглавив борьбу в городах («городская герилья»), ранее написав в этих целях «Мини-учебник для участника городской герильи» («Mini-manual do Guerrilheiro Urbano»), а в 1969 г. погиб от рук военных. Его сын Carlos Augusto Marigella, в свою очередь, руководил студенческим движением штата Баия, был в заключении в 1975–1979 гг., а впоследствии занимался восстановлением профсоюза трудящихся нефтехимической отрасли (Sindicato dos Operários do Pólo Petroquímico) [37]. Представительница японской диаспоры Luiza Hirata участвовала в движении Католической Университетской Молодежи (Juventude da Universidade Católica), позже вступила в ряды левого политического движения Народное действие (Ação Popular); дочь японских иммигрантов Suely Yumiko Kanaayama была участницей крупного вооруженного сопротивления «Guerrilha do Araguaia» [38].

Теперь рассмотрим *влияние иммигрантов на развитие бразильской культуры*. Хотя супруга императора Педру I и мечтала при помощи иммигрантов «цивилизовать» бразильскую нацию [39], бразильские власти никогда не привлекали в страну иммигрантов с целью развития культуры. Однако подобного рода политику проводил португальский король Жуау VI, в 1816 г. организовавший прибытие в Бразилию французской миссии, в которую входили различные деятели культуры: архитектор Grandjean de Montigny, художники Charles Pradier и Jean Baptiste Debret, граверы и скульпторы Marc и Zéphyrin Ferrez и др. И хотя впоследствии многие из них вернулись в Европу, определенное влияние на развитие бразильской культуры (в частности, образования, живописи) они оказали [40].

Говоря о совокупном влиянии отдельных диаспор на развитие бразильской культуры, следует учитывать, что наиболее многочисленные иммиграционные потоки, а именно: итальянский, португальский и испанский, — происходят из стран с относительно родственной для бразильского общества культурой, поэтому объем культурных новаций, которые они могли привнести, был не слишком велик. В то же время иммигранты из Германии и азиатских стран привнесли в страну определенное культурное разнообразие.

В частности, иммигранты из Азии принесли в Бразилию буддизм, который в свое время обрел некоторую, хоть и довольно небольшую, популярность даже среди неазиатского населения страны: в 1991 г. буддистов-неазиатов (146,43 тыс. человек) в стране было больше, чем буддистов-азиатов (89,97 тыс. человек), однако в 2000–2010 гг., по данным Института географии и статистики Бразилии, в то время как число буддистов азиатского происхождения сокращалось (с 81 тыс. до 77 тыс. человек), количество буддистов-неазиатов возросло на 25 % (с 134 тыс. до 167 тыс. человек) [41].

Немецкие иммигранты принесли в Бразилию лютеранство, и хотя лютеран в Бразилии сейчас больше, чем буддистов, их численность относительно невелика. Данные о численности участников двух крупнейших лютеранских организаций Бразилии (1 млн человек — в Евангелистской церкви лютеранской конфессии в Бразилии [IECLB] и 217,6 тыс. человек — в Евангелистской Лютеранской церкви Бразилии [IELB] [42]) гласят, что в стране проживают от 1 до 1,5 млн лютеран.

Также иммигранты принесли в Бразилию около 30 различных языков, что способствовало известному языковому разнообразию [43].

Немалым является вклад отдельных представителей различных диаспор в развитие бразильской культуры. Примером служит деятельность представителей школы изобразительных искусств из Японии и Италии, основавших в 1930-х гг. в Бразилии такие творческие группы, как Seibi-Kai (художники Manabu Mabe и Tikashi Fukushima, скульптор Tomie Ohtake и др.) и Grupo Santa Helena (декоратор Alfredo Volpi, художники Aldo Bonadei, Mario Zanini и Clovis Graciano и др.) [44].

Весьма показательной сферой, где можно наблюдать определенное участие иммигрантов, было бразильское кино. Первым бразильским режиссером был итальянский иммигрант Affonso Segretto. В 1930-е гг. наиболее выдающимся режиссером был сын итальянского иммигранта Humberto Mauro. Помимо самостоятельных работ и деятельности в рамках ки-

нокомпании Phebo Sul America Film (одним из основателей которой он и являлся), он участвовал в работе Национального Института образовательного кино, в рамках которого снял около 300 документальных фильмов. Потомком итальянских иммигрантов был и актер, и режиссер Amácio Mazzaropi. На сегодняшний день в Бразилии также достаточно много актеров-выходцев из диаспор иммигрантов: актрисы с немецкими корнями Vera Fischer и Gisele Bündchen, актер итальянского происхождения Reynaldo Cisotto Gianecchini Junior, а также известная далеко за пределами Бразилии актриса театра и кино Fernanda Montenegro [45].

Выводы

Европейская и азиатская иммиграция оказали существенное влияние на развитие бразильского общества. Наиболее интенсивным данное влияние было во второй половине XIX — начале XX вв., когда приток иммигрантов в Бразилию был наиболее масштабным. Иммигранты оказали весьма существенное влияние на развитие бразильской экономики; серьезные результаты их воздействия можно наблюдать и в политике, и в культуре Бразилии. При этом иммиграция из Европы и Азии на протяжении всей бразильской истории была по большей части контролируемым процессом: власти контролировали объемы и качество прибывающего контингента, а также направляли деятельность иммигрантов в те сферы, которые более всего в них нуждались.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Estatísticas do povoamento: imigração total, períodos anuais. URL:<http://brasil500anos.ibge.gov.br/en/estatisticas-do-povoamento/imigracao-total-periodos-anuais>
2. Estatísticas do povoamento (1884–1933). URL:<http://brasil500anos.ibge.gov.br/estatisticas-do-povoamento/imigracao-por-nacionalidade-1884-1933>
3. Imigração alemã: formação de uma comunidade teuto-brasileira. URL:<http://brasil500anos.ibge.gov.br/en/territorio-brasileiro-e-povoamento/alemaes>
4. *Vital Junior Raul Rebello*. Caminhos da colonização alemã no Rio Grande do Sul: políticas de Estado, etnicidade e transição / Raul Rebello Vital Junior // Fundação Instituto Gaúcho de Tradição e Folclore. URL:<http://www.igt.rs.gov.br/wp-content/uploads/2012/06/Caminhos-da-coloniza%C3%A7%C3%A3o-alem%C3%A3-no-RS.pdf>; Фаусту Б. Краткая история Бразилии / Пер. с порт. Л.С. Окуновой, О.В. Окуновой; предисл. Б.Н. Комиссарова, послеслов. Л.С. Окуновой. — М.: Весь Мир, 2013.
5. Decreto nº 528, de 28 de Junho de 1890. URL:<http://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1824-1899/decreto-528-28-junho-1890-506935-publicacaooriginal-1-pe.html>
6. *Pandolfi Dulce*. Repensando o Estado Novo / Dulce Pandolfi — Rio de Janeiro: Ed. Fundação Getulio Vargas, 1999.
7. *Volpi Scott Ana Silvia*. As duas faces da imigração portuguesa para o Brasil (décadas de 1820–1930).] / Ana Silvia Volpi Scott // Universidad de Zaragoza, 2001. URL:<http://www.unizar.es/eueez/cahe/volpiscott.pdf>
8. *Rocha Ilana Peliciari*. Imigração internacional, retorno e reemigração, 1890–1920. URL:<http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8137/tde-24102007-145107/pt-br.php>; Patronato agrícola. URL: <http://www.al.sp.gov.br/acervo-historico/exposicoes/parlamentares-paulistas/egas/patronato.htm>; Departamento Estadual do Trabalho de São Paulo // Centro de Documentação e Informação científica. 2014. URL:<http://www.pucsp.br/cedic/index.html>; De Moraes Bruno Perdos. Sociedade Brasileira de Cultura Japonesa e de Assistência Social (BUNKYO): sua importância e relação com a comunidade nipo-brasileira. URL:<http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8137/tde-24102007-145107/pt-br.php>
9. *Rocha Ilana Peliciari*. Imigração internacional, retorno e reemigração, 1890–1920. URL:<http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8137/tde-24102007-145107/pt-br.php>; Márcio de Oliveira. Origens do Brasil meridional: dimensões da imigração polonesa no Paraná, 1871–1914 Márcio de Oliveira // Estudos históricos, Rio de Janeiro, 2009, vol. 22, № 43. URL:http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S0103-21862009000100012&script=sci_arttext

10. Decreto nº 528, de 28 de Junho de 1890. URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1824-1899/decreto-528-28-junho-1890-506935-publicacaooriginal-1-pe.html>; Decreto n. 1.458, de 10 de Abril de 1907; URL: <http://www.al.sp.gov.br/repositorio/legislacao/decreto/1907/decreto-1458-10.04.1907.html>; Decreto nº 4.247 de 6 de Janeiro de 1921 regula a entrada de estrangeiros no território nacional; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1920-1929/decreto-4247-6-janeiro-1921-568826-publicacao-original-92146-pl.html>; Decreto nº 16.761, de 31 de Dezembro de 1924; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/decret/1920-1929/decreto-16761-31-dezembro-1924-503902-republicacao-88581-pe.html>

11. *Maria Aparecida Macedo Pascal*. A imigração portuguesa em São Paulo: trabalho, identidade, tensões e gênero. URL: <http://snh2007.anpuh.org/resources/content/anais/Maria%20Aparecida%20Macedo%20Pascal.pdf>

12. *Bruno Perdoso de Moraes*. Sociedade Brasileira de Cultura Japonesa e de Assistência Social (BUNKYO): sua importância e relação com a comunidade nipo-brasileira. URL: <http://www.nipocultura.com.br/wp-content/uploads/2012/11/Bruno-Pedroso-de-Moraes1.pdf>; Decreto-Lei Nº1.843 de 7 de Dezembro de 1939 dispõe sobre a nacionalização do trabalho e a proteção ao trabalhador; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1930-1939/decreto-lei-1843-7-dezembro-1939-411788-publicacao-original-1-pe.html>; Decreto-Lei nº 406, de 4 de Maio de 1938 dispõe sobre a entrada de estrangeiros no território nacional; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1930-1939/decreto-lei-406-4-maio-1938-348724-publicacaooriginal-1-pe.html>; Pandolfi Dulce. Repensando o Estado Novo / Dulce Pandolfi – Rio de Janeiro: Ed. Fundação Getúlio Vargas, 1999. – P. 219; Lúcio Kreutz. Escolas da imigração alemã católica e processo de nacionalização do ensino. URL: http://www.portalanpedsul.com.br/admin/uploads/2002/Educacao,_cidadania_e_intercultural/Mesa_Redonda/01_08_18_m17-59.pdf

13. *Priscila Ferreira Perazzo*. Prisioneiros de guerra: a reclusão dos imigrantes indesejáveis (Brasil: 1942–1945). URL: http://www.usp.br/proin/download/revista/revista_seminarios3_prisioneirosguerra.pdf

14. Decreto-lei nº 7.967 de 18 de Setembro de 1945. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto-lei/1937-1946/Del7967.htm; José H. Fischel de Andrade. O Brasil e a organização internacional para os refugiados (1946–1952). URL: www.scielo.br/pdf/rbpi/v48n1/v48n1a03.pdf

15. Decreto-Lei nº 417 de 10 de Janeiro de 1969 dispõe sobre a expulsão de estrangeiros. URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1960-1969/decreto-lei-417-10-janeiro-1969-378081-publicacaooriginal-1-pe.html>; Decreto-Lei nº 941 de 13 de Outubro de 1969; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1960-1969/decreto-lei-941-13-outubro-1969-375371-publicacaooriginal-1-pe.html>; Decreto-Lei nº 6.815 de 19 de agosto de 1980 define a situação jurídica do estrangeiro no Brasil, cria o Conselho Nacional de Imigração e dá outras providências; URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1980-1987/lei-6815-19-agosto-1980-366138-publicacao-original-1-pl.html>

16. *Marcia Anita Sprandel*. Políticas migratórias no Brasil do século XXI / Marcia Anita Sprandel // Site of International Organization for Migration (IOM). 2013. URL: http://www.migracion-ue-alc.eu/documents/conf_y_eventos/2013/Pasantia%20Brasil/Políticas%20migratorias%20no%20Brasil%20do%20seculo%20XXI.pdf; Deisy Ventura. Política migratória brasileira é obsoleta e dificulta a vida de estrangeiros; URL: <http://noticias.uol.com.br/opiniaocolumna/2014/05/03/politica-migratoria-brasileira-deixa-estrangeiros-em-situacao-precaria.htm>

17. Lei nº 1136 de 26 de Junho de 2009 dispõe sobre a co-oficialização da língua pomerana no município de Santa Maria de Jetibá, Estado do Espírito Santo. Leis Municipais 2009. URL: <https://www.leismunicipais.com.br/a/es/s/santa-maria-de-jetiba/lei-ordinaria/2009/114/1136/lei-ordinaria-n-1136-2009-dispoe-sobre-a-co-oficializacao-da-lingua-pomerana-no-municipio-de-santa-maria-de-jetiba-estado-do-espirito-santo>; Três línguas são reconhecidas como Referência Cultural Brasileira; URL: <http://www.brasil.gov.br/cultura/2014/09/tres-linguas-sao-reconhecidas-como-referencia-cultural-brasileira>; Lei nº1136/2009 dispõe sobre a co-oficialização da língua pomerana no município de Santa Maria de Jetibá, Estado do Espírito Santo. Instituto de Investigação e Desenvolvimento em Política Lingüística. 2009. URL: <http://www.ipol.org.br/imprimir.php?cod=604>; Ismael Tressmann. Co-oficialização da língua pomerana / Faculdade da Região Serrana. 2009. URL: <http://www.farese.edu.br/pages/artigos/pdf/ismael/A%20co-oficializa%C3%A7%C3%A3o%20da%20L%20Pomer.pdf>

18. *Walter F.A. Piazza*. “Modernização” e os contingentes imigratórios em Santa Catarina. URL: <http://revhistoria.usp.br/images/stories/revistas/105/a09n105.pdf>; Rio Grande do Sul; URL: <http://www.>

ciudades.ibge.gov.br/xtras/uf.php?coduf=43&search=rio-grande-do-sul&lang=; Santa Catarina. URL: http://www.cidades.ibge.gov.br/download/mapa_e_municipios.php?lang=&uf=sc

19. Brito Fausto. As Migrações e a Transição para o Trabalho Assalariado no Brasil. Associação Brasileira de Estudos Populacionais. URL: http://www.abep.nepo.unicamp.br/docs/anais/pdf/2002/gt_mig_st33_brito_texto.pdf

20. Decreto-Lei Nº 1.843 de 7 de Dezembro de 1939 dispõe sobre a nacionalização do trabalho e a proteção ao trabalhador. URL: <http://www2.camara.leg.br/legin/fed/declei/1930-1939/decreto-lei-1843-7-dezembro-1939-411788-publicacaooriginal-1-pe.html>

21. Leslie Maram Sheldon. Anarquistas, imigrantes e o Movimento Operário Brasileiro, 1890–1920 / Sheldon Leslie Maram; tradução de José Eduardo Ribeiro Moretzsohn. — Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1979.

22. A concentração geográfica da indústria se reduziu nos últimos dez anos. Portal de Indústria 2012. URL: <http://www.portaldaindustria.com.br/cni/publicacoes-e-estatisticas/estatisticas/2015/02/1,51126/perfil-da-industria-nos-estados.html>; Herbert S. Klein. A integração social e económica dos imigrantes portugueses no Brasil nos finais do século XIX e no século XXI. / Herbert S. Klein // Análise Social – Vol. XVIII (121), Nº 2, 1993. URL: <http://analisesocial.ics.ul.pt/documentos/1223290545Z8cUY2rh7Lu99TE5.pdf>; Ilana Peliciari Rocha. Imigração internacional, retorno e reemigração, 1890–1920. URL: <http://www.teses.usp.br/teses/disponiveis/8/8137/tde-24102007-145107/pt-br.php>

23. História da Haco. URL: <http://www.haco.com.br/pt-BR/ArquivosPDF/Hist%C3%B3ria%20da%20Haco.pdf>; Histórico. Hering. URL: <http://hering.rweb.com.br/show.aspx?idCanal=EORk2uij8WX1wYdhIRD0Lg==>; Histórico. Karsten. URL: <http://www.karsten.com.br/institucional/historico/>; Abicalçados na defesa do calçado brasileiro // Сайт Бразильской ассоциации обувной промышленности Abicalçados. 2013. URL: <http://www.abicalcados.com.br/site/abicalcados.php?id=5>

24. Ranking das 1000 maiores // Valor Económico, 2012. URL: <http://www.valor.com.br/empresas/2801254/ranking-das-1000-maiores>

25. *Linha do Tempo*. Gerdau. URL: <http://gerdau.com.br/sobre-gerdau/memoria-gerdau-linha-do-tempo.aspx>; Corpo do fundador de Pão de Açúcar é velado no Estado de São Paulo. URL: <http://www1.folha.uol.com.br/folha/dinheiro/17/03/2008/ult91u382633.shtml>

26. *Mano Lucyanne*. 1983: É decretada a concordata do Grupo Matarazzo. Jornal do Brasil. 18.07.2007. URL: <http://www.jblog.com.br/hojenahistoria.php?itemid=3790>; A história do Bairro da Mooca contada por suas curiosas ruas e personagens / Hoje São Paulo. 15.08.2014; URL: <http://hojesaopaulo.com.br/noticia/a-historia-do-bairro-da-mooca-contada-por-suas-curiosas-ruas-e-personagens/6949>

27. *Sílvia Cristina Limberger*. O Setor cervejeiro no Brasil: gênese e evolução. URL: <http://www.seer.furg.br/cnau/article/view/4769>; *Geraldo Hoffmann*. «Sapateiros» gaúchos têm origem alemã. / Deutsche Welle. 2015. URL: <http://www.dw.de/sapateiros-gauchos-tem-origem-alema/a-1331796>; *Saul Galvão*. Tintos e Brancos / *Saul Galvão*. São Paulo: Editora Conex, 2006. — P. 85; Japoneses trouxeram ‘diamante negro’ para a Amazônia. URL: <http://g1.globo.com/Sites/Especiais/Noticias/0,mul449480-9980,00-japoneses+trouxeram+diamante+negro+para+a+amazonia.html>; Anita de Souza Dias Gutierrez. As ceasas brasileiras e o negócio de frutas e hortaliças frescas / Anita de Souza Dias Gutierrez, Hélio Satoshi Watanabe // Instituto brasileiro de qualidade em horticultura; URL: http://hortibrasil.org.br/jnw/index.php?option=com_content&view=article&id=134:as-ceasas-brasileiras-e-o-negocio-de-frutas-e-hortalicas-frescas&catid=64:frutas-e-hortalicas-frescas&Itemid=82; A Amazônia e os sistemas agro-florestais. URL: <http://www.ndl.go.jp/brasil/pt/column/agro.html>; Cooperativismo comemora 40 anos no Amazonas // Blog da indústria do Estado Amazonas. 2013. URL: <http://www.blogdaindustriaam.com.br/?u=cooperativismo-comemora-40-anos-no-am>

28. A população cresce. URL: <http://vamoscontar.ibge.gov.br/atividades/ensino-fundamental-6-ao-9/45-a-populacao-cresce>; Estatísticas do povoamento: imigração total, períodos anuais. URL: <http://brasil500anos.ibge.gov.br/en/estatisticas-do-povoamento/imigracao-total-periodos-anuais>

29. *Valdir Gregory*. Imigração alemã no Brasil / Valdir Gregory // Сайт Фонда Конрада Аденауэра (Konrad Adenauer Stiftung). 2014. URL: <http://www.kas.de/wf/doc/10985-1442-5-30.pdf>; Judicael Clevelario Junior. A participação da imigração na formação da população brasileira / Judicael Clevelario Junior // Revista brasileira de Estudos de População – Vol. 14, Nº ½, 1997. URL: <http://>

www.rebep.org.br/index.php/revista/article/view/421

30. *Maram Sheldon Leslie*. Anarquistas, imigrantes e o Movimento Operário Brasileiro, 1890–1920 / *Sheldon Leslie Maram*; tradução de *José Eduardo Ribeiro Moretzsohn*. Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1979. — P.18; *Judicael Clevelario Junior*. A participação da imigração na formação da população brasileira / *Judicael Clevelario Junior* // Revista brasileira de Estudos de População — Vol. 14, № ½, 1997. URL:<http://www.rebep.org.br/index.php/revista/article/view/421>; *Фаусту Б.* Краткая история Бразилии / Пер. с порт. *Л.С. Окуневой, О.В. Окуневой*; предисл. *Б.Н. Комиссарова*; послеслов. *Л.С. Окуневой*. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 182.

31. *Фаусту Б.* Краткая история Бразилии / Пер. с порт. *Л.С. Окуневой, О.В. Окуневой*; предисл. *Б.Н. Комиссарова*; послеслов. *Л.С. Окуневой*. — М.: Весь Мир, 2013; *Constituição Política do Imperio do Brasil* (de 25 de março de 1824). URL:http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao24.htm

32. *Maria Aparecida Macedo Pascal*. A imigração portuguesa em São Paulo: trabalho, identidade, tensões e gênero / *Maria Aparecida Macedo Pascal* // Сайт XXIV Национального симпозиума историков, 2007. [Электронный ресурс]. URL:<http://snh2007.anpuh.org/resources/content/anais/Maria%20Aparecida%20Macedo%20Pascal.pdf>

33. *Maram Sheldon Leslie*. Anarquistas, imigrantes e o Movimento Operário Brasileiro, 1890–1920 / *Sheldon Leslie Maram*; tradução de *José Eduardo Ribeiro Moretzsohn*. — Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1979.

34. *Maria Aparecida Macedo Pascal*. A imigração portuguesa em São Paulo: trabalho, identidade, tensões e gênero / *Maria Aparecida Macedo Pascal* // Сайт XXIV Национального симпозиума историков, 2007. URL:<http://snh2007.anpuh.org/resources/content/anais/Maria%20Aparecida%20Macedo%20Pascal.pdf>; *Maram Sheldon Leslie*. Anarquistas, imigrantes e o Movimento Operário Brasileiro, 1890–1920 / *Sheldon Leslie Maram*; tradução de *José Eduardo Ribeiro Moretzsohn*. — Rio de Janeiro: Paz e Terra, 1979. — P. 31.

35. *Marcos Junior*. Governo de Ernesto Geisel. URL: <http://www.estudopratico.com.br/governo-de-ernesto-geisel>; História da Imigração // Официальный сайт Ассоциации празднования столетия японской иммиграции в Бразилию. 2008. URL:http://www.centenario2008.org.br/index.php?option=com_content&task=view&id=17&Itemid=30

36. *Mário Covas*. URL:<http://educacao.uol.com.br/biografias/mario-covas.htm>; *José Serra*. URL:<http://ultimosegundo.ig.com.br/os-60-mais-poderosos/jose-serra/521ddea3bcb4e5f327000001.html>

37. *Carlos Marighella*. Mini-Manual do Guerrilheiro / *Carlos Marighella* // Marxists Internet Archive. 1969. URL:<https://www.marxists.org/portugues/marighella/1969/manual>; *Carlos Augusto Mariguella* / Revista de Acervo Nacional. 2008. URL:<http://www.revistaacervo.an.gov.br/seer/index.php/info/article/view/82/64>

38. *Gustavo Barreto*. O terrorismo do Estado brasileiro contra os estrangeiros durante a ditadura civil-militar (1964–1985) / *Gustavo Barreto* // Dois séculos de imigração no Brasil pela imprensa. 2015. URL:<http://midiacidada.org/o-terrorismo-do-estado-brasileiro-contra-os-estrangeiros-durante-a-ditadura-civil-militar-1964-1985/>

39. *Raul Rebello Vital Junior*. Caminhos da colonização alemã no Rio Grande do Sul: políticas de estado, etnicidade e transição / *Raul Rebello Vital Junior* // Fundação Instituto Gaúcho de Tradição e Folclore. 2010. URL:<http://www.igt.rs.gov.br/wp-content/uploads/2012/06/Caminhos-da-coloniza%C3%A7%C3%A3o-alem%C3%A3-no-RS.pdf>

40. *Valéria Peixoto de Alencar*. Missão artística francesa: Influências na arte brasileira no século XIX. URL: <http://educacao.uol.com.br/disciplinas/cultura-brasileira/missao-artistica-francesa-1-influencias-na-arte-brasileira-no-seculo-19.htm>

41. *Rodrigo Cardoso*. Acrise do budismo no Brasil. URL:https://web.archive.org/web/20130331011734/http://www.istoe.com.br/reportagens/156867_a+crise+do+budismo+no+brasil; *Thamiris Magalhães*. O budismo étnico está gradativamente envelhecendo. URL:http://www.academia.edu/1890255/O_Budismo_brasileiro_segundo_o_censo_2010

42. *René E. Gertz*. Os luteranos no Brasil. URL:<http://www.revistas2.uepg.br/index.php/rhr/article/view/2129/1610>

43. *Myrna Estella Mendes Maciel*. Línguas de imigrantes / línguas minoritárias. URL:<http://www.sociodiaeto.com.br/edicoes/13/01122012015137.pdf>

44. *Simone Pallone*. Arte japonesa. Grupo Seibi-Kai completa cetenta anos sem comemorações previstas / *Simone Pallone* // Ciência e Cultura. Vol. 57, № 3, 2005. URL: http://cienciaecultura.bvs.br/scielo.php?pid=S0009-67252005000300026&script=sci_arttext; Artistas Imigrantes // Núcleo de Memória. 2014. URL: <http://memoria.csasp.g12.br/frmRelembreAbrir.aspx?IdRelembre=18>
45. História do cinema brasileiro. URL: <http://dc.itamaraty.gov.br/cinema-e-tv/historia-do-cinema-brasileiro>; Humberto Mauro. 100 anos. URL: <http://www.cinemabrasil.org.br/hummauro>; Amacio Mazzaropi. URL: <http://www.adorocinema.com/personalidades/personalidade-544057/biografia>; «Sou alta e pesada mesmo», diz Vera Fischer sobre sua forma física. URL: <http://celebridades.uol.com.br/noticias/redacao/2013/04/02/sou-alta-e-pesada-mesmo-diz-vera-fischer-sobre-sua-forma-fisica.htm>; Biografia Completa de Gisele Bündchen. URL: <http://gente.ig.com.br/giselebundchen/#topoBiografia>; Fernanda Montenegro. URL: <http://memoriaglobo.globo.com/perfis/talentos/fernanda-montenegro/trajetoria.htm>

Л.С. ОКУНЕВА

БРАЗИЛИЯ – РОССИЯ: СХОЖЕСТЬ, ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ, РАСХОЖДЕНИЯ. ПАРАДОКСЫ ФЕНОМЕНА ПЕРЕХОДНОСТИ

В статье рассмотрен вопрос о критериях и возможностях сравнительного анализа процессов политической модернизации Бразилии и России, развернувшихся там на рубеже 1980-х—1990-х гг. Речь идет об особенностях формирования гражданского общества и политической культуры на этапе радикальной трансформации политических структур (партийная система, роль политического лидерства и др.). Анализируется также характер различий в развитии обоих обществ в начале XXI в.

Ключевые слова: Бразилия, Россия, сравнительный анализ, партийно-политическая система, харизматический лидер, гражданское общество, политическая культура.

En el artículo se trata del problema de los criterios y posibilidades del análisis comparativo de los procesos de la modernización política de Brasil y Rusia que tuvieron lugar a finales de la década de los 80 y principios de la década de los 90 del siglo pasado. La autora ofrece el análisis de las particularidades de la formación de la sociedad civil y cultura política en la etapa de la transformación radical de las estructuras políticas (el sistema partidario, el papel del liderazgo político, etc.). El artículo estudia también el carácter de las diferencias en el desarrollo de ambas sociedades en los inicios del siglo XXI.

Palabras clave: Brasil, Rusia, análisis comparativo, sistema partidario, líder carismático, sociedad civil, cultura política.

In the article are considered criteria and possibilities of comparative analysis of the processes of political modernization of Brazil and Russia that unfolded there at the turn of the 1980s-1990s. The article deals with the features of the formation of civil society and political culture on the stage of a radical transformation of political structures in both countries (party system, the role of political leadership, etc.). Also the article investigates character of the differences in the development of the both countries at the beginning of the XXI century.

Key words: Brazil, Russia, comparative analysis, party system, charismatic leader, civil society, political culture.

В год председательствования РФ в межгосударственном объединении БРИКС наблюдается всплеск интереса к проблематике развития стран «пятерки». Усиление глобальной проекции их внешней политики, резкий рост значимости данной группировки в регулировании ключевых процессов в мировой экономике и международной политике — все это диктует необходимость исследования опыта каждой из стран БРИКС в проведении экономической и социальной модернизации, предопределяющей впечатляющий рост их потенциала и усиление их присутствия в глобальной повестке дня. В силу этого рассмотрение роли стран БРИКС на мировой арене влечет за собой обращение к исследованию их внутренних процессов. Налицо тесная взаимосвязь и взаимообусловленность траекторий экономической,

социальной и политической модернизации в каждой из стран БРИКС и ключевых аспектов их позиционирования на международной арене, взаимоувязанность модернизационных проектов с растущими глобальными устремлениями государств — членов объединения. Явным становится и осознание национальными элитами данных стран того факта, что именно внутреннее реформирование является отправной точкой успешного внешнего позиционирования, отсюда — неразрывная связь внешнеполитических стратегий с краеугольными опорами внутреннего развития.

В силу вышесказанного в новом свете предстают возможности компаративистики — сравнительного анализа тех тенденций и феноменов, которые сопровождают процессы политической и социальной модернизации, направленные на трансформацию внутренних социально-экономических и политических структур. В этом плане представляет особый интерес анализ как сходных особенностей процесса модернизации и перехода к демократическим формам правления в Бразилии и России на рубеже 1980–1990-х гг. — особенностей, предопределивших дальнейшие векторы их развития, так и возникших уже в начале XXI в. существенных различий этих векторов*.

* * *

Прорыв к модернизации, стремление к демократии — вот что объединило в глобальном плане на рубеже 1980-х — 1990-х гг. два таких разноликих государства, как Бразилия и Россия.

Но сразу же возникает логичный вопрос: а можно ли сравнивать Бразилию и Россию — столь необычные, с непохожей культурой, религией, цивилизационным обликом, — словом, абсолютно разные страны? Известная хронологическая «схожесть» (Крымская война для России [1853–1856 гг.] и Парагвайская война для Бразилии [1865–1870 гг.]; революции 1905–1917 гг. в России и движение тенентистов [1920-е гг.]; революция 1930 г. и «паулистская война» [1932 г.] в Бразилии; наконец, 1985 г. — начало перестройки в СССР и первое после военного режима гражданское правительство в Бразилии; при этом в качестве тормозящих факторов развития сравнивали еще и татаро-монгольское иго в России и колониальную эпоху в Бразилии [1, с. 18–19]) — не более чем совпадения. На деле же у двух стран различные исторические траектории, они принадлежат к разным цивилизациям. Исторически сложившаяся принадлежность Бразилии к западной цивилизации влечет за собой как соответствующую экономическую систему, так и определенную социальную ментальность.

Важное различие лежит в области межнациональных отношений. В основе формирования бразильской нации лежали своего рода «внешние факторы»: португальский, а затем сильнейший африканский компонент (оба они наложились на индейскую составляющую). Эти потоки переплавились в одну нацию, говорящую на одном языке и считающую этот язык родным, себя — бразильцами, а Бразилию — своей родиной. На территории же бывшего СССР, а также и России национальные проблемы — совсем иного свойства (хотя есть основания — на примере процессов ассимиляции русских с местным населением Сибири — говорить, что и в русском этносе шли схожие с бразильскими процессы метисации [2, с. 7]). Кроме того, формирование бразильской нации (и национального характера бразильцев) — в отличие от России — происходило в условиях неконфликтной внешней среды.

Обратимся к современному периоду. И здесь реалии вроде бы говорят не в пользу сопоставлений. Ведь характер и векторы развития обеих стран сейчас настолько не совпадают, что о сравнительном анализе говорить весьма трудно. Складывается впечатление, что Россия и Бразилия идут совершенно разными путями. Россия по историческим меркам недавно вступила на тот путь, по которому Бразилия развивается уже десятилетия, если не столетия. Россия лишь втягивается в орбиту глобализации, во многом впервые принимая на себя ее удары и издержки, а Бразилия уже пять столетий приобщена к ней, с самого начала своей

* В основу данной статьи положены материалы главы 7 монографии автора (*Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.—2006 г.)* — М.: МГИМО-Университет, 2008) и ее же выступления на круглом столе в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (*Окунева Л.С. Расходящиеся колеи модернизации // Бразилия и Россия: различные траектории развития? // Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 11, с.82–84*).

истории будучи втянутой в международные экономические отношения и явив собой один из главных факторов генезиса мирового рынка и складывания капитализма в Европе.

Россия выстраивает свои отношения с иностранным капиталом, вступает на путь сотрудничества с ним, зачастую воспринимая зарубежные инвестиции как панацею от всех своих бед, тогда как Бразилия уже более века имеет опыт общения и обращения с заграничным капиталом, познав как сильные, так и «проблемные» стороны его внедрения в национальную экономику и разработав целую систему взаимодействия с ним. Бразилия имеет и опыт демократического решения социальных проблем — деятельности трехсторонних (работодатели — профсоюзы — государство) комиссий, поиска и выработки консенсуса по главным вопросам национального развития, а Россия только начинает осваивать подобные подходы.

Результаты демократизации и модернизации политических структур в России/на постсоветском пространстве и в Бразилии наших дней также весьма несхожи. Так, анализ политического развития России и «постсоветских государств» свидетельствует о том, что оно «может идти по множеству разнонаправленных траекторий», ведя «и к закреплению демократических институтов и практик, и к их “гибридному” сочетанию с унаследованными от прошлого недемократическими структурами», и к ситуации, когда вполне возможна «трансформация одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией “новой автократии”» [3, с. 64; 71; 74]. Бразилия же, и это главное, достигла очень многого в утверждении демократии: об этом свидетельствуют как чередой (после двух десятилетий военного режима — семи) прямых демократических президентских выборов, в том числе избрание главой государства лидера левой оппозиции, которого дважды — в 2002 и 2006 гг. — поддержали более 60 % избирателей (а в 2010 и в 2014 гг. электорат поддержал его преемницу, демонстрируя тем самым приверженность избранной траектории), так и опыт участия гражданского общества в решении насущных общенациональных проблем, островки так называемой партисипативной демократии (действовавшей в разное время в гг. Порту-Алегре, Сан-Паулу, во многих средних и малых городах), открытое обсуждение на национальном уровне узловых проблем развития и т.д.

С приходом к власти в Бразилии левых векторы реформирования в двух странах еще более разошлись, демонстрируя свой разнонаправленный характер. И дело совсем не в том, «хорошо» это или «плохо». Просто у двух стран разные задачи, совершенно непохожие политические элиты и т.д. (что, конечно, не устраняет самого факта сходства общих, генеральных задач модернизации, как не исключает близости внешнеполитических позиций обеих стран и необходимости их сотрудничества на международной арене).

Данные аргументы, казалось бы, приводят к выводу о том, что можно говорить не о сравнении двух государств, а об отдельных страновых *case studies*.

Но все эти соображения — подчеркнем вновь — относятся к периоду, который можно окрестить как «сегодняшний день».

А вот если обратиться к событиям и социальным феноменам второй половины/конца 1980-х — начала 1990-х гг., к эпохе демократического транзита, мы увидим совершенно иную картину. Историческое место этого периода можно определить как *стартовые позиции, начало перехода* к демократизации, экономической и политической модернизации общества. «На старте реформ» — так можно охарактеризовать ту отправную точку, движение от которой действительно открывает для исследователя большие возможности для весьма широкого сопоставительного, сравнительно-исторического анализа. Выявившись в Бразилии, феномены демократизации обрели характер своеобразных *закономерностей поставторитарного периода*, которые прослеживались затем и в России, и в восточноевропейских странах.

Когда речь идет о *начале перехода* к экономической и политической модернизации общества, о сравнении именно *модернизационных проектов, стартовых позиций демократизации*, в случае Бразилии и России представляется вполне оправданным говорить не о случайных аналогиях или совпадениях, а о проистекающих из самой сути преобразований близости исторических ситуаций, точнее — *типологической одноплановости* процессов, получивших развитие как в двух данных странах, так и на огромных геополитических пространствах Латинской Америки, бывшего Советского Союза и Восточной Европы. Типологическая сопоставимость ряда параметров развития, сходство задач модернизации и интеграции в мирохозяйственные связи, переходный характер преодолевавших наследие авторитаризма и

тоталитаризма обществ, недостаточная развитость гражданского общества и политической демократии — вся эта сумма общностей позволяет не только сравнивать реальности поставторитарных обществ на стартовом рубеже, но и задуматься о глубинной подоплеке такого рода сопоставлений.

Именно эта типологическая сопоставимость развития и дает основание утверждать: процесс перехода от авторитаризма к демократии порождает сущностно близкие социально-экономические, а *особенно политические и социально-психологические феномены*, выявляет сходные *черты массового сознания*. И это происходит, несмотря на отмеченные выше колоссальные различия в характере исторического развития поставторитарных стран и их принадлежность к разным цивилизационным типам, несмотря на особенности их экономического, политического и этносоциального устройства; разную — порой трудно сравнимую — степень укорененности рыночных структур, институтов гражданского общества; весьма неодинаковое наследие авторитаризма в одних случаях и тоталитаризма — в других; несмотря на специфику политического менталитета и общественного сознания. Это заключение имеет самое прямое отношение к сравнению Бразилии и России и приводит к выводам об определенных закономерностях переходного поставторитарного периода.

Важные параметры глубинного сходства Бразилии и России кроются в самом характере модернизации.

Обратимся к истории развития капитализма в Бразилии/Латинской Америке и России на рубеже XIX–XX вв. В Латинской Америке его периферийный характер был обусловлен более низким, чем в развитых странах, уровнем развития производительных сил, сохранением многоукладности со значительным удельным весом докапиталистических форм хозяйства (в значительной мере — наследием колониального прошлого) при системообразующей роли капиталистического уклада. Специфической «родовой» чертой латиноамериканского капитализма, развивавшегося с существенным запозданием по сравнению с капитализмом стран «центра», где он к тому времени уже вступил в монополистическую стадию (начало XX в.), стал его зависимый характер. В Бразилии большую роль в этом плане сыграли и поздняя отмена рабства (1888 г.), и засилье архаичных, докапиталистических пережитков, долгое время сдерживавших развитие капитализма, и исторически сложившаяся резкая региональная поляризация, наличие «островов слаборазвитости» внутри страны (Северо-Восток).

Что касается России, то ее модернизационная парадигма в начале XX в. отличалась большой противоречивостью. С одной стороны, в этот период экономика была на подъеме, а с другой — ряд особенностей исторического развития России дают основания говорить о сопоставимости его с латиноамериканским. Российский капитализм взял старт на относительно позднем историческом рубеже. Он вошел в XX в., опутанный многочисленными пережитками крепостничества и фактически полуфеодальными социальными и политическими отношениями. Архаичные пути в совокупности с общей экономической отсталостью (по сравнению с передовыми странами Западной Европы и Северной Америки); растянутая во времени и так и не доведенная до конца аграрная реформа; слабость национальной буржуазии, многими нитями связанной с самодержавно-бюрократическими верхами и весьма консервативной в политическом плане; относительно высокая доля иностранного капитала — данные черты в немалой степени определяли характер модернизации в России в начале XX в.

Очень важным моментом, характеризовавшим развитие капитализма в Латинской Америке, был его «парниковый характер» [4, с. 86–87], когда этот капитализм — в условиях острой конкуренции со стороны монополий индустриальных стран — мог развиваться лишь под прикрытием высоких таможенных барьеров, при широкой поддержке со стороны государства. Это весьма сопоставимо с политикой и методами государственного стимулирования промышленного капитала в России начала XX в. Исторически Россия складывалась как общество с доминирующим государственным началом; растущая централизация управления была одной из наиболее характерных черт российской имперской модели (начиная с петровской эпохи). Сильное государственное начало определяло впоследствии и советскую модель. Это — одна из характеристик, сблизивших Россию с Бразилией, для экономической истории которой характерны автаркия — политика жесткого протекционизма и самообеспечения (применявшаяся в Бразилии в 1950-е гг.), наличие обширного госсектора и государ-

ственной собственности, централизованный контроль над экономикой (имевших, впрочем, в двух странах разноразличные масштабы).

Итак, запоздалое начало буржуазного развития и буржуазной модернизации, сохранение сильного традиционалистского сектора (ярче всего проявившегося в таких архаичных укладах, как рабство в Бразилии и крепостничество в России), роль иностранного капитала, обусловившая в том числе и особенности первоначального накопления, относительная — по сравнению со странами «центра» — слабость местного капитала и местной буржуазии — эти черты, характерные для экономической истории стран Латинской Америки, были свойственны и России начала XX в., что позволяет отнести их ко «второму эшелону» государств, вступивших на путь капиталистического развития.

«Российский вариант» модели «запоздалого развития» связан с так называемым «догоняющим развитием», или «развитием вдогонку», когда длительный период застоя сменялся рывком, стремлением заимствовать результаты западной парадигмы, причем в жертву этому рывку приносились все остальные элементы социального организма; за этими рывками стояли попытки безудержного государственного самоутверждения ради внутренней интеграции и укрепления международных позиций [5, р. 32; 6, с. 162–163; 7, с. 201; 8, с. 120–121; 9; 10; 11; 12, с. 73].

Исторические особенности развития капитализма в России создали предпосылки, во многом определившие специфику преобразований послеоктябрьского периода. Поздняя и непоследовательная модернизация начала XX в., а с 1930-х гг. — порожденная тоталитаризмом и стимулируемая опасностью войны милитаризованная и огосударствленная экономика («государственно-монополистический социализм»), построенная на власти бюрократической элиты и демонстрировавшая неприятие новейших достижений научно-технического прогресса, неспособность совершить технологический рывок, который бы соответствовал современным потребностям, — все это сдерживало развитие страны, способствовало ее относительному отставанию по сравнению с уходящими вперед развитыми странами Запада. Такого рода характер советской экономики, по существу, предопределил проигрыш ею исторического соревнования с той системой, которая оказалась способной обеспечить более высокие темпы производительности труда, зиждившиеся на восприимчивости к научно-техническому прогрессу, и на базе этого шагнуть в постиндустриальное общество. Так сформировалась крайне невыгодная стартовая позиция для модернизаторских планов начала 1990-х гг., характеризовавшаяся «национализированной экономической системой, консолидированной путем насильственной ликвидации рыночных отношений и установления политико-идеологических связей вместо экономических» [13, с. 46].

Возвращаясь к отправной точке, с которой началось движение к новому качеству политической системы, следует вновь указать — на фоне указанных выше общностей — на огромные межстрановые различия.

Прежде всего это кардинальные различия в характере социально-экономического развития Бразилии и России. Главным в этом плане является тот факт, что Бразилия, как и другие страны Латинской Америки, — это капиталистическое государство, экономическая система которого основана на рыночных отношениях; в Бразилии/Латинской Америке речь не шла о так называемом «двойном переходе» — демократизация здесь не была сопряжена, как в России, с переходом к рыночной экономике. Если России предстояло выстраивать рыночные отношения «с нуля», пройти путь от «командной», централизованной экономики к рыночной, то в Бразилии при проведении неолиберальных реформ в период президентства Ф. Коллора вопрос стоял не о «введении» частной собственности, конкуренции и других атрибутов рыночной экономики, не об изменении, как в России, основ экономического строя, а о его модернизации в рамках уже существовавшего пути развития, о *расширении сферы* рыночных отношений, о достижении большей степени открытости и конкурентоспособности национальной экономики с целью более глубокого вовлечения экономического потенциала страны в мирохозяйственные связи, в глобализованную мировую экономику.

Другое важное расхождение состояло в том, что Россия начала движение к демократии от *тоталитарной* системы, в которой нет места гражданскому обществу, экономическое и политическое развитие которой определялось всеобъемлющим проникновением государства-монополиста во все сферы жизни общества и индивидуума. Бразильский же военный

режим носил *не тоталитарный, а авторитарный характер*; он не сумел полностью подчинить себе гражданское общество. Общественная мысль, культура, несмотря на ужесточение цензуры и непрекращавшуюся деятельность репрессивного аппарата, не были подчинены исключительно обслуживанию потребностей диктатуры: развивалась независимая политическая мысль, ставшая впоследствии катализатором идей демократизации, действовали институты гражданского общества.

Бразильский авторитаризм, узурпировав и подмяв под себя политическую власть, не распространялся, в отличие от советского тоталитаризма, на экономику. Крупная бразильская буржуазия, связанная с военными, была заинтересована в сохранении для себя определенной свободы действий [14, с. 50]. Хотя, как уже отмечалось, в Бразилии государство занимало сильные позиции в экономике, было бы неверно утверждать, что оно стремилось к тотальному контролю над экономическими рычагами: бразильская экономика, в том числе и обширный госсектор, несмотря на известные ограничения, функционировали в зоне рыночных отношений, хотя стремление к более полному и более свободному их развитию, к модели открытой рыночной экономики и явилось главной предпосылкой «шоковой терапии» Ф. Коллора.

На современном этапе в Бразилии и России различны природа и характер экономических кризисов, инфляционных процессов, неодинаковы изменения в социальной структуре. Если сравнить Бразилию и Россию того периода, когда лишь начали осуществляться экономические реформы как часть «модернизационного скачка», то для первой было характерно несопоставимо большее неравенство в распределении национального богатства. Немалое своеобразие имеют и особенности массового сознания, различия в социальной психологии, специфика национального характера и национальной культуры в обеих странах. Ведь именно тот факт, что Бразилия является страной, имеющей в своей основе рыночную экономику, обусловил ситуацию, при которой даже сходные по форме и направленности экономические реформы, проводившиеся в обеих странах в начале 1990-х гг., имели разный эффект, разную степень «трудности прохождения», разный отклик в обществе, разный характер противодействия.

И вместе с тем все эти различия не только не являются препятствием для проведения сравнительного анализа, но, напротив, делают его еще более необходимым, поскольку помогают понять — как раз на фоне разноликости — поразительное сходство некоторых аспектов начального этапа переходного периода. Со своей стороны, имеющаяся схожесть (и принадлежность обоих государств ко «второму эшелону» стран, позднее ведущих стран Запада вступивших на путь модернизации, подверженных в силу этого и более сильному воздействию внешних факторов, и недостаточная развитость политической инфраструктуры, включая институты демократии, гражданского общества) еще больше подчеркивает *параллелизмы* в развитии, подводит к выводу о том, что некоторые уроки бразильского опыта радикальной экономической и политической трансформации высвечивают важные стороны начального этапа реформирования России, стран СНГ, Восточной Европы (реформирования, последовавшего хронологически позже бразильского). Более того, если при условии различий находится немало сходного в характере ряда процессов переходного периода, следовательно, эти общие черты являются следствием отмеченной выше глубинной сопрягаемости траекторий, параметров, векторов модернизационных процессов.

Таким образом, дуалистическое сочетание схожесть/различия, а точнее — схожесть, являющаяся парадоксальным продолжением различий, и различия как фон, на котором проявляется схожесть, — это две характеристики двух «стран-континентов».

* * *

«Уроки демократизации» в Бразилии и России связаны и с характером вызревания демократии в условиях авторитарного/тоталитарного общества, и с процессом складывания новых правящих элит, и со взаимосвязью экономики и политики, когда эффективность демократического режима базируется на его способности как решить острые, кризисные социально-экономические проблемы, так и обеспечить общенациональное согласие и развитие в интересах большинства; речь идет также и о некоторых особенностях формирования гражданского общества и политической культуры (партийная система, роль политического лидерства и др.).

Новые политические элиты. Незавершенность процесса складывания новых, соответствовавших новому периоду экономического реформирования элит в Бразилии свидетельствовала о трудностях этого процесса. Старые политические элиты (наследие режима Варгаса) ушли в прошлое, а новые еще не сформировались. Незавершенность процесса их формирования крайне затрудняло модернизацию экономических и социальных структур. При этом проблеме формирования новых элит придавалось первостепенное значение: ее выдвигали на приоритетное место даже по сравнению с вопросами совершенствования политического представительства или усиления роли партий [15, р. 182]. Как подчеркивал бывший президент Бразилии, ученый-социолог Ф.Э. Кардозу, формирование новых властных структур является обязательным условием успеха рыночных преобразований.

В России начального периода реформ «старая система рекрутирования элит» оказалась разрушена, а новая, по словам российского исследователя Е.Б. Шестопал, складывалась «медленно и стихийно» [16, с. 331]; на том этапе в России не существовало ни элиты современного менеджмента, ни — в условиях политической монополии единственной партии — «параллельных» оппозиционных элит [17]. Специфической чертой российского транзита стало «сохранение у власти ключевых групп советского правящего класса. Отсутствовавшая в России фаза достижения общественного согласия, пакта между представителями противоборствующих в ходе демократического транзита сторон во многих случаях сохраняла для старого правящего класса определенные гарантии политической и экономической безопасности и включала его в новую политическую систему как легитимного участника демократического процесса» [18, с. 32]. В силу этого «новые элиты», вышедшие на политическую арену, имели весьма противоречивый облик, в котором при сохранении «ядра старой номенклатуры» была велика доля «новых карьерных профессионалов из демократических рядов» [18, с. 32]. Попытки же в начале 1990-х гг. заменить «номенклатурную» элиту на представителей экономических субъектов, как подчеркивала российский политолог О.В. Гаман-Голутвина, повлекли за собой беспрецедентное в истории России влияние крупного капитала на политический процесс [19, с. 316, 318] (имевшее весьма пагубные последствия).

Бразильский опыт выявил особую **роль государства** на этапе радикальных реформ. Так, бразильская модель продемонстрировала весьма ярко проявившийся позже в России такой феномен, как корпоративистский и патримониальный характер государства. От периода Колонии вплоть до Империи и затем Республики традиционное бюрократическое государство навязывало свою гегемонию в экономике, в частнопредпринимательской деятельности; эта гегемония превратилась в один из решающих факторов, который определил более позднее формирование либеральной демократии [20, р. 6]. Исторически государство в Бразилии сильно доминировало над гражданским обществом, что подпитывалось исторической традицией — наличием регионалистских и олигархических партий, сельским клиентелизмом, отсутствием политически организованного среднего класса.

В России государство на всех этапах исторического развития играло центральную роль в жизни общества; эта роль была тем более значимой в условиях отсутствия многопартийной системы и эффективных парламентских структур. Сущность политической системы, сформировавшейся в СССР в период тоталитаризма, сводилась к формуле «партия-государство», когда единственная партия (КПСС) и государство составляли квинтэссенцию режима. Государство в России (в социалистический период) пронизывало собой все стороны общественной жизни, демонстрируя патерналистский характер по отношению как ко всему обществу, так и к его отдельным членам. Занимая господствующие позиции в экономике (в бывшем СССР они были практически всеобъемлющими, а в Бразилии охватывали — с 1960-х гг. до начала приватизации в начале 1990-х гг. — до 40 % средств производства, носивших к тому же ключевой характер), государство брало под свою опеку все общество, что оказывало — в обоих случаях — немалое влияние на социальную психологию: имел место рост потребительских настроений и крепла уверенность в том, что государство способно и обязано решить все проблемы.

С характером государства были связаны и **особенности рынка** в обеих странах. Хотя в России в начале 1990-х гг., как уже говорилось выше, речь шла лишь о его складывании, а в Бразилии того же периода — о необходимости придания ему большего динамизма и открытости, некоторые «родовые черты» были схожи в обоих случаях: на начальном эта-

пе рыночные реформы привели лишь к перераспределению собственности внутри элиты [21, с. 109], углублению в Бразилии и возникновению в России огромных социальных диспропорций между состоятельными группами и бедными слоями, способствовали той самой так называемой «анклавной», а не всеобъемлющей социальной и экономической модернизации. «Вместо децентрализации и создания свободной и конкурентоспособной экономики», отмечал перуанский экономист А. Варгас Льюса, в «латиноамериканском» (включая бразильский — *Л.О.*) и «российском» случаях сложился такой тип капитализма, когда «успех той или иной компании всецело зависит от ее политических связей наверху» [21, с. 109].

С особенностями взаимодействия государства с экономическими и социальными структурами оказалась тесно связана и **позиция предпринимательских элит**. В Бразилии начало неолиберальных реформ натолкнулось на корпоративистскую, клиентелистскую, пронизанную духом государственного патернализма, ориентацию предпринимательских организаций. На протяжении десятилетий значительные слои предпринимателей рассматривали государство как ответственное за судьбу частного сектора. В этих особенностях их социального облика бразильские политологи увидели рычаги торможения модернизации. В российском случае (где, в отличие от Бразилии, традиция предпринимательства и ведения бизнеса в силу исторических обстоятельств оказалась прервана, а рыночная экономика не функционировала в течение семи десятилетий) в облике предпринимательских элит начала 1990-х гг. также прослеживалась тесная связь с государством, зависимость от его патерналистских интенций, корпоративизм, которые как бы возродились заново, уже в новых исторических обстоятельствах, реанимируя «старые» особенности российской буржуазии начала XX в. В этом плане стремление «освободить общество от патримониального государства», уменьшить роль последнего в экономике и усилить те рычаги, которые могли бы способствовать ускорению развития и модернизации на основе формирования конкурентного характера рыночной экономики [22, р. 63] рассматривалось в Бразилии начала 1990-х гг. как сходные задачи и Бразилии, и России в переходный период.

* * *

Уникальный материал для сравнительного исследования дают некоторые социально-политические и социально-психологические феномены, порожденные процессами радикальных реформ в обеих странах, ситуацией «демократического прорыва», последовавшего в обеих странах после 1985 г.

И все же начать следует опять с различий. Ведь общий политический фон, на котором разворачивались процессы демократизации, был весьма неодинаков. Повторим: такие черты российской ситуации, как слом командно-административной системы и формирование рыночных механизмов, распад прежних экономических и социальных связей, были совершенно не характерны для Бразилии, где переход от военного режима к демократии не был направлен на то, чтобы изменить прежнюю экономическую систему. Поэтому в ходе политической борьбы в Бразилии, особенно во время президентских выборов 1989 г., которые раскололи страну на два противостоящих лагеря*, не было, естественно, таких явлений, которые характеризовали российскую ситуацию в 1990–1991 гг. и особенно ярко проявились в ходе президентских выборов в июне 1991 г., как ориентация одних сил на приоритет государственной собственности, планового хозяйства, контроль правящей партии над органами власти, — и прямо противоположная позиция других сил, призывавших к ускоренному переходу к рынку и введению частной собственности. Начисто отсутствовала в Бразилии и такая важная ось противостояния основных политических сил в бывшем СССР, как противопоставление союзных структур, «центра», суверенитету республик (при том, что в Бразилии имеются далеко не всегда совпадающие интересы федерального центра и штатов, тем не менее тенденций к политическому сепаратизму, которые угрожали бы целостности государства, нет).

* В Бразилии не было, конечно, противостояния по линии социализм/капитализм, «план/рынок», хотя и «собственный» раскол общества, пролегавший по оси правые/левые, роль государства-социальные программы-борьба с бедностью/модернизация на основе «раскрепощения» рынка, был достаточно явным.

В силу всех этих обстоятельств не было в Бразилии и такого социально-психологического феномена, как «ценностный вакуум». Кризис системы ценностей является неизменным результатом ускоренной модернизации и сопровождается отказом от определенного жизненного уклада и моделей поведения; он затрудняет саму модернизацию, которая требует консенсуса, моральной консолидации общества. В России же перестройка и последовавшая затем эпоха радикальных реформ, означавших ответ на потребности ускоренной модернизации и воплотившихся в переходе к новому социальному строю (чего не было в Бразилии), не могли не вызвать вакуума в массовом сознании. Огромное смятение в состоянии умов внес распад СССР.

Социологи тогда отмечали, что развал страны воспринимался многими гражданами страны как крушение целого мира: хорошего ли, плохого ли, но мира со своими законами, правилами, привычками и ценностями, — по иерархии общества был нанесен сокрушительный удар [23]. Провозглашенный курс на формирование рынка не мог заменить идеалы прошлой эпохи или «сотворить» новые (как отмечал в то время академик Л.И. Абалкин, создание рынка может быть лишь целью реформы хозяйственного механизма, но рынок сам по себе не может быть целью общества [24]). Поскольку другие ценности выработаны не были (да их и невозможно было создать в столь краткий период), «ценностный вакуум» приобрел в российских условиях форму «крушения идеалов», повлекшую за собой мифологизацию и своего рода «романтизацию», воспевание образов и традиций, категорий прошлого, давно минувших столетий (это было характерно для государств всего «постсоциалистического» пространства; о наблюдавшихся в восточноевропейских странах рецидивах «прежних, глубоко укоренившихся традиций», в частности, национализма, популизма, авторитаризма, писал французский политолог А. Турен [25, с. 84]). Рождавшаяся в ходе российской посткоммунистической трансформации «новая общественно-политическая реальность в гораздо большей мере, чем в других случаях демократических транзитов, несла в себе «сложный сплав частично преодоленных, а частично преобразованных традиций прошлого» [18, с. 29].

С проблемой кризиса системы ценностей тесно связан и вопрос об оценке исторического прошлого. В России начала 1990-х гг. эти проблемы стали частью острейшей политической борьбы между сторонниками и противниками рыночной системы; получили распространение «крайние» точки зрения о советском периоде как «абсолютном провале», «национальной трагедии», «вакууме», «на 100 %» затормозившем поступательное развитие страны. В Бразилии в тот же переломный период не было такого драматизма при освещении собственной истории. Здесь при любом, самом критичном ее восприятии отнюдь не провозглашалось отрицание каких-либо ее периодов — все они рассматривались как этапы общего поступательного развития страны. В давно идущих дискуссиях вокруг такого крупнейшего этапа новейшей истории страны, как режим Жетулиу Варгаса и его «Новое государство», даже при самых критических его оценках или в тех случаях, когда в различные периоды политической эволюции Бразилии из многообразного наследия жетулизма (от авторитарного характера правления до создания одной из важнейших предпосылок для демократизации — перехода к многопартийности) «черпались» его различные черты [26, р. 21–36], нет точек зрения, которые квалифицировали бы этот режим как «провал», «черную дыру» в истории Бразилии. То же относится и к оценкам периода правления военных. При полном неприятии и осуждении господства военных, при более чем критичном отношении к самому периоду авторитаризма, в Бразилии существовало четкое и ясно выраженное понимание того, что именно в этот период в стране были достигнуты наиболее значительные показатели экономического роста. Поэтому речи не могло идти об оценке этого периода как «провала» [27, с. 114–119]. Или другой пример. В день проведения первого тура первых — за предшествовавшие этому событию почти тридцатилетия — прямых президентских выборов 15 ноября 1989 г. Бразилия торжественно отметила как важную историческую дату 100-летие установления Республики. Драматические эпизоды борьбы за республику, слившиеся с борьбой за отмену рабства в 1888 г., волнующие картины прошлого, воссоздававшиеся на страницах газет, — все это использовалось СМИ для иллюстрации тезиса о поступательном развитии страны, об исторических истоках формирования демократических традиций, гражданского общества. Крушение же монархии, о наиболее ярких моментах

которого напоминали бразильцам печатные издания и телепрограммы, отнюдь не рисовалось в черных тонах — ей отдавалась дань уважения, но вместе с тем взгляд вперед, в будущее, а не назад — вот что было характерно для политических дискуссий и общественного мнения времен той президентской кампании: в центре находились насущные вопросы реформирования страны, дискуссии о путях и методах обновления политических и экономических структур.

* * *

Вернемся к упоминавшемуся выше параллелизму, продуцировавшему сходство (но вновь оговоримся — сходство на фоне различий).

Бразильский опыт стартового периода демократизации продемонстрировал ряд особенностей формирования гражданского общества и политической культуры. В Бразилии в период правления президента Ф. Коллора (1990—1992 гг.) имели место конфликтные отношения исполнительной и законодательной власти (преобладала тактика, основанная на конфронтации правительства и парламента, когда президент — глава кабинета — предпочитал править путем «временных мер», не требовавших одобрения Конгресса). Россия в начале 1990-х гг. приступила фактически заново к поиску путей создания эффективной политической системы с компетентным правительством, эффективным парламентом, многопартийностью, подлинным разделением властей. Однако практическая деятельность создававшихся ветвей власти, их неспособность к консенсусу, конфликтный характер взаимоотношений (который в целом не является редкостью в условиях демократического транзита) серьезно затрудняли процесс политической демократизации; в совокупности со слабо выраженной традицией политического участия масс эти факторы стали в начале 1990-х гг. препятствием на пути формирования демократической политической системы. «Равноправие в ведении переговоров, взаимные уступки и компромиссы не характерны для российской внутренней политики» [28, с. 13]. Данный заряд конфликтности, по словам российского политолога М.М. Лебедевой, был характерен и для дореволюционного, и для советского периодов; «это находило выражение в стремлении к централизации государства, негативном отношении к компромиссам и разного рода соглашениям..., вере в справедливость решений начальства и т.п.» [29]. Характерная для того периода поляризованная политическая культура также не давала возможности прийти к консенсусу по поводу целей развития, способов реформирования общества.

То же относилось и к начальному периоду становления **партийно-политической системы** в Бразилии и в России.

Сделаем небольшое отступление, рассмотрев постановку этой проблемы в социальных науках Бразилии и Латинской Америки 1990-х гг.

Политические партии представляют собой необходимый механизм демократического устройства. Без их поддержки немислимо отстаивание прав как всего общества, так и его отдельных социальных компонентов, демократическое правление в целом. Партии появились вместе с признанием права народа участвовать в функционировании политической власти, и само их существование свидетельствует о реализации демократического проекта. Возникая вне государства, партии выполняют важные функции, являясь посредниками между индивидами и государством, защитниками их экономических и политических прав, этнических, культурных, религиозных интересов.

Вместе с тем серьезные проблемы создает хрупкость и чрезмерная фрагментация партий; если двухпартийная система не может обеспечить представительства всего разнообразия общественных интересов, то многопартийность сама по себе также не является панацеей: ведь если за власть борются пять-шесть нестабильных партий, то это также создает немалые препятствия для функционирования механизма демократии — апатию у электората, непостоянство коалиций в парламенте, трудности модернизации госаппарата [30, с. 68—69; 31, с. 78—79].

Другой парадокс заключается в том, что повсеместное утверждение политических прав, призванное воплотить в себе наиболее яркие идеалы демократии, привело не к более активному участию граждан в жизни страны, а, напротив, к исчезновению ряда форм демократической практики, к формализации права голоса и к социальной апатии. Многие избиратели отходят от партий, стремятся найти иные пути выражения своих требований — через альтернативные общественные движения, либо вообще предпочитают оставаться вне институциональных механизмов принятия решений. В свою очередь, если партии (и с точки зрения организации, и с точки зрения их программ), оказавшись не готовыми к социально-экономической трансформации, переставая или будучи неспособными стать выразителями социальных требований электората, создают ситуацию, при которой их диалог с населением прерывается, то резко возрастает избирательная активность кандидатов, не принадлежащих ни к партиям, ни к политическим

движениям. В этом кризисе партий некоторые исследователи были склонны усматривать кризис демократии в целом — как системы политических и культурных институтов, так и самой системы представительства. Партии начинают распадаться, что является отражением растущей в обществе дифференциации, все большего отстранения людей от политики [30, с. 68–69; 32, р. 2–3].

Приоритетная роль личности — теперь уже не кандидатов в президенты, а самих президентов — проявляется и после завершения предвыборной кампании. Причина и одновременно следствие этого — неустойчивость и фрагментарность партийной системы. Склонность президентов к прямой опоре на народ, минуя партии, к автократическому личному лидерству — реальность Латинской Америки (бывшие президенты трех стран: Бразилии — Ф. Коллор, Перу — А. Фухимори, Аргентины — К. Менем). В известном плане данный феномен свидетельствовал о кризисе процессов социализации, в свое время положивших начало демократической практике социального общежития и созданию партийных механизмов гражданского представительства [31, с. 78–79; 30, с. 68].

Подтверждением тому стали и парадоксальные процессы в среде так называемых региональных лидеров. Их роль неуклонно возрастала, особенно по мере усиления критики по отношению к «центру», ослабления партий, падения престижа государства, нарастания центробежных тенденций. Региональные лидеры набирали силу, подчас объявляли ультиматумы центральному правительству, объединяли вокруг себя массы в штатах, муниципиях, маленьких городках. Кстати сказать, порой это приводило к весьма непредсказуемым последствиям, о чем свидетельствовал бразильский опыт 1999 г., когда конфликт между ступенями исполнительной власти — губернатором штата Минас-Жерайс И. Франку и федеральным правительством — не только привел к экономическому кризису внутри страны, но и спровоцировал острейший международный финансовый кризис.

Как трактовать подобные феномены? Возможно, это и была «партиципативная демократия» в действии, пробуждающая массы к активной жизни, к участию в политике, к осознанному и самостоятельному формированию своих требований? Но те же самые процессы, по свидетельству латиноамериканских исследователей, могли — при определенных обстоятельствах — нести в себе и нечто совсем иное, прокладывая путь к новому корпоративизму, к укреплению элитарных группировок, зачастую связанных с криминальным капиталом, к разбалансированности государственной машины, к потере управляемости и в конечном счете — к ликвидации демократии.

Отмечалось и другое. Демократию не случайно отождествляют с выборами: ведь именно они предоставляют возможность прийти к власти демократическим путем. Это обстоятельство заставило многие партии сориентировать свою структуру исключительно на участие в избирательных кампаниях. Но зачастую цель завоевания власти полностью превалирует, и тогда партии в ходе предвыборной борьбы уподобляются торговым фирмам, успех которых во многом обусловлен как масштабами их деятельности, так и постоянным присутствием на рынке товаров. Стремясь привлечь наибольшее количество сторонников, партии идут на популистские шаги, подчас снижая планку своих требований, исключая из программ те пункты, которые могут оттолкнуть избирателей. В результате предвыборные кампании все более похожи на рекламные, а партии превращаются в электоральные машины. При этом они неизбежно перестают выражать интересы и ожидания гражданского общества. Складывается своего рода зависимость: чем активнее партии стараются адаптироваться к динамике предвыборного «рынка», тем меньше они способны разрабатывать собственную политическую линию, поддерживать связи со своими низовыми организациями [30, с. 68].

Вместе с тем причины констатируемого политиком известного спада в функционировании демократии коренились далеко не только в абсентеизме, отсутствии у граждан интереса к участию в политике, в стремлении партий к завоеванию власти, в претензиях на монополию политического представительства или в коррупции — факторах, серьезно подорвавших имидж партий. Причины лежали глубже — в радикальных изменениях, происшедших в политике и в самом наполнении концепции демократии по сравнению с первой половиной XX в. В современной ситуации крайнего усложнения социальной стратификации, в условиях складывания так называемого «массового общества» для углубления демократии должны выдвинуться партии очень широкого социального и политического спектра, которые были бы способны наладить связи между политиками и электоратом, выразить всю гамму требований общества, в которую включены и демократия участия, и защита прав социального меньшинства, и контроль над государственным аппаратом [30, с. 69–70; 32, р. 2–3].

В силу этого многие латиноамериканские политики склонялись к выводу, что формула тогдашнего перуанского президента А. Фухимори (1990–2000 гг.) — «демократия в Перу не нуждается в политических партиях» [33] — не адекватна: партии следует укреплять, поддерживая новых, компетентных политиков. Именно партии наряду с новыми социальными движениями, выражая квинтэссенцию требований гражданского общества, должны и могут продвинуть демократизацию [32, р. 2–3]. Хотя латиноамериканский опыт свидетельствует о том, что страна может развивать экономику и при наличии слабых партий (в качестве примера ссылались на Бразилию первой половины 1990-х гг. с ее огромным рынком и динамичным экспортным сектором), сама постановка вопроса о демократии и ее необратимости требует создания устойчивой системы межпартийного взаимодействия и конкуренции [31, с. 78–79].

В Бразилии наступление демократии вызвало к жизни появление множества партий (большинство из них были окрещены «игрушечными», или «карманными»), претендовавших — наряду с партиями по-настоящему крупными и влиятельными — на место под «политическим солнцем»; некоторые из них создавались специально «под выдвижение» определенного политика в качестве кандидата в президенты (таково было требование бразильской конституции), а затем, выполнив свою миссию, тихо исчезали с политической арены (самый яркий пример — Партия национальной реконструкции Ф. Коллора). В России слом однопартийной системы привел к образованию огромного количества партий, не обладавших ни реальным весом в политической жизни, ни солидным представительством интересов (за исключением КПРФ, возникшей в качестве наследницы КПСС и имевшей в начале 1990-х гг. устойчивый электорат), носивших фрагментарный характер; в политическом облике этих партий преобладали ярко выраженный клиентелизм и корпоративизм, а сами они во многом напоминали «политические клубы». В силу этого характерной чертой того периода явилось недоверие большинства россиян к политическим партиям как таковым: им доверяли в рассматриваемый период не более 10 % граждан [34, с. 36].

Недоверие к партиям, патерналистская («царистская», согласно российскому политическому лексикону) психология, воплощенная в традиционной, идущей еще от времен самодержавия ориентации большинства российского населения на сильную централизованную власть, которую олицетворяют монарх-самодержец, генеральный секретарь или президент [34, с. 36; 16, с. 222; 35, с. 371], — все это породило **ориентацию на харизматического лидера**. Опыт Бразилии показал, что в переходные эпохи формируется новый тип политического лидерства. Тесно связанная со слабо структурированной системой политических партий приверженность популизму и влиянию харизматических лидеров — характерная черта политической культуры и социального менталитета, в полной мере проявившаяся в поставторитарных странах, — в данном случае на старте демократизации и в Бразилии, и в России. Персонификация власти и политики, ожидание прихода харизматического лидера, упование на чудо — все это было характерно и для бразильского, и для российского case studies: ведь в обоих случаях осознание необходимости модернизации старых экономических структур началось сверху, вызревало внутри партийно-государственного аппарата (в бывшем СССР) и внутри стоявшей у власти высшей военной элиты (в Бразилии); подобная отправная точка (наряду с иными указанными выше обстоятельствами — ролью «государства-Левиафана», пронизанным патернализмом общественным сознанием, недостаточным развитием [Бразилия] или отсутствием [Россия] демократических процедур и отсутствием навыка и привычки жить в условиях этих процедур и др.) в обстановке слома прежних моделей развития и жизненных устоев весьма способствует выходу на политическую поверхность харизматических, популистских лидеров.

Резкое возрастание влияния харизматических лидеров, частым и неотъемлемым атрибутом которых является популизм, — феномен, присущий обществам, долгие годы управлявшимся «сверху» и переживающим переход к демократии, сопровождающийся включением в политическую жизнь широких масс. Неудовлетворенные желания и ожидания народа, игнорировавшиеся в течение долгого времени официальной властью, — вот что в первую очередь находит отражение в программах новых лидеров, стремящихся к коренному реформированию власти. Для популизма, порожденного «сходным психологическим состоянием» различных социальных слоев, характерно объединение «”всех и вся” против старой власти, старой жизни» [36, с. 86–87].

Бразильские выборы 1989 г. продемонстрировали весьма поучительный феномен. В период кризиса, общественного перелома, перехода общества в иное качество, его поляризации на крайние полюса и в значительной мере дискредитации или падении в глазах избирателей политического рейтинга представителей этих крайних направлений, а также в атмосфере растерянности, усталости, дезориентации общества, выходящего на свободу из-под «обломков» прежнего режима авторитарной власти, в обстановке обусловленного всеми этими факторами крушения прежних идеалов, распада прежних нормативов и отсутствия новых, в условиях неуверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне, страха перед будущим, в ситуации политической нестабильности — в это время очень велика вероятность прихода к власти никому не известного политика с сильной популистской окраской, который просто воспользуется неопределенной/«ничейной» ситуацией и «поднимет» «валяющуюся на улице» власть.

И здесь встает вопрос о роли так называемого «нового политика», «нового лидера».

В Бразилии Ф. Коллор, как уже отмечалось выше, был формально выдвинут кандидатом от Партии национальной реконструкции, как того требовали конституционные «правила игры» при проведении избирательной кампании. Будучи специально созданной в 1989 г. с единственной целью — выдвинуть Коллора своим кандидатом в президенты, эта партия («карманная», «игрушечная», по выражению самих бразильцев) не могла тягаться с такими мощными политическими образованиями, как Партия бразильского демократического движения во главе со старейшим политическим деятелем У. Гимараэнсом или созданная в 1988 г., но на момент выборов уже влиятельная Партия бразильской социал-демократии во главе с М. Ковасом, Ф.Э. Кардозу и Ж.Серрой, или имеющая давние традиции Демократическая трабалистская партия во главе с Л. Бризолой.

Неизвестен в политической палитре Бразилии был буквально до 1989 г. и сам Коллор. Его стремительное восхождение к вершине президентской власти как малоизвестного прежде политика было в значительной степени основано на апелляции к бедственному положению обездоленных бразильцев, умелом использовании таких черт их массового сознания, как упование на всеисилие харизматического лидера, ожидание быстрых изменений к лучшему, даруемых верховным правителем, стремление «одним ударом» остановить углубление социально-экономического кризиса. Войдя в гущу политической борьбы за президентский пост, он наряду с популистской программой «приоритета бедных» за счет «богатых» опробовал беспроектный шар, который во многом обеспечил ему будущую победу: заявил о необходимости «нового лидера», не связанного с прежним «коррумпированным и некомпетентным» политическим истеблишментом и способного в силу этого быстро решить накопившиеся за десятилетия проблемы. Вступив в политику в начале 1989 г., Коллор — «выходец из провинциальной элиты, ведомый авантюристическим духом» [37], — закончил год избранным президентом громадной страны — крупнейшего государства на континенте.

Коллор начал свой путь к вершине государственной пирамиды, будучи «политическим аутсайдером». Сам этот термин, как нельзя лучше выветив сущность бывшего президента Бразилии как «нового политика», весьма многозначен. Будучи использован в спортивной терминологии, термин «аутсайдер» предполагает существование — на противоположном «фланге» — некоего «фаворита»; однако в политическом дискурсе понятие «аутсайдер» наполняется иным содержанием. С одной стороны, лидер-«аутсайдер» выступает независимо от крупных политических партий, с другой же — он являет собой «сюрприз» как с точки зрения собственного политического облика, так и в плане своей (никем не ожидавшейся и никем не предсказанной) победы на выборах (и в этом смысле он сам [так сказать, «сам себе»] может стать «фаворитом»). «Аутсайдер» разоблачает местные власти и уже этим нарушает сложившееся политическое равновесие, привносит «разлом», «разрыв», «переворот» в политическую жизнь, даже не пытаясь обеспечить себе поддержку со стороны традиционных политических и государственных институтов, партий. Противопоставляя себя «инсайдерам» — известным, укоренившимся политическим фигурам, он ведет собственную игру, выбирая в качестве политических и электоральных «площадок» экономику, медийное, синдикалистское или религиозное пространства. Коллор воплотил в себе все эти черты, высшим выражением чего явилась его неожиданная победа на выборах. Приход «аутайдера» к власти зиждется на «двойных ожиданиях»: как на ожиданиях обновления и даже полной смены политического лидерства (ведь «аутсайдер» — это «новый политик»), так и на стремлении к явственным изменениям в политическом курсе (ведь предвыборная программа «аутайдера» была полна обещаний *перемен*). Вместе с тем весьма интересно, что Коллор, провозгласив «радикальный разрыв» с прошлой политикой («то, что мы предполагаем сделать, — это разрыв, это революция», «мы ликвидируем инфляцию одним ударом»), на президентском посту не принес *подлинных* политических перемен — ни в предложенном им политическом курсе (поскольку этот курс на деле отражал его связь с интересами весьма значимых экономических элит), ни в «кадровом составе» своей команды. Таким образом, получается, что Коллор, будучи «аутсайдером» на пути к власти, овладев ею, ...перестал быть таковым; ему оставалось лишь эксплуатировать свой предвыборный имидж, созданный медиа-магнатами в ходе «мастерски оркестрированной стратегии политического маркетинга» [38, р. 11–13, 19–21].

«В хаотический, переходный период», когда «социальная система отличается разбалан-

сированностью», возрастает роль харизматических лидеров и имеет место «возрождение „мифа о спасителе“» [39]. Для бразильской культурологической и духовной традиции очень характерны глубокие историко-культурные корни веры в харизматического героя-спасителя, обладающего сверхчеловеческими свойствами, стремящегося выполнить возложенную на него свыше миссию избавления народа от нищеты, угнетения и бедности; роль спасителя и примерил на себя Коллор. Так же «миф о спасителе всецело соответствует социально-политической и психологической картине российской действительности», особенно когда «в недрах хаоса постепенно кристаллизуется новый порядок» [40, с. 138–139].

Массовая вера в героя-«спасителя нации», ожидание от него «чуда» с особой силой проявились на таком крутом изломе российской истории, каким явились президентские выборы 12 июня 1991 г. Патерналистская психология, надежда на «доброго царя», апелляция к «первому лицу» — все эти параметры массового сознания, ставшие продуктом отсутствия либо недейственности демократических, правовых норм в российской исторической традиции, сыграли свою роль в перипетиях политической борьбы и более того — приобрели в новом историко-психологическом контексте новые импульсы. (Кстати сказать, ставка на харизматического лидера несколько не противоречила такому российскому феномену начала 1990-х гг. (и даже сочеталась с ним), как социальная апатия у одной части населения и нетерпимость и нетерпение, стремление к ниспровержению всего и вся, склонность к ультрарадикализму в разных формах — у другой). Извечное упование на «чудо» было связано и с такой особенностью российского массового сознания, как стремление полагаться не на собственные силы, а (опять же) на мудрого правителя, на прошедшего через все стадии отечественной истории «барина», который «приедет» и «рассудит» («неугасимая и почти материализованная в сознании вера в спасительность и защиту со стороны мудрого правителя-лидера» [40, с. 138–139]). Данные социологических опросов в июне 1991 г. свидетельствовали, что избиратели голосовали не столько за программы кандидатов, сколько прежде всего за личность претендента, и победитель в той борьбе, ставший первым президентом России, явился в глазах избравших его и символом ожиданий и веры в возможность «иного развития», и «спасителем», «мессией», призванным подвести черту под прошлым и возглавить движение в новую жизнь. Более того, тогда же проявился и такой феномен: подобного рода лидер провозглашает себя «президентом всего народа» («президент всех россиян», «президент всех бразильцев»), апеллирует к прямой связи с народом; имидж «всенародно избранного президента» был как бы призван олицетворять собой (в российском случае) и партию, и государство, и все политические институты неструктурированного общества. Но здесь имела место и «оборотная сторона медали»: на примере Коллора видно, что оторванность лидера от политической базы в виде влиятельных партий и социальных движений могла повлечь за собой и его изоляцию от общества.

Таким образом, слом традиционных социально-психологических установок, изменение устоявшейся конфигурации социальных отношений, крах прежних устоев жизни, возникновение абсолютно новых, не известных и не привычных широким слоям взглядов, моделей поведения, ценностных ориентаций, образа жизни, представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо», — все это вызвало к жизни появление в поставторитарных обществах такой вариации политического лидерства переходной эпохи, как «новые политики» с сильной популистской окраской. Эти «новые лидеры» вышли на политическую арену на волне грандиозных общественных ожиданий, когда в обществе имели место импульсы немедленного решения острейших, накопившихся подчас за десятилетия, экономических, социальных и политических проблем, и давали обещания, якобы способные уже «завтра» принести экономические и политические «плоды». Налицо были все атрибуты «популизма в действии». Напомним, основная идея классического бразильского популиста Ф. Коллора — это было стремление внедрить в массовое сознание мысль о том, что стране необходима «новая политическая фигура», не принадлежащая к традиционным политическим партиям, не связанная с прежним истеблишментом, погрязшим в некомпетентности, коррупции и клиентелизме и в силу этого неспособным решать неотложные общественные проблемы. Вот каковы были его предвыборные призывы и заявления: «Прежние правители грабили народ... Их некомпетентное правление завело страну в тупик, они коррумпированы, связаны множеством нитей со старыми структурами... Это они привели страну в состояние кризиса.

Я же, новый человек, способен принести вам обновление»; «Став президентом, я приму меры против инфляции и коррупции, буду проводить социальную политику, направленную на кардинальное улучшение положения народа»; «Я — такой же, как вы. Я знаю заботы домохозяйки, предпринимателя, студента...».

В точности, как представляется, вписывается в эту схему так называемый «феномен Жириновского», возникший в ходе электоральной кампании по выборам первого президента России в июне 1991 г. и ставший предметом исследований социологов, вошедший в политологические монографии и учебники в качестве хрестоматийного примера четко продуманного популистского проекта. Переключка с бразильскими реалиями здесь самая прямая. Высказывания В. Жириновского того периода (почти дословно повторявшие призывы неведомого ему Коллора) как нельзя лучше иллюстрировали уже известную истину о том, что в кризисных ситуациях, атрибуты которых описаны выше, политическое поведение «нового лидера» превращается в некую «общую закономерность» переходного периода. В своих предвыборных телеинтервью В. Жириновский, ставший действительно новым политическим персонажем тогдашней России, говорил: «В то время как все остальные претенденты — представители старой команды, и вам нечего от них ждать, так как они израсходовали свой потенциал, я — новый, свежий человек с новыми идеями. Я не связан со старыми структурами власти, не коррумпирован ими, я не несу ответственности за ошибки, совершенные в предыдущие годы. Вы уже видели результаты правления тех, кто сегодня баллотируется на пост президента. Имея самые неограниченные полномочия, они не только не использовали их, но завели страну в тупик. Я же дам новые идеи, новую концепцию государственного устройства, буду проводить новую внутреннюю и новую внешнюю политику». Сильным козырем, использованным Жириновским, была апелляция к тому, что он «такой же, как все»: «Я — такой же, как вы, из средних слоев. 200 руб. зарплата, двухкомнатная квартира. Я — ваш кандидат» [41]. И далеко не случаен и не удивителен, при всей своей внешней сенсационности, тогдашний успех Жириновского — 6 млн голосов и третье место после двух основных, хорошо известных электорату и занимавших высокое место в политической иерархии соперников. «Никогда еще в истории Европы и Америки никому не известный политик не набирал за 20 дней 6 млн голосов» — так прокомментировал сам претендент итоги выборов [42]. «Жириновский точно создал свой имидж: неожиданно возникший, никому ранее не известный, ничем не запятнанный» — писали о нем комментаторы [43]. За концепцией Жириновского стояла позиция самых разнородных и вместе с тем достаточно репрезентативных социальных слоев и групп общества, для каждой из которых он находил привлекательную и понятную цель: бедным и убогим он обещал «потрясти богатых», богатым — безопасную жизнь, рабочим — защиту от «жиреющей буржуазии», предпринимателям — возможности и условия для ведения бизнеса, военным — возвращение чести и достоинства армии, голодным — хлеб, пенсионерам — спокойную старость [44].

Дело здесь, конечно, — не в чрезвычайной схожести политического дискурса (хотя и это само по себе — поразительный феномен; вместе с тем понятно, что аналогии, проведенные лишь на основании совпадения фразеологии, не могут быть всеобъемлющими), сколько в схожести исторических и социально-психологических ситуаций, как раз и породивших столь совпадавшие лозунги и политические установки.

Вместе с тем опыт России показал и иную ипостась феномена «нового политика»-популиста (и здесь опять присутствует переключка с бразильским случаем — «феномен Коллора»): воплощая в себе саму идею переходности, подобного рода «новый политик» начала/первой половины 1990-х гг., придя к власти демократическим путем, нес в себе и задатки авторитарности, волюнтаризма, неумения искать и находить общественный консенсус («феномен Ельцина»). Этот феномен, весьма характерный для Латинской Америки и хорошо изученный в латиноамериканской политологии, — популизм, оборотной стороной которого является так называемый «новый авторитаризм». Возникая на волне недоверия к представительным государственным институтам, критики бюрократии, коррупции, внедряя в массы веру в возможность быстрого и простого решения сложных социальных проблем, популизм выступает против партий и любых прежних политических институтов; в этом своем обличье популизм (особенно правого толка) опирается на старые, во многом авторитарные, патерналистские

предрасудки широких слоев электората; в силу этого популизм может не только инициировать демократизацию, включение масс в политический процесс, но и открыть дорогу так называемому «новому авторитаризму». Данный феномен — «популизм versus авторитаризм» — в России периода демократического транзита имел дополнительную специфику, связанную с историческими особенностями страны. Хотя российская история знала все известные современной политологии типы политических лидеров: демократический (вечевой), аристократический (династический), авторитарный, — именно последний — в силу общей совокупности исторических условий, мобилизационного типа развития и т. д. — стал доминирующим [40, с. 12–13].

С авторитарным типом популистского лидера был связан и высветенный бразильским опытом «шоковой терапии» и проявившийся в России парадокс — *авторитарный стиль* проведения неолиберальных, рыночных, а следовательно, ориентированных в том числе и на политическую демократию реформ. Для политики Коллора был весьма характерен ярко выраженный авторитарный стиль. Видя, что реформы наталкиваются на трудности и дают эффект, подчас прямо противоположный задуманному, власти стали все больше прибегать к мерам государственного, «командно-административного» регулирования экономики: ведь меры по обеспечению резкого ухода государства из экономики были в то же время примерами сильнейшего вмешательства со стороны того же государства. Также авторитарный стиль Коллора проявился в нежелании сотрудничать с парламентом.

Для российской реальности подобный стиль был логичным продолжением вполне традиционного для отечественной истории «административного способа осуществления политических и экономических реформ» в условиях полной подчиненности социальных групп и слоев «патерналистской вертикали государственной власти», когда власть «методами администрирования в значительной мере сама формировала общественные отношения и социальные группы, которые возникали не как артикуляция проявившихся социально-экономических интересов, а как бюрократическое творение» [18, с. 36; 45]. Поскольку подход новой (начала 1990-х гг.) власти к реформам, прежде всего в силу ее «генетической связи со старым номенклатурным правящим классом», остался «традиционным аппаратным администрированием», отсюда и традиционный для России путь осуществления реформ — «волевым порядком» [18, с. 37]. «Авторитарные наклонности самого президента Ельцина ... проявились в директивном и волюнтаристском стиле властвования» [18, с. 41]. В начале 1990-х гг. российская пресса много писала о вере тогдашнего российского правительства в большую эффективность «административного контроля за экономикой» по сравнению с более сложной задачей усиления конкуренции и частной инициативы, а также о достаточно популярных взглядах некоторых политиков того времени по поводу необходимости формирования «административной системы особого переходного периода для демонтажа государственной экономики и перехода к рынку» [46; 47].

Подчеркнем еще раз: эти и другие факторы поставторитарной демократизации, демонстрируемые опытом Бразилии и нашедшие свое подтверждение в России, характерны именно для начального, стартового периода политической модернизации.

* * *

В начале переходного периода вышли на первый план и особенности политической культуры. Особо выпукло проявились такие черты политической культуры Бразилии, и России, как традиционализм, архаизм, консерватизм, патримониализм, клиентелизм [48], рассмотренные выше надежда на всесильное и всемогущее «государство-Левиафан», персонификация власти и личностных качеств лидера. Подобно тому как в Бразилии на политическую культуру оказали влияние черты, исходившие от имперской и рабовладельческой традиций, так и в России на складывание политического менталитета, особенно на формирование системы ценностей, типа работника и гражданина оказали воздействие такие традиционалистские черты, идущие из глубин ее истории, как общинное, коллективистское сознание, ядром которого является стремление к эгалитаризму, всеобщей уравнительности (так называемые настроения «уравнилельной бедности»), недоверие к богатству и даже просто к высокому уровню жизни. В исторической литературе отмечается присутствие в российском политическом менталитете черт давно минувших веков (имея в виду их прочное

укоренение и живучесть), отзвуки эпохи крепостничества с его психологией — «культом несвободы», преданностью «хозяину», отсутствием привычки к самостоятельному определению своей судьбы. Это весьма созвучно с бразильским case study: в Бразилии после ликвидации рабства, произошедшей по историческим меркам относительно недавно — всего 127 лет назад, не было создано условий для социальной интеграции бывших рабов в гражданское общество, а стереотипы рабской психологии еще долго имели место, особенно в среде низших слоев общества, и оказали немалое воздействие на складывание национального характера.

Особенности российского массового сознания, сформировавшиеся в течение столетий, не могли не отразиться и на современном «состоянии умов». Когда в начале 1990-х гг., в момент «вступления в рынок», оказались востребованы такие качества, как инициативность, предприимчивость, способность к риску, мобильность, деловые навыки, активность, многочисленные социологические обследования населения России фиксировали прочность таких черт менталитета, как боязнь (даже у молодежи) состояния свободного выбора, предпочтение безработными получать мизерное пособие, но не прилагать усилий к поиску достойной работы, терпение (доходящее до нежелания изменить негативные тенденции собственной жизни), инертность, безразличие, социальная апатия и аполитичность, несмотря на отмечавшееся опросами недовольство «всеми и вся» [49; 50]. Подобные черты не могли не оказать воздействия на соответствующий тип работника, который квалифицировался социологами как «государственно-зависимый», ценивший «гарантированность» выше, чем успех; государство для него — благодетель и защитник, минимизирующий риски и гарантирующий стабильность зарплаты и обеспечение работой [51, с. 66–67, 70].

* * *

На начальном этапе демократического транзита сложные, непривычные перипетии переходного периода (а в России — еще и не известные обществу парадоксы рыночных преобразований) породили в Бразилии, а позже и в России т.н. феномен «утраченных иллюзий». Пессимизм бразильских политологов в оценке результатов демократического процесса имел под собой реальные основы: демократический режим, пришедший на смену режиму военному, демонстрировал неспособность преодолеть социальный кризис и порождал — в условиях отсутствия национальной консолидации — новый (политический) кризис. Провал стабилизационных планов, некомпетентность, безответственность, коррупция захлестнули общество. Вместо мобилизации масс имели место усиление правящих элит и рост социальной дифференциации. После ухода диктатуры сплоченные ранее демократические силы оказались раздробленными, не сумев создать базу для нового режима. Крушение иллюзий относительно способности демократического режима к быстрому обновлению экономических, социальных, политических структур, осознание ограниченности результатов тех преобразований, которые свершались под лозунгами демократии в начале 1990-х гг., — таковы итоги, которые подводили бразильские интеллектуалы. Конечно, они были далеки от идеализации ушедшей в прошлое эпохи правления военных, но и настоящее, приходу которого они отдали годы борьбы, не оказалось тем долгожданным свободным, справедливым демократическим обществом, о котором они мечтали*.

Подобно тому, как это было в Бразилии, в России первыми растерянность и безысходность ощутили сами демократы: уже в конце 1991–1993 гг. «значительная часть демократического движения оказалась не у дел, в позиции разочарованных и все более критических наблюдателей» [18, с. 40]. Еще более серьезные процессы имели место в общественном восприятии

* Вместе с тем опыт Бразилии показал, что, подобно тому как отказ от «шоковой терапии» сам по себе не означает отказа от реформ, так и феномен «утраченных иллюзий» не свидетельствует, что носители этих взглядов выступали против преобразований. Он означает лишь, что в условиях переходного периода общество, отойдя от первоначальной эйфории, осознало, что ни «большой скачок», ни «великие потрясения» не могут в одночасье изменить страну, что факторы «наибольшего благоприятствования», устойчивые позитивные сдвиги могут возникнуть лишь в ходе последовательной стратегии эффективного развития и модернизации, при достижении общенационального консенсуса. Тем самым опыт Бразилии продемонстрировал, что вступление поставторитарных режимов на путь радикальных реформ означает начало длительного периода, рождающего и новые дилеммы развития, и новые его приоритеты.

новых реалий. Политологи и социологи констатировали, что если в странах Восточной Европы на смену первоначальному энтузиазму пришел реализм, то в России имел место явный поворот массового сознания от надежд и иллюзий периода «очарования революцией» к чувствам разочарования. Данные опросов свидетельствовали: в 1993 г. 66 % опрошенных признавали, что избранный тогдашними российскими правителями вариант вхождения в рыночную экономику лично для них оказался неудачным [52]. По словам газеты «Таймс», российские приверженцы метода «шоковой терапии» «слишком высоко подняли ложные надежды: они недооценили фактор времени, которое потребуется на переходный период в странах, не прошедших через стадию капитализма, а также глубину экономического спада, возникающего в результате такого перехода... Когда радикалы взяли власть в свои руки, они забыли предупредить население, что капиталистический эксперимент начнется с депрессии типа той, что была в США в 1930-е гг., и будет сопровождаться инфляцией наподобие той, которая имела место в Германии в 1920-е гг.» [53].

«Шоковая терапия» «по-российски» была, по существу, тем же вариантом политики «большого скачка», который продемонстрировал ее бразильский «аналог». Эта политика проявилась в стремлении *быстро* решить проблемы экономического отставания, преодолеть «барьер», отделяющий Россию от мира развитых государств, «в мгновение ока» заставить работать сложнейшие экономические механизмы, обеспечить быстрый экономический подъем и совершить, в соответствии с популярным в те времена лексиконом тогдашних правящих элит, так называемый «прорыв в семью цивилизованных государств». Реальность, однако, свидетельствовала об утопичности подобных планов, абсолютно оторванных от российских реалий — и исторических, уходявших своими корнями вглубь веков, и тех, которые непосредственно «сопровождали» тогдашние реформы.

Поэтому «утраченные иллюзии» в их российском варианте коснулись не только перспектив развития страны: их крушение означало и разочарование в самих понятиях «демократия» и «рынок». И дело здесь далеко не только в ставших уже классическими объяснениях, что Россия не имела опыта длительного развития в условиях демократии, гражданского общества, рыночной экономики, хотя и это, безусловно, имело немалое значение. Все это было связано еще и с тем, что и рынок, и демократия были «внедрены» в России в искаженном, даже уродливом виде, когда рынок стал означать — и в реальности, и в сознании людей — не рост эффективности и подъем экономики, а ее развал; не процветание и повышение благосостояния населения, основанные на честной, «обставленной» законами и правовыми нормами конкуренции, а обнищание большинства; образование, как в Бразилии, двух социальных полюсов с разделявшей их огромной пропастью; лозунги социальной справедливости сменились демонстративной роскошью нуворишей и верхушки бюрократии на фоне нараставшего отката в зону бедности значительных социальных слоев, возникновения безработицы и процессов маргинализации населения, в том числе тогдашнего «среднего класса». Помимо этого, в России получил распространение абсолютно не свойственный другим странам — и не характерный для настоящей рыночной экономики — особый «феномен бедности»: процессы обнищания не безработных, неграмотных, неквалифицированных людей или так называемых деклассированных элементов, а такое явление, когда в категорию «бедных» попадали люди с высокой профессиональной квалификацией и образованием, либо имевшие работу, но не получавшие месяцами зарплаты, или вынужденные довольствоваться мизерным вознаграждением. Рынок ассоциировался также с такой формой проведения приватизации, которая означала присвоение небольшой группой людей собственности, принадлежавшей всему обществу; он не только стал *символом* бедности, криминала, коррупции, но и *сам* приобрел бюрократический, коррумпированный характер. Демократия же в том виде, в котором она начала «прививаться» в России (при всей неприменимости этого термина к подлинной демократии) стала олицетворять не свободу выбора, торжество закона, плюрализм и соревнование идей и мнений, а хаос, беспорядок, вседозволенность, социальную дезорганизацию, потерю управляемости, опасное ослабление государства и его властной вертикали, способное привести к дезинтеграции и развалу страны. Естественно, что *такой* рынок и *такая* демократия не могли породить в массовом сознании ничего иного, кроме неприятия*.

* Повторим вновь: данные соображения, сформулированные на основе анализа феноменов российского массового сознания начала 1990-х гг., отнюдь не призваны доказать некую «генетическую неспо-

* * *

Так российские и бразильские реалии, рассмотренные в контексте компаративного анализа, добавляют новое знание в осмысление процессов радикальных общественных трансформаций и придают новую оптику исследованию важных параметров самого понятия «переходная эпоха», ее метаморфоз и парадоксов.

* * *

Перейдем теперь к той реперной точке, которая послужила отправным пунктом *различий* в траекториях развития.

Если на старте реформ проявился ряд общих черт, которые, выявившись вначале в Бразилии, нашли свое проявление в дальнейшем и в России, и в странах Восточной Европы (характер политического лидерства, роль и облик политических партий, природа популизма в переходных обществах, характер массового сознания, позиция элит в процессах слома одного политического режима и становления новой политической «системы координат»), то начиная с 2000-х гг. развитие в обоих обществах пошло по разным и все более «расходившимся» колеям. «Расходящиеся пути развития» — такое определение в отношении эволюции Бразилии и России как нельзя лучше характеризует эту политическую развилку.

Бразилия одновременно с модернизационным рывком в немалой степени продвинулась и по пути политической трансформации. После 1985 г., времени начала демократического транзита, в стране последовала череда президентских и парламентских (не говоря уже о местных) выборов, которые, проходя в обстановке напряженной политической борьбы, столкновения альтернативных проектов будущего развития, были отмечены остро конкурентным характером. Старт демократизации стал практически однозначно положительным в его политическом измерении (восстановление многопартийности, системы демократических выборов, принятие демократической конституции 1988 г., провозгласившей основополагающие политические права и свободы и вернувшей Бразилию в семью демократических государств), хотя, как об этом говорилось выше, не все столь бесспорно было в социально-экономической области.

Электоральные кампании стали временем «оттачивания» демократических принципов. Острейшая политическая борьба, столкновение лозунгов и программ способствовали проявлению такой черты политического лидерства, как выдвижение политиков, олицетворявших собой требуемый обществом социальный проект. Свою роль сыграла и характерная для политической жизни Бразилии высокая степень социальной мобильности, «выталкивающая» на острие политического противоборства именно тех деятелей, которые востребованы «в данное время и в данном месте». Важную роль играло и концептуальное осмысление демократии: все более прочные позиции завоевывали взгляды, согласно которым процесс консолидации демократии при всей важности таких его элементов, как демократическая конституция, разделение властей, свободные выборы, все же неизмеримо шире формальных признаков демократии и обязательно включает в себя успешное решение социальных проблем, укрепление социальной базы реформ. При этом особое значение, учитывая длительный характер процесса демократизации, приобретали такие преобразования в политической сфере, как совершенствование политической системы и партийной структуры, повышение эффективности взаимодействия ветвей власти, более глубокое развитие гражданского общества и общественного самоуправления, более активное использование различных форм прямого участия, иными словами, массовая политическая мобилизация и создание широкой социальной базы демократического режима. И хотя в повседневной жизни бразильцы справедливо высказывают недовольство своей политической системой, указывая на ее недо-

собность» России воспринимать демократические веяния. Напротив, реалии более позднего периода доказывают, что универсальные ценности демократии отнюдь не чужды России (но они прививаются на ее почве не «вне времени и пространства», а в соответствии с национальной культурно-цивилизационной традицией). Что же касается характера восприятия демократии и рынка российским «массовым обществом» (если использовать терминологию Ф.Э. Кардосу), то речь идет именно о тех особенностях «внедрения» демократической модели в конкретных условиях России начала 1990-х гг., которые и предопределили неприятие демократии широкими слоями населения — неприятие, во многом обусловленное ее неадекватным «воплощением в жизнь» тогдашними отечественными реформаторами.

статки, несовершенства, оторванность от реальных нужд населения, «обслуживание политического класса» и т.д., Бразилия превратилась, по единодушному признанию зарубежных исследователей, в крупную современную демократию.

Что из черт «бразильского опыта» мы видим в России? (Естественно, речь не идет и не может идти о каком-то надуманном «пересаживании» чужого опыта на нашу почву, да это и невозможно: национальная специфика каждой страны порождает уникальные, характерные только для данного социума условия. И вместе с тем, особенно если принять во внимание типологическую сопоставимость некоторых параметров развития наших стран, весьма интересно проследить, почему и в какой момент определяющими стали не параллели, а возобладали «расходящиеся пути развития»; в какой момент развитие двух стран стало принципиально несопоставимым).

Как подчеркивалось выше, в России методы, формы, содержание реформ, объективно назревших к рубежу 1980-х — 1990-х гг., были таковы, что, породив т.н. «дикий капитализм», привели к разочарованию большинства общества в самой идее демократии, с которой массовое сознание связывало весь негативный потенциал и результаты реформ, принесших выгоды для узкой категории индивидов, но отнюдь не для большинства общества, и породивших невиданную доселе (и не характерную для предыдущих 70 лет) социальную дезинтеграцию (напомним, что весь ход развития Бразилии после 1985 г. был ориентирован на поиски путей сокращения социального разрыва, а не его роста). При этом неудивительно, что в 1990-е гг. сам концепт «демократии» в российском политическом лексиконе стал синонимом хаоса и беспорядка, которые, в свою очередь, породили социальную апатию, отказ от самой идеи перемен (отождествлявшихся и ассоциировавшихся, как и демократия, лишь с негативными явлениями), отсутствие самого запроса на демократию.

Подобный «бэкграунд» предопределил характер кратковременных протестных выступлений, имевших место после думских выборов 2011 г. и президентских выборов 2012 г. Протестные настроения и начавшееся обсуждение проблематики реформирования политической системы страны, казалось бы, свидетельствовали о пробуждении гражданского общества в России. Вместе с тем — парадоксальным (а возможно, и логичным) образом — они показали, что если Бразилия далеко ушла по пути демократии, то Россия как бы возвращается к отправному пункту начала 1990-х гг., к своего рода «повторению пройденного», а фактически — начинает «с нуля». В первой половине 2012 г. на страницах печатных СМИ и на телевидении шли споры о понимании демократии, о нужности/ненужности института выборности губернаторов, о партиях и самой архитектуре партийно-политической системы — дебаты, давно отшумевшие в Бразилии и уступившие дорогу осмыслению новых реалий и феноменов.

Весьма различно в обеих странах и концептуальное наполнение ряда важнейших понятий (приобретших свое значение именно в рассматриваемый период). «Стабильность», понимаемая в Бразилии как необходимое условие для поступательного движения вперед, трактуется протестной частью российского политического спектра лишь как «стагнация» и «застой»; концепция демократии, в ее бразильском варианте неразрывно связанная с социальным наполнением, в России еще так до конца и не осмыслена. Модернизация, понимаемая в Бразилии как всесторонняя и взаимоувязанная экономическая/социальная/политическая модернизация*, в России зачастую трактуется как сугубо технологический процесс, связанный с техническим перевооружением предприятий (безусловно, крайне необходимым для России, но далеко недостаточным в плане общей стратегии развития). Абсолютно разным является в обеих странах понимание национального консенсуса (эта разность связана с несопоставимыми в обоих случаях параметрами политической культуры и национального характера): если в Бразилии стремление к консенсусу является необходимой составляющей самого политического процесса (особенно это проявилось в годы президентства Кардосу, да и сам Лула был во многом компромиссной фигурой), проистекает от важной бразильской истори-

* А теперь эти вопросы звучат в Бразилии по-другому: уже не говорят об «обычной» экономической, социальной и политической модернизации, как 20–25 лет назад, а понимают под модернизацией прежде всего устойчивое развитие, способное обеспечить функционирование информационного общества и экологическое равновесие при обязательном условии искоренения бедности как основы дальнейшего поступательного развития; при этом вопросы демократии и политической системы обсуждаются не сами по себе, а применительно к тому, в какой мере они способны обеспечить решение вышеупомянутых задач.

ческой традиции «нерадикального разрыва с прошлым», то в России на всех этапах развития за последние 25 лет наблюдаются такие черты, как конфликтный характер отношений ветвей власти (период Ельцина), отношений власти и общества, властных структур «внутри себя самих», внутрипартийной борьбы и соперничества партий друг с другом и т.п. На уровне общественного мнения, СМИ можно наблюдать резкое неприятие противоположных или просто иных точек зрения (что характерно и для власти, и для оппозиции), действия по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Выразительным примером диаметрально разной трактовки является и понятие «оппозиция». В Бразилии оппозиционные партии являются неотъемлемой частью политического процесса, о чем в очередной раз свидетельствовали как события весны — лета 2013 г., так и президентские выборы 2014 г. Начавшись с протестов по поводу огромных затрат на строительство спортивных сооружений накануне проведения Кубка конфедераций и в преддверии чемпионата мира по футболу 2014 г., с недовольства высокими тарифами в общественном транспорте, массовые движения предъявили целый спектр требований по улучшению систем здравоохранения, образования, по повышению качества жизни, проведению политической реформы, активизации борьбы с коррупцией и многим другим направлениям социально-экономических и политических процессов. По заключению видных представителей политического класса Бразилии, протестное движение — то, которое реально ставило перед властями вопросы улучшения качества реформ, а не то, которое демонстрировало силовой, «погромный» подход (последнее присутствовало в неизмеримо малой степени, лишь в форме отдельных «казусов», и ни в коей мере не определяло собой суть и характер движения в целом), — явилось «необычайно крупным продвижением вперед на политическом поле», которое заставило правящие элиты «услышать голос улиц». Более того, данный феномен рассматривался как «плацдарм для начала в Бразилии нового демократического цикла». Ведь и сама демократия не является застывшей и неизменной, она эволюционирует, и массовые выступления были расценены не как «дестабилизация режима», а как его «вентиляция», как его «проветривание посредством демократии», необходимые для его консолидации и лучшего функционирования. В результате действий властей режим доказал, что он способен решать возникающие проблемы [54, с. 292–293; 55, с. 4–19; 56, с. 95–106].

В России же, во-первых, оппозиция демонстрирует отсутствие партийной структуры и продуманной стратегии, незнание запросов населения, особенно в «глубинке», оторванность от реальной повестки жизни регионов; а во-вторых — и само общество традиционно отторгает протестный тренд: массовым сознанием оппозиция неизменно воспринимается как однозначно враждебная интересам общества и государства и воплощающая в себе «предательство национальных интересов» [57].

Эти внешние, на первый взгляд, различия трактовок на деле свидетельствуют о более глубоких моментах, а именно: о разных траекториях развития, по которым за последние четверть века пошли обе страны, и о сформировавшейся в силу этого весьма различной социальной, политической и интеллектуальной «почве», из которой «произрастают» и на которой сформировались несопоставимые политические культуры и социальные менталитеты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См.: Бразилия: реформы и прогресс (структурные преобразования переходного периода в государствах-гигантах: опыт Бразилии и возможности его использования в России) / Отв. ред. А.Н. Глинкин. — М., 1997.
2. Мартынов Б.Ф. Бразильцы и россияне: что нас объединяет? // Латинская Америка. 2006. № 10.
3. Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 2.
4. См.: Круглый стол «Как оценивать особенности и уровень развития капитализма в Латинской Америке?» // Латинская Америка. 1979. № 1.
5. Reis Velloso J.P. dos. Modernização política e desenvolvimento: primeira aproximação // Modernização política e desenvolvimento. — Rio de Janeiro, 1990.
6. Плимак Е., Пантин И. От смуты до смуты // Октябрь. 1993. № 1.
7. Стариков Е. От Ивана до Петра // Знамя. 1992. № 5.

8. *Рашковский Е.Б.* Россия и третий мир: культурно-исторические предпосылки сотрудничества // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 8.
9. *Хорос В.Г.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1992. № 8;
10. *Сосновский А.А.* Синдром развивающегося общества: Бразилия и Россия // *Полис.* 1991. № 5.
11. *Красильщиков В.А.* Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии.* 1993. № 7.
12. *Красильщиков В.А.* Развитие России и Латинской Америки: факторы сходства и различия // *Мировая экономика и международные отношения.* 2004. № 4.
13. См.: *Круглый стол «Тоталитаризм, авторитаризм и демократия в глобальном контексте»* // *Латинская Америка.* 1990. № 3.
14. См.: *Автономов А.С.* Конституционное регулирование политической системы Бразилии. — М., 1991.
15. *Abranches S.* O dilema político-institucional brasileiro // *Modernização política e desenvolvimento.* — Rio de Janeiro, 1990.
16. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. — М., 2000.
17. Известия, 21.07.1992.
18. *Мельвил А.Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Вып. 1. — М., 1999.
19. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. — М., 2006.
20. *Trindade H.* The Background of Democracy: State Building in Brazil and Argentina // *The Paradoxes of Democracy.* / *G. Hermet, H. Trindade* (dir.). — New Delhi, 1988.
21. *Варгас Льюис А.* Популизм возвращается? // *Россия в глобальной политике.* 2006. № 2.
22. *Camargo A.* As duas faces de Janus: os paradoxos da modernidade incompleta // *A crise brasileira e a modernização da sociedade.* — Rio de Janeiro, 1990.
23. См.: Независимая газета. 14.02.1992.
24. *Абалкин Л.И.* К цели через кризис. Спустя год... — М., 1993; *Абалкин Л.И.* На перепутье. — М., 1993.
25. *Турен А.* Процесс демократизации в восточноевропейских странах // *Мировая экономика и международные отношения.* 1991. № 11.
26. *Moraes Ferreira M. de.* Getúlio Vargas — uma memória em disputa. // *Entre historias y memorias. Los desafíos metodológicos del legado reciente de América Latina.* / *M.R. Stabili* (coord.). — Madrid, 2007.
27. В российской историографии и политологии 1990-х гг. сформировалось несколько теоретических позиций по поводу «советского социализма»: «контрреформа», прервавшая процветание и поступательное развитие 1861–1917 гг.; вариант азиатского способа производства; разновидность индустриального общества, решавшего те же задачи ускоренной модернизации, но облеченного в форму тоталитарного режима; особый, не имеющий никаких аналогов, тип социальной организации (см.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М., 1997).
28. *Дубовцев В.А., Розов Н.С.* Природа «русской власти»: от метафор — к концепции // *Полис.* 2007. № 3.
29. *Лебедева М.М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // *Мегатренды мирового развития.* — М., 2001.
30. *Санчес Давид Р.* Демократия и кризис партий // *Латинская Америка.* 1995. № 2.
31. *Кауфман Р.* Латинская Америка: новые вызовы // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 4.
32. *Nueva Sociedad.* Caracas, 1996, № 144.
33. Фухимори заявил так совсем не случайно: он пришел к власти в Перу на фоне и в результате полной разбалансированности политической системы, глубочайшего кризиса партий и воплотил в себе одну из характерных разновидностей авторитарного популистского политика, приверженца жестких методов управления (см., например: *Дабагян Э.С.* Генезис,

динамика и уроки перуанского кризиса // Латинская Америка. 2001. № 1; *Ткаченко В.А.* Феномен Фухимори: авторитаризм versus демократия. — М., 2002).

34. Круглый стол «Итоги 20 лет российских трансформаций» // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2.

35. *Шестопал Е.Б.* Политическая психология. — М., 2002.

36. *Коваль Б.И.* Бразилия вчера и сегодня. — М., 1975.

37. *Veja*, 30.09.1992.

38. *Goirand C.* *L'outsider, figure introuvable? Partis et individualisation de la politique au Brésil* // *Problèmes d'Amérique latine*. — Paris, hiver 2005—2006, № 59.

39. *Шимов Я.* «Миф о спасителе» и социальная эволюция. Почему мы так любим творить себе кумиров? // Международный исторический журнал. 2000. № 9 (цит. по: *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы. — М. 2006, С. 138).

40. *Слизовский Д.Е., Шуленина Н.В.* Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы. — М., 2006.

41. См.: Советская Россия, 06.06.1991.

42. См.: Советская Россия, 15.06.1991.

43. *Тодрес В.* Феномен Жириновского // Независимая газета. 15.06.1991.

44. *Андреев Н.* Жириновский ждет своего часа // Известия. 05.12.1991.

45. *Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России // Полис. 1993. № 2.

46. Финансовая газета. 30.04.1993, 07.05.1993.

47. Российская газета. 17.02.1992.

48. О клиентелизме в российской политической культуре см.: *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. — М., 1997.

49. Аргументы и факты. 1993. № 14.

50. Известия. 02.04.1993, 13.04.1993.

51. Заславский В. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис. 1991. № 5.

52. Известия. 10.02.1993, 17.03.1993.

53. *The Times*, London, 22.12.992.

54. *Окунева Л.С.* Метаморфозы социальной и политической модернизации в Бразилии // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития. Том I. — М.: ИМЭМО РАН, 2014.

55. *Окунева Л.С.* Президентские выборы 2014 г. в Бразилии // Латинская Америка. 2015. № 1.

56. *Дабаган Э.С.* Бразилия: анатомия протестов // Свободная мысль. 2014. № 3.

57. Независимая газета. 09.09.2015, 16.09.2015, 17.09.2015.

Н.Г. ХМЕЛЕВСКАЯ

СОВМЕСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕЗИСТЕНТНОСТИ К ВНЕШНИМ ШОКАМ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И ИННОВАЦИИ

В статье рассмотрены механизмы совместного снижения уязвимости экономик Латинской Америки перед финансовой глобализацией и особенно ее негативными проявлениями во внешней торговле и на рынках капитала. Латиноамериканский фонд резервов (ФЛАР) предназначен для помощи ликвидностью в случаях шоков внешней торговли и внезапных остановок капитала. Системы СИКАП-АЛАДИ, СУКРЕ и СМЛ в Меркосур призваны дополнить меры национальных монетарных властей по нейтрализации курсовых шоков. Общий ориентир — повышение финансовой устойчивости, а значит, стимулирование деловой активности как залога динамичного роста и преодоления слабостей развития. Подстройка к потребностям участников таких механизмов — признак не только гибкости, но и все чаще ответ на ограничения доступа на рынки капитала и глобальные дисбалансы.

Ключевые слова: СИКАП-АЛАДИ, СУКРЕ, Латиноамериканский фонд резервов (ФЛАР), система трансграничных расчетов в национальных валютах (СМЛ), БЛАДЕКС, КАФ, МАБР.

En el artículo se trata de los arreglos financieros entre los países de América Latina para atenuar los problemas derivados de los desequilibrios del sector externo. El Fondo Latinoamericano de Reservas (FLAR) surgió como respuesta a la necesidad de los países de resolver los problemas de liquidez, y al mismo tiempo facilitar las paradas repentinas en los flujos de capital. Sistemas SICAP-ALADI, SUCRE y SML de Mercosur funcionan como amortiguadores para los choques financieros y están orientados a fortalecer la estabilidad financiera y promover el dinamismo empresarial como garantía del crecimiento económico y superación de las deficiencias del desarrollo.

Palabras clave: SICAP-ALADI, SUCRE, SML de MERCOSUR, Fondo Latinoamericano de Reservas (FLAR), BLADEX, CAF, IADB.

The article focuses on financial arrangements and schemes in Latin America insofar they may help countries cope with external vulnerability in trade and capital markets. The Latin America Reserve Fund (FLAR) has been created to cushion liquidity in case of sudden stops in capital flows and trade deficit. The SICAP-ALADI, SUCRE and Mercosur SML are designed to mitigated exchange rate shocks. To strengthen national systems is the common target for these arrangements. Hereof, they sustain business activity and promote growth and structural reforms. To be more pertinent to member-states needs and able to react fast to credit crunches or price movements these institutions have wide scope of instruments.

Key words: SICAP-ALADI, Latin America Reserve Fund (FLAR), Local Currency Payment System (SML), BLADEX, CAF, IADB.

Влияние процессов интернационализации капитала на показатели функционирования рынков товаров и услуг как одного из проявлений финансовой глобализации неизбежно транслирует их риски на экспортоориентированные развивающиеся экономики. На протяжении последнего десятилетия ежегодные темпы прироста оборота международного капитала в среднем на 45–55 % превышали аналогичный показатель мирового ВВП. Глубина глобального финансового рынка* достигла к концу 2007 г. своего исторического максимума в 343 %, 32 % из которых уже к концу 2012 г. были сосредоточены на формирующихся рынках – из них порядка 2 млрд долл. инвестиций приходилось на их резидентов [7, р. 2–5].

В то же время ВВП стран с формирующимися рынками в среднегодовом выражении увеличивался со скоростью примерно 4,9 % (2009–2015 гг.) [16], а его обеспеченность иностранным капиталом опережала рост экономики на 0,5–1 % [12, р. 4–5]. И если в подавляющем большинстве развивающихся стран эти процессы шли в русле углубления монетизации экономики через совершенствование института финансового посредничества, то в государствах Латинской Америки все еще доминирует расширение присутствия иностранных кредитных учреждений.

Для высоко открытых и ориентированных на интеграцию в международные финансовую и торговую системы стран латиноамериканского региона такая зависимость роста от иностранного капитала стала особенно демонстративной (см. **Рис. 1**). В 2003–2007 гг. из 0,3 % общего прироста ВВП Китая диверсификация иностранных вложений продуцировала максимальные среди развивающихся стран 0,9 %, в Латинской Америке при той же значимости для ВВП их доля была минимальной в 0,1 % [10, р. 7]. На этом фоне имел место и самый низкий прирост внутреннего частного кредита и рыночной капитализации (соответственно, 2,2 % и 39,8 % за 2000–2007 гг. [см. **Рис. 1**]).

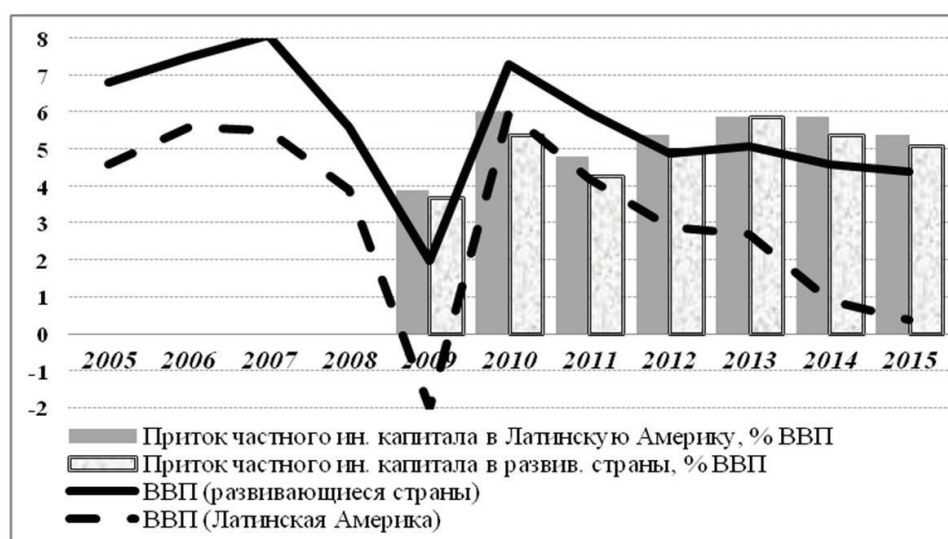

Рис. 1. Рост ВВП развивающихся стран и Латинской Америки и приток иностранного частного капитала в 2005–2015 гг., %.

Источник: составлено по *The World Bank (2010), The World Bank (2012), The World Bank (2015)*.

В основе такой зависимости одна из фундаментальных характеристик международного движения капитала как формы обмена – спрос на финансовые ресурсы, обусловленный нормой прибыли и условиями вложений. Отсюда в одних странах Латинской Америки финансовая глобализация сопровождается повышением общего уровня посредничества иностранных кредитных учреждений (внутренний кредит к ВВП, доля иностранных банков во внутреннем кредитовании, долларизация), а в других она является постоянным источником рыночных шоков и инфляционных ожиданий. В числе первых – прежде всего малые экономики островных государств и страны с международными финансовыми центрами

* Рассчитывается как отношение балансовой стоимости совокупных активов банков и рыночной капитализации фондового рынка с учетом ожиданий (с дисконтом или премией) к ВВП.

(Коста-Рика и Барбадос). Среди вторых – и региональные акторы с динамично развивающимися экономиками (Колумбия, Бразилия и Чили), маневрирующие между свободным курсообразованием и движением капитала* и чрезмерно зависимые от внешних рынков Перу, Боливия, Уругвай.

Вместе с тем, учитывая сегодняшнюю страновую взаимозависимость и связанность международных финансовых центров, утопично противостоять в одиночку переносу шоков с наиболее интернационализированных секторов мировой экономики вначале на структурно слабые, а затем и на самые открытые формирующиеся рынки. Последний глобальный экономический кризис в значительной степени стал результатом провала сложившегося финансового регулирования в развитых странах, из-за чего огромные риски оказались вне должного учёта [5] и молниеносно поразили активы стран с формирующимися рынками, а затем и их экономики. На традиционные для Латинской Америки эффекты от падения цен биржевых товаров и от движения курсов доллара США и евро теперь накладываются последствия денежно-кредитной политики количественного смягчения США и ЕС, движущие рыночную волатильность и разгоняющие инфляционные ожидания. В начале 2015 г. крупнейшая экономика региона Бразилия перешла в рецессию [8, р. 1–3], сопровождающуюся масштабной девальвацией реала (на 7 августа 2015 г. ослабление к доллару превысило 55 % относительно предыдущего года) [17], а затем и спадом деловой активности.

В первую очередь совместные механизмы взаимопомощи стран Латинской Америки при негативном влиянии извне зародились в рамках интеграционных объединений и изначально были нацелены на купирование последствий стихийных бедствий и катаклизмов, преодоление слабостей развития. Центральноеамериканский банк экономической интеграции (ЦАБЭИ, 1960 г.) участников водноименного общего рынка стал пионером среди подобных финансовых институтов в регионе. Фонд развития отстающих территорий и регионов Фонплата (FONPLATA, 1967 г.) был создан участниками Меркосур, Банк Юга (2009 г.) – членами УНАСУР.

Возникнув практически в одно время с аналогичными процессами в Западной Европе, экономическая и валютная интеграция в Латинской Америке развивалась более сложно и противоречиво; она сильно подвержена внешнему воздействию и от того во многом «обращена вовнутрь» [14]. В латиноамериканском варианте сотрудничество в финансовой сфере шло и от частного к общему (ОВКГ), и от масштабного к конкретному (МЕРКОСУР, Андское сообщество, УНАСУР), что продиктовано особенностями как историко-географического характера, так и разнообразием экономических структур. В разных формах торговой интеграции они проявлялись рельефно: не разрушая представления о драйверах интеграции Б. Балашша, все интеграционные институты Латинской Америки следовали логике эффектов и расширения, и перетекания, и углубления. В сфере валютно-финансового сотрудничества тон задавали специфика и потребности внутреннего развития [14, с. 31–33]. В рамках интеграционных объединений можно констатировать появление и качественно новых расчетно-платежных форматов – Единая система региональной компенсации (Sistema Unitario de Compensación Regional, далее СУКРЕ), и инновационных элементов – мер минимизации валютных рисков (Андское песо, сукре), и зарождение не имеющих аналогов схем трансграничных платежей в Меркосур (Бразилия с Аргентиной и Уругваем).

Однако политика либерализации привела к созданию систем асимметричной внешне-экономической взаимозависимости внутри интеграционных групп [15] и параллельному расширению позиций третьих стран и иностранного капитала во многих отраслях латиноамериканских экономик. Китай постепенно теснит США и ЕС с первых мест во внешней торговле Латинской Америки: если вначале 2000-х гг. США и европейские государства лидировали во внешнеторговом обороте большинства стран региона и они были примерно равны, то в конце 2010 г. Китай становится крупнейшим экспортером для Аргентины, в 2012 г. – для Бразилии (за 2012–2014 гг. разрыв между США и КНР увеличился более чем в 3 раза), в 2014 г. – для Чили и Перу [18].

Наряду с этим претерпевает изменения и страновая принадлежность иностранной собственности. В Аргентине страна базирования каждой второй иностранной компании происходит из ЕС, каждой четвертой – из США, причем в последних сегодня занято лишь

* В десятке первых наиболее сильно девальвировавших национальные валюты с декабря 2010 г. по июль 2011 г. стран мира были Мексика, Бразилия, Колумбия и Чили.

16,8 % работников всего иностранного бизнеса [19]. В Бразилии, хотя на американские компании и приходится треть всей иностранной собственности в стране, на европейские — более 65 % [20], достаточно быстро формируется когорта новых собственников — предприниматели из Индии (189 дочерних подразделений и шестое место среди 53 стран-инвесторов в 2013 г.), из Китая (14 предприятий) [21], а также из ЮАР. В марте 2015 г. российское ОАО «Силовые машины» приобрела Fezer S/A Indústrias Mecânicas, оборудование которой установлено на 12 ГЭС и двух ТЭС в Бразилии, для сборки гидротурбинного оборудования с его техническим обслуживанием и продажи в регионе.

С одной стороны, диверсификация внешнеэкономических связей и делового сотрудничества меняет страновую структуру зависимости латиноамериканских государств от внешних шоков. С другой стороны, если раньше изменения в интеграционных форматах преимущественно происходили вместе с возникновением новых форм интеграционного бизнеса, влекущих за собой и процессы отраслевой интеграции, то сегодня к ним добавляется стремление распределить коммерческие риски и сбыть избыток продукции из-за сжатия внешнего спроса на дружественных и свободных региональных рынках. Так, Венесуэла, крупнейший экспортер нефти среди стран Центральной Америки, сначала инициировала проект создания энергосистем Петроандина и Петрокарибе, а затем, в том числе с целью их обслуживания, была создана СУКРЕ. Для Бразилии, значительную часть экспорта которой в Меркосур все еще составляют изделия массового производства, запчасти, сырье и полуфабрикаты, в 2012–2014 гг. рынки объединения стали полем для удержания конкурентных преимуществ национальных производителей [15, с. 52], закрепить которые призваны институты минимизации транзакционных издержек.

Таким образом, следующей целью многочисленных совместных страховочных механизмов и инструментов финансирования стран Латинской Америки становятся рыночные риски, от своевременной нейтрализации которых зависит устойчивое развитие. Среди нацеленных на помощь ликвидностью в случаях традиционных для стран региона шоков внешней торговли и внезапных остановок капитала — Латиноамериканский фонд резервов (ФЛАР) как альтернатива МВФ, отчасти — Система взаимных платежей и кредитов АЛАДИ (Sistema de Apoyo al Convenio de Pagos y Créditos Recíprocos, SICAP/ALADI, далее СИКАП–АЛАДИ) и СУКРЕ с одноименной расчетной единицей.

Созданный странами — членами Андского сообщества в 1978 г. для поддержки кредитоспособности государств Латиноамериканский фонд резервов (ФЛАР) изначально выступал особенно важным источником чрезвычайного финансирования для малых экономик благодаря таким преимуществам перед всеми другими региональными фондами резервов, как скорость и адекватность процедур выделения средств [13, р. 6]. В 1983–1988 гг. и 2003–2007 гг. финансирование ФЛАР двукратно превышало финансирование МВФ. За весь период членства в этих двух организациях Боливия и Эквадор чаще и в больших объемах заимствовали у ФЛАР, нежели чем у МВФ, — на 89 % и в 3,6 раза, соответственно (см. **Рис. 2**).

После присоединения Коста-Рики (2000 г.) и Уругвая (2009 г.) и в ходе реформы, ознаменовавшейся увеличением капитала практически наполовину (до 3,6 млрд долл.), ФЛАР становится де-факто альтернативой МВФ. По итогам кризиса 2008–2011 гг. он выдал кредитов

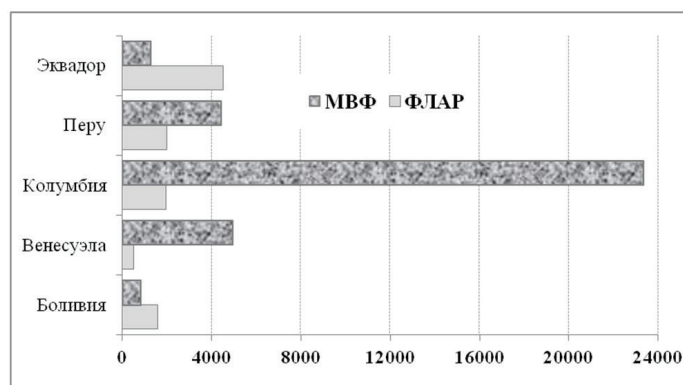

Рис. 2. Накопленные объемы заимствований стран у ФЛАР и МВФ на 01.08.2015 г., млн долл.

Источник: Составлено автором по информации ФЛАР и МВФ.

на общую сумму, равную 60 % всего финансирования МВФ для стран – членов Андского сообщества [22]. Помимо целевых и обусловленных кредитов на покрытие дефицита платежного баланса и реструктуризацию внешнего долга государств-участниц, он уполномочен предоставлять помощь для поддержания ликвидности национальных банков в экстренных случаях, когда до 50 % кредита выдается через операцию репо без предъявляемых требований, а также он управляет международными активами ЦБ.

С 1965 г. между 12 латиноамериканскими государствами функционирует система региональных валовых расчетов на базе Соглашения о взаимных платежах и кредитах СИКАП-АЛАДИ. После 1989 г., когда через нее проходило до 90 % платежей по внешне-торговым операциям региона, всплеск активности наблюдался в кризисные 2007–2009 гг. с 9,8 % и 6,7 % региональных торговых расчетов [1, р. 3–4], что среди прочего можно отнести к минимальным операционным рискам (комиссия за клиринг составляла порядка 1,5 %, авторизированные банки с высокой репутацией). На протяжении последнего десятилетия Аргентина и Венесуэла постоянно, Доминиканская республика – с 2013 г., Парагвай и Боливия – с 2014 г. использовали механизм СИКАП-АЛАДИ как инструмент внешнего финансирования, погашая свою задолженность по окончании срока принудительного сальдирования. Венесуэла, например, так оплачивала до 60 % импортных поставок.

Однако отсутствие прямых котировок (валютой обязательств является доллар США) и асимметричность кредитных ресурсов (кредитные линии Бразилии в 2,220 млрд долл. и Аргентины в 1,687 млрд долл. составляют 66 % совокупного кредита и до 89 % взаимного кредита) становятся с 2010 г. триггерами сначала падения интереса к реалу и песо (клиринг упал с 90 % предъявленных обязательств в 2009 г. до 49,3 % – в 2014 г.), а потом и синхронных со снижением объемов экспорта Бразилии и ослаблением реала сокращений платежного оборота (на более, чем 40 % во II кв. и 39 % – в IV кв. 2014 г. относительно тех же периодов предыдущего года [2, р. 4–5]).

В свою очередь, с октября 2008 г. между Бразилией и Аргентиной и с ноября 2014 г. – между Бразилией и Уругваем функционируют системы трансграничных расчетов в национальных (местных) валютах (Sistema de Pagos en Moneda Local, SML [СМЛ]), решение о создании которых датировано 2006 г. [6]. Элементом межгосударственной кредитной поддержки в них выступают внутрисдневные обеспечительные (чрезвычайные) платежные лимиты центральных банков в эквиваленте 5 млн долл. и 120 млн долл. (между ЦБ Бразилии и Уругвая, и ЦБ Бразилии, и Аргентины, соответственно) [23]. Межбанковская часть расчетов осуществляется внутри национальных систем валовых расчетов по рыночному курсу – Аргентины (MER, Medio Electrónico de Pagos), Бразилии (STR, Sistema de Transferência de Reservas) и Уругвая (Sistema de Pagos Nacional), работающих в режиме реального времени и исполняющих денежные обязательства индивидуально по мере их поступления.

С учетом подобной технологии клиринга, того факта, что во всех этих странах центральные банки являются организаторами и владельцами этих систем и что участвующие в СМЛ банки проходят специальную процедуру авторизации, не было необходимости повышать нормы резервирования для таких операций, как для зарубежных. Для участников внешне-экономической деятельности СМЛ стала привлекательной, а платежи выгодными именно во время рыночной нестабильности. При укреплении бразильского реала в 2010 г. только в июне платежи в реалах через СМЛ выросли в 2,3 раза, что в годовом выражении в 2,7 раза превысило весь накопленный с запуска СМЛ объем. И наоборот, в мае 2010 г. после трех месяцев подряд синхронной девальвации аргентинского песо и реала размеры платежей только по трем импортным контрактам аргентинских компаний в 5 раз перекрыли значения всех предыдущих месяцев того же года, вместе взятых [24]. К августу 2015 г. накопленная сумма расчетов в СМЛ в бразильских реалах, аргентинских и уругвайских песо превысила 12 млрд по 41 618 торговым сделкам (на 1 августа 2015 г.) [25].

Для государств – участниц Боливарианского альянса АЛБА защитой от глобальных ценовых перекосов и курсовых колебаний призвана стать совместная расчетно-платежная инфраструктура СУКРЕ, конвенционную основу которой составили Декларация Маргариты об учреждении АЛБА (апрель 2007 г.) и 9 двусторонних соглашений «О кооперации в сфере энергетики». Дальнейшие договоренности коснулись и валютно-платежных условий внешнеторговых контрактов, и доступа банков стран-членов, и параметров работы совместных

институтов, и главное, что балансирует систему в отличие от СИКАП–АЛАДИ, механизма выравнивания стоимости одноименной единицы расчетов сукре сообразно макроэкономической ситуации в странах-участниках. В 2013 г. из единицы номинала единого расчетного счета сукре преобразуется в коллективное платежное средство с индивидуальным кодом в соответствии с ИСО 4217. Региональный валютный совет СУКРЕ устанавливает предельный размер эмиссии сукре на год, исходя из заявки стран-членов, обмен или выкуп которого за ликвидные обрабатываемые активы проводится по курсу* с поправкой на общий коэффициент с учетом динамики ВВП, индекса цен (потребительских и производителей) и т.д. всех стран-членов.

При этом участники системы — это и беднейшие экономики Боливии и Никарагуа, и высокочувствительные к изменениям внешнеэкономической конъюнктуры Эквадор и Венесуэла, и находящаяся в условиях экономической блокады Куба. Потому первые результаты функционирования СУКРЕ можно скорее отнести к успехам — это и оборот в 850 млн сукре в конце 2013 г. (эквивалентно 908 млн долл.) с момента первой эмиссии сукре 4 февраля 2010 г. [4, р. 40], и расширение зоны покрытия (в 2015 г. для Уругвая запущены вступительные процедуры, Сальвадор также выразил заинтересованность). Впечатляет также и скорость вовлечения делового сообщества в орбиту новых платежных отношений — с 6 сделок в 2010 г. до 2 094 в 2013 г. (520 % прироста в стоимостном выражении). И это при том, что только в конце февраля 2010 г. Боливия, Венесуэла, Куба и Никарагуа (Эквадор присоединился в 2011 г.) учредили Региональный валютный совет СУКРЕ, а к концу 2011 г. создали Клиринговую (компенсационную) палату и Фонд резервов и коммерческой конвергенции.

Для латиноамериканских стран не менее значимым подспорьем в расширении ресурсов развития, а в случае необходимости — и для предупреждения дефицита заемных средств как залога резистентности внутренних рынков и структур к внезапным остановкам капитала и сокращению мирового товарного спроса выступают многосторонние кредитные учреждения региона: от Банка внешней торговли Латинской Америки (Бладекс) со смешанной структурой собственности (16,4 % акций — у 23 центральных и государственных банков, 6,4 % — у частных компаний, 77,2 % — в свободном обращении на Нью-Йоркской фондовой бирже [3, с. 30]) и с самой рыночно ориентированной среди кредитных учреждений региона кредитной политикой (более чем 97 % средств, в том числе привлеченных на развивающихся рынках, размещает в активы на рынке США)** и Андской корпорации развития (КАФ) с участием 17 латиноамериканских государств, Испании и Португалии и 14 частных банков, до классических институтов финансирования развития (Межамериканский [МАБР] и Карибский [КБР] банки развития). Только на начальной фазе кризиса 2008–2010 гг. они выдали кредитов на общую сумму более 58,7 млрд долл., нарастив за 2011–2014 гг. кредитный портфель на 84 %, или до 107,7 млрд долл. [26]. Представляя при этом уникальный симбиоз возможностей по доступу к программам межгосударственного финансирования (у Бладекс, например, это экспортные гарантии ОЭСР с покрытием до 95 % коммерческих рисков, и соглашение о стратегическом партнерстве с Эксимбанком США и Обществом немецких экспортеров [3]) с преимуществами прямого подключения к международным денежным потокам, Бладекс и КАФ уже в 2008 г. опережали МАБР, дочернюю структуру Всемирного банка.

Таким образом, Латинская Америка стала своеобразной кузницей инноваций прежде всего в сфере международных платежно-расчетных отношений под влиянием финансовой глобализации и особенно ее негативных проявлений во внешней торговле и на рынках капитала. Их ориентир — минимизация издержек ВЭД, а значит — стимулирование деловой активности как залога динамичного роста и преодоления слабостей развития. Многообразие институтов сотрудничества в валютно-финансовой сфере латиноамериканских государств и их настройка сообразно потребностям участников — признак не только гибкости, но и все чаще ответ на ограничения доступа на рынки капитала и глобальные дисбалансы.

* Первоначально определенный курс сукре в долларовом эквиваленте составлял 1,25.

** Например, в 2014 г. в структуре фондирования 54 % пришлось на развивающиеся рынки Латинской Америки и Азии и 41 % — на США и Европу.

ЛИТЕРАТУРА

1. ALADI. Evaluación del financiamiento del sistema de pagos en el año 2009. ALADI/SEC/di 2325, 23 de Marzo de 2010.
2. ALADI. Evaluación del financiamiento del sistema de pagos en el año 2009. ALADI/SEC/di 2631, 20 de Marzo de 2015.
3. Bladex. Annual Report 2015.
4. Consejo Monetario Regional del SUCRE. Informe de Gestión Año 2013.
5. G20. Declaration on strengthening the financial system. London, 2009, 2 April. URL: http://www.g20.org/pub_communiques.aspx
6. MERCOSUR. MERCOSUR /CMC/DEC. № 38/2006.
7. McKinsey Global Institute. Financial Globalization: Retreat or Reset? Global Capital Markets 2013.
8. IMF. World Economic Outlook: Uneven Growth: Short- and Long-Term Factors. – Washington DC: International Monetary Fund, 2015, 7 April.
9. Regulamento operacional de 31/10/2014 do Sistema de Pagamentos em Moeda Local entre o Brasil e o Uruguai.
10. The World Bank. Global Economic Prospects. Crisis, Finance, and Growth. – Washington DC, January 2010.
11. The World Bank. Global Economic Prospects. Uncertainties and Vulnerabilities. – Washington DC, January 2012.
12. The World Bank. Global Economic Prospects. The Global Economy in Transition. – Washington DC, June 2015.
13. Volz, Ulrich. The need and scope for strengthening cooperation between Regional Financing Arrangements and the IMF. Discussion Paper. 2012, DIE.
14. Хмелевская Н.Г. Интеграция валютных рынков стран Латинской Америки в современных условиях // Латинская Америка. 2001. № 10. – С. 25–35.
15. Хмелевская Н.Г. Торговая интеграция в Mercosur VS инфраструктурная интеграция в Тихоокеанском альянсе // Латинская Америка. 2015. № 2. – С. 48–58.
16. Рассчитано автором по: World Bank Open Data <http://data.worldbank.org/> (с учетом прогноза на 2015 г.).
17. Рассчитано автором по данным ЦБ Бразилии: [Электронный ресурс]. <http://www.bcb.gov.br/pt-br/paginas/default.aspx>
18. Рассчитано автором по: International Trade Centre Trade Map. [Электронный ресурс]. <http://www.trademap.org/Index.aspx>
19. Рассчитано автором по: International Trade Centre Investment Map. [Электронный ресурс]. <http://www.investmentmap.org>
20. Ibidem.
21. Ibidem.
22. См. подробнее: Fondo Latinoamericano de Reservas – 2012, January 2013.
23. См. подробнее: Regulamento operacional de 23/05/2014 do sistema de pagamentos em moeda local, Regulamento operacional de 31/10/2014 do Sistema de Pagamentos em Moeda Local entre o Brasil e o Uruguai.
24. Рассчитано автором по данным ЦБ Бразилии: Sistema de Pagamentos em Moeda Local – SML. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bcb.gov.br/?SMLESTATARS>
25. Ibidem.
26. Рассчитано автором по: Annual reports. IADB, CDB, BCEI, BLADEx, CAF, 2014.

Ж.М. ЧЕКОВА

РЕФОРМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН КАК ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БРАЗИЛИИ

В статье рассмотрена проблематика реформы Совета Безопасности ООН. Изучены существующие на сегодняшний день проекты его расширения, позиции по этому вопросу его пяти постоянных членов и основных инициативных групп. Реформа Совета Безопасности проанализирована как один из приоритетов внешней политики Бразилии. Исследована стратегия Бразилии, направленная на получение места постоянного члена обновленного Совета Безопасности ООН.

Ключевые слова: Бразилия, реформа Совета Безопасности ООН.

El artículo aborda las cuestiones de la reforma del Consejo de Seguridad de la ONU. El autor analiza las iniciativas de su ampliación, así como las posiciones de sus cinco miembros permanentes y de los países interesados en poner en marcha dicho proceso. La reforma del Consejo de Seguridad de la ONU es considerada como una de las prioridades de la política exterior brasileña. El autor examina la estrategia brasileña dirigida a obtener el estatuto del miembro permanente del Consejo de Seguridad de la ONU.

Palabras clave: Brasil, la reforma del Consejo de Seguridad de la ONU.

The article deals with the issue of the UN Security Council reform. The author considers the currently existing expansion initiatives, as well as the positions of the five permanent members and the main countries interested in launching the process. The UN Security Council reform is analyzed as one of the priorities of Brazilian foreign policy, so special emphasis is laid on the role of the Latin American giant in this process. The author examines the Brazilian strategy aimed at obtaining a permanent seat in the UN Security Council.

Key words: Brazil, UN Security Council reform.

В исторически сформировавшейся иерархии приоритетов внешней политики Бразилии традиционно высокое место занимает реформа международного порядка. Ее цель — сделать этот порядок более справедливым, чтобы решения глобального значения принимались не пятью великими державами — постоянными членами Совета Безопасности ООН, а более репрезентативным органом, включающим в себя широкий спектр государств. С начала XXI в. эта цель становится главной среди различных направлений международно-политической деятельности Бразилии. В этой связи одной из задач дипломатии страны становится поиск союзников, которые поддержали бы ее в деле глобальной международно-политической реформы, поэтому ставка делается на укрепление связей со странами БРИКС и «Группы четырех». Не менее важной задачей становится и региональная интеграция (МЕРКОСУР, УНАСУР, СЕЛАК): стремление Бразилии занять постоянное место в Совете Безопасности выглядит более оправданным, если она выдвигает свою кандидатуру от целого региона — Латинской Америки.

Структура Совета Безопасности ООН была определена в середине XX в. в соответствии с реалиями того времени. Так, пять постоянных мест заняли великие державы-победи-

тельности: Великобритания, Китай, СССР, США, Франция. Им также было дано исключительное право вето, с помощью которого они могли заблокировать любую резолюцию Совета в индивидуальном порядке. Непостоянных мест первоначально было одиннадцать, но в 1963 г. состав Совета Безопасности был расширен (число непостоянных членов было увеличено с 11 до 15). Причина этой реформы заключалась в необходимости адаптации Совета к изменившейся ситуации: к 1963 г. число стран — членов ООН возросло с 51 до 114 государств.

В конце XX в. в мире произошли новые серьезные перемены: увеличилось число независимых государств, стремившихся участвовать в управлении международными процессами. Более того, изменения претерпела вся система международных отношений. Эпоха биполярности осталась в прошлом, на смену ей пришел полицентричный мир, организационное оформление которого еще не закончилось. Как политические круги, так и экспертное сообщество давно признают необходимость адаптации Организации Объединенных Наций к новому миропорядку, исключительную важность проведения полномасштабной реформы ООН, которая повысила бы легитимность и эффективность единственной по-настоящему универсальной международной организации.

Формирование основных инициативных блоков стран, заинтересованных в реформе ООН и выработавших единую позицию по данному вопросу, произошло в 2004–2005 гг., накануне Всемирного саммита. Так была создана «Группа четырех» в составе Бразилии, Германии, Индии и Японии, которая выдвинула проект резолюции L64 с предложением создать в СБ ООН шесть новых постоянных мест (четыре — для стран группы и два — для африканских стран) с правом вето через 15 лет после вступления реформы в силу, а также четыре непостоянных места.

В ходе 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН страны «четверки» подготовили проект рамочной резолюции о расширении СБ в обеих категориях — постоянных и непостоянных членов. Необходимого числа сторонников найти тогда не удалось, и проект так и не был поставлен на голосование. Тем не менее «группа четырех» по-прежнему считает, что ее инициатива должна рассматриваться как основа для дальнейшей дискуссии на переговорах.

16 февраля 2005 г. страны т.н. «Кофейного клуба» (Италия, Испания, Аргентина, Канада, Люксембург, Южная Корея, Пакистан), к которым примкнули Катар, Турция, Коста-Рика, Марокко, Сан-Марино, ОАЭ, Бангладеш и Лига арабских государств, приняли документ «Объединившиеся ради консенсуса» (впоследствии он дал название группе). В нем была выражена общая позиция группы по реформе ООН, которая сводилась к поддержке «Модели Б», предложенной Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (предусматривалось создание одного непостоянного места и восьми мест новой категории, со сроком полномочий 4 года и возможностью переизбрания). Позднее «Объединившиеся ради консенсуса» предложили проект резолюции L68, содержавший видоизмененную «Модель Б»: предполагалось создать десять мест новой категории со сроком полномочий два года и правом немедленного переизбрания [1, р. 6].

Сформировалась также и единая позиция у государств африканского континента. Предлагалось создать два постоянных места с правом вето (определение новых постоянных членов должно было происходить в рамках Африканского союза) и дополнительные непостоянные места для африканских стран. Право вето, по мнению африканцев, должно быть упразднено, но до тех пор, пока этого не произошло, новые постоянные члены, включая африканских, должны пользоваться им в полном объеме [2, р. 7].

Накануне Всемирного саммита 2005 г. страны «Группы четырех» были уверены, что смогут получить для своего проекта 150 голосов членов Генеральной Ассамблеи ООН, если им удастся убедить африканские страны отказаться от притязаний на право вето. Однако сделать этого не удалось, поэтому надежды, возлагавшиеся на саммит, не оправдались. Итоговая декларация не содержала никаких конкретных положений о реформе Совета Безопасности.

Межправительственные переговоры по реформе Совета Безопасности ведутся в Нью-Йорке с 19 февраля 2009 г. Состоялось десять раундов переговоров, в ходе которых обсуждались ключевые аспекты реформы:

- категории членства (количество постоянных и непостоянных членов, введение третьей категории членов, возможность немедленного переизбрания);
- право вето (сохранение его за пятью постоянными членами или расширение этой ка-

- тегории участников Совета, отмена или ограничение применения);
- справедливое распределение мест между регионами (подотчетность новых членов Совета регионам, которые они представляют);
- размер и рабочие методы Совета Безопасности;
- отношения Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи (роль Генеральной Ассамблеи в обеспечении международного мира и безопасности) [3].

В конце 2014 г. новым куратором межправительственных переговоров по реформе Совета стал постоянный представитель Ямайки К. Раттрэй [4], который считал необходимым активизировать усилия по подготовке резолюции, содержащей конкретные меры по реформе ООН, к 70-летию юбилею организации. 25 марта 2015 г. он представил проект рамочной резолюции по данному вопросу и обратился ко всем странам — членам ООН с просьбой представить свои позиции и соображения до середины апреля [5]. Сложность заключается в том, что многие страны (в том числе Россия) возражают против т.н. «краткого переговорного текста» (инициатива К. Раттрэя) и считают, что итоговый документ должен быть выработан непосредственно участниками переговоров в ходе кропотливой работы, а не координатором переговоров [6].

В ходе 69-й сессии «Группа четырех» активизировала усилия по ускорению переговорного процесса. Ее участники выступили с единым мнением о необходимости начала нового раунда межправительственных переговоров о реформе ООН с уже готовым предварительным текстом резолюции. Они по-прежнему считают, что любое промедление в данном процессе грозит «эрозией авторитета и легитимности Совета Безопасности» и уже давно сомневаются в его эффективности. «Группа четырех» выразила поддержку К. Раттрэю и его действиям по активизации переговорного процесса [7].

* * *

Бразилия, стоявшая у истоков создания ООН, сыграла важную роль в процессе ее становления: ее представители наряду с первыми 50 членами ООН участвовали в работе Учредительной конференции ООН в Сан-Франциско и подписали хартию Сан-Франциско. Как подчеркивала российский исследователь Л.С. Окунева, глава делегации Бразилии в ООН Освальду Аранья в апреле 1947 г. был избран председателем первой Специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН. С тех пор ежегодные сессии Генеральной Ассамблеи ООН традиционно открываются выступлением представителя Бразилии [26, с. 31].

Ныне Бразилия выступает за реформирование ООН, придание ей большего динамизма и, прежде всего, — за расширение Совета Безопасности. Президент Бразилии Д. Руссефф считает реформирование ООН и ее Совета Безопасности важнейшей задачей, выполнения которой Бразилия будет добиваться на международной арене. По ее словам, эта южноамериканская страна принимает участие во всех усилиях международного сообщества, будь то ближневосточный мирный процесс или работа по сокращению выбросов вредных веществ в атмосферу [8, с. 238].

Бразильцы выступают за совершенствование деятельности ООН, ее адаптацию к новым мировым реалиям. При этом они исходят из нежелательности свертывания объема нынешней деятельности организации, особенно на направлениях социально-экономического развития. Являясь одним из крупнейших вкладчиков в бюджет ООН, Бразилия ставит вопрос о целесообразности оптимизации деятельности Организации и сокращения ее расходов. Бразильская администрация проявляет готовность к обсуждению т.н. «промежуточного» варианта расширения Совета Безопасности, выступает за оживление дискуссии вокруг проекта в рамках самого органа.

Следует помнить, что необходимым условием для реализации любого проекта реформы является согласие постоянных членов Совета Безопасности, поэтому представляется крайне важным рассмотреть их позиции на современном этапе.

Великобритания, Китай, Россия, США и Франция исходят из четырех принципов, на которых должна основываться реформа. Она должна носить ограниченный характер и не снижать эффективности СБ ООН, не должна затронуть нынешние prerogatives постоянных членов (в частности, право вето). Исключительно важно, чтобы возможные постоянные члены показали свою способность вносить вклад в обеспечение международного мира и

безопасности. Реформированный Совет Безопасности должен сам определять свои методы работы. Постоянные члены Совета едины во мнении по поводу данных принципов, однако не имеют общей позиции ни по формату реформы, ни по кандидатам на постоянные места.

Россия считает необходимым поиск такой модели расширения Совета Безопасности, которая пользовалась бы широким согласием государств-членов, гораздо более значительным, чем две трети голосов, необходимых для принятия решений в Генассамблее. Россия рассматривает Бразилию как одного из достойных и сильных кандидатов для вхождения в состав постоянных членов реформированного Совета, если будет принято решение о расширении в обеих категориях. Одним из возможных вариантов осуществления реформы Россия считает промежуточную модель, которая предполагает увеличение численного состава Совета Безопасности только в категории непостоянных членов до 25–26 с удлинённым сроком пребывания в Совете и возможностью немедленного переизбрания, то есть создание категории «полупостоянных» членов. Учитывая сохраняющиеся принципиальные разногласия по реформе Совета Безопасности, Россия сейчас не видит альтернативы продолжению переговорного процесса в Нью-Йорке по всем имеющимся предложениям без искусственного сужения повестки дня [9].

Позиция другого постоянного члена – США – схожа с российской в том отношении, что кандидаты на постоянные места в Совбезе должны быть определены заранее, до запуска процесса реформы. Американцы исключают, таким образом, возможность рамочной резолюции, то есть документа о запуске реформы в целом, без конкретизации кандидатур на постоянные места. Из стран «Группы четырех» США выразили поддержку кандидатурам Индии и Японии, в то же время выступили против Германии, которая не поддержала их по иракскому вопросу в 2003 г.

Франция и Великобритания выразили открытую поддержку проекту «Группы четырех» и подписали соответствующий проект резолюции. Великобритания также предлагает вынести на рассмотрение кандидатуру африканской страны на постоянное место в расширенном Совете, а Франция выступает за предоставление одного места арабской стране [10]. Поскольку на переговорах по реформе нет прогресса уже несколько лет, Англия и Франция предложили так называемый «промежуточный вариант» реформы [11], который позволил бы выйти с конкретными результатами к 70-й годовщине ООН. Такая открытость европейских стран к реформе органа объясняется тем, что они боятся оказаться в проигрыше, если Совет потеряет легитимность (непредставительный – нелегитимный), и боятся «попасть под сокращение» (существует идея, что Европейский союз должен быть представлен в Совете Безопасности только одной страной).

Наиболее скептическую позицию по реформе ООН занимает Китай. Официальная позиция властей заключается в том, что Совет Безопасности должен быть реформирован на основе принципа справедливого географического распределения, причем они настаивают, что одно постоянное место должна получить африканская страна. Реформа ООН должна заключаться не только в увеличении числа постоянных членов, но и в предоставлении небольшим странам права играть большую роль в международных отношениях [12, р. 14]. Китаю импонирует предложение «Объединившихся ради консенсуса» о том, что постоянные места должны предоставляться регионам, а не странам (а в дальнейшем страны на этих местах будут чередоваться между собой). Китай выступает против установления каких бы то ни было сроков окончания переговоров. Кроме того, Китай стремится увязать реформу Совета с более широкой реформой всей ООН. Китайские представители настаивают, что все пять пунктов реформы ООН (изложенные в Решении 62/557) неразрывно связаны между собой, и прогресс по каждой в отдельности невозможен (например, только по созданию новых постоянных мест).

Что же касается конкретных кандидатур на постоянные места, китайцы не поддерживают проект «Группы четырех», выступая категорически против Германии и Японии. Следует отметить, что хотя Китай и считает Бразилию сильным актором международных отношений, который мог бы играть более деятельную роль в ООН, все же он старается не связывать себя никакими обещаниями поддержки южноамериканцев.

Таким образом, становится очевидным, что позиция постоянных членов Совета выглядит весьма двойственной. С одной стороны, они уже выражают открытую поддержку проектам реформы, даже конкретным странам, а с другой стороны, эта поддержка остается только на

словах. На деле же они заняли выжидательную позицию и никаких действий для запуска процесса реформы не предпринимают.

Кроме того, группе противников расширения Совета Безопасности удалось создать две дополнительные сложности для процесса реформирования: Резолюция 53/30 (документ, принятый в 1998 г., в соответствии с которым любые решения, связанные с реформой ООН, должны приниматься большинством в 2/3 голосов) и Решение 62/557 (документ, принятый в 2008 г., в соответствии с которым принят «пакетный» подход к реформе, то есть все 5 ее аспектов рассматриваются в комплексе, для принятия окончательной резолюции необходим консенсус по всем направлениям). Таким образом, к политическим разногласиям добавились юридические и процессуальные препятствия, что сдерживает ход реформы. Разрубить этот гордиев узел можно будет при наличии ряда факторов. Во-первых, если произойдет эрозия легитимности Совета Безопасности или Совет зайдет в тупик при принятии решений, это вызовет новую волну дискуссий о необходимости приведения международной структуры в соответствие с новыми реалиями. Во-вторых, если страны, непосредственно заинтересованные в расширении Совета, станут увязывать свое участие в работе органа с продвижением переговоров по его реформе.

В первом случае речь идет о том, что уже сейчас появились сомнения в возможностях органа работать по всему спектру новых тем и вызовов в условиях, когда он не отличается представительностью, да и в процессе принятия решений не участвуют все его члены. Закулисные обсуждения странами «пятерки» всех тем, особенно наиболее чувствительных, типа иранской ядерной программы, говорят о недостаточной прозрачности в работе органа и усиливают у других стран членов чувство их исключенности из процесса принятия решений.

Во втором случае необходима скоординированная позиция стран, призывающих к реформе, с тем чтобы они могли оказать необходимое давление на постоянных членов. Одно из радикальных решений в рамках данного варианта: если страны — члены Генеральной Ассамблеи ООН просто перестанут избирать непостоянных членов, откажутся от участия в инициативах, представляющих интерес для постоянных членов, не будут участвовать в открытых дебатах Совета Безопасности. Пример подобного демарша — поведение делегации Саудовской Аравии, которая была избрана непостоянным членом на 2014–2015 гг. Страна отказалась от места непостоянного члена, пока «Совет Безопасности не будет реформирован и наделен средствами, необходимыми для эффективного выполнения его функций и обязанностей по поддержанию международного мира и безопасности». Риск такого варианта — обострение кризиса международной системы.

* * *

При помощи SWOT-анализа рассмотрим, какая внешнеполитическая стратегия будет наиболее эффективной для Бразилии в сложившихся условиях.

Таблица 1

	Позитивные факторы	Негативные факторы
Внутренняя среда	Сильные стороны (S) 1) Наличие обширного ресурсного потенциала: - финансирование ООН, - предоставление военного контингента; 2) Политическая воля руководства реформировать ООН; 3) Богатый опыт международного посредничества: - отсутствие жизненно важных интересов в ключевых узлах противоречий.	Слабые стороны (W) 1) Наличие внутренних проблем экономического и социального характера: - экономическая стагнация, - бедность, разрывы в доходах, низкий уровень образования и здравоохранения; 2) Пассивная позиция по многим острым вопросам международной повестки дня в угоду двусторонним отношениям; 3) Неблагоприятный политический контекст (вскрывшийся коррупционный скандал, резкое падение рейтингов президента, разговоры об импичменте).

Внешняя среда	Возможности (О)	Угрозы (Т)
	1) Наличие более инициативных союзников по «Группе четырех»; 2) Осознание мировым сообществом необходимости реформы + снижение эффективности и эрозия легитимности Совета Безопасности.	1) Нежелание большинства постоянных членов расширять Совет Безопасности; 2) Отсутствие единого проекта реформы как основы для успешного переговорного процесса; 3) Непризнанность регионального лидерства Бразилии (наличие политических конкурентов, которые также хотят выдвинуться от региона, в лице Мексики и Аргентины).

Таблица 2

I. Сильные стороны — Возможности	II. Сильные стороны — Угрозы
1) Политическая воля руководства Бразилии + Осознание мировым сообществом необходимости реформы и эрозии легитимности Совета Безопасности; 2) Политическая воля руководства Бразилии + Наличие более инициативных союзников по «Группе четырех».	1) Наличие обширного ресурсного потенциала VS нежелание постоянных членов расширять состав Совета Безопасности; 2) Наличие обширного ресурсного потенциала VS непризнанность регионального лидерства Бразилии; 3) Политическая воля руководства Бразилии VS отсутствие единого проекта реформы; 4) Опыт и потенциал эффективного международного посредника VS нежелание постоянных членов расширять состав Совета Безопасности.
III. Слабые стороны — Возможности	IV. Слабые стороны — Угрозы
1) Пассивная позиция по многим острым вопросам международной повестки дня VS наличие более инициативных союзников по «Группе четырех»; 2) Пассивная позиция по многим острым вопросам международной повестки дня vs. Осознание международным сообществом необходимости реформы; 3) Негативный внутривнутриполитический и экономический фон VS наличие более инициативных союзников по «Группе четырех».	1) Пассивная позиция по многим острым вопросам международной повестки в угоду двусторонним отношениям + Отсутствие единого проекта реформы; 2) Пассивная позиция по многим острым вопросам международной повестки + Нежелание постоянных членов расширять состав Совета Безопасности; 3) Наличие внутренних проблем экономического и социального характера + Непризнанность регионального лидерства Бразилии; 4) Неблагоприятный внутривнутриполитический контекст + Нежелание постоянных членов расширять состав Совета Безопасности.

В своей стратегии по получению места постоянного члена Совета Безопасности ООН Бразилии необходимо использовать сильные аспекты внутреннего потенциала в сочетании с положительным влиянием внешней среды (Табл. 2, п. I). Так, международное сообщество давно осознает и признает необходимость проведения полномасштабной реформы ООН, в том числе расширения ее Совета Безопасности, то есть для деятельности политического руководства Бразилии, которое давно заинтересовано в повышении статуса страны, уже существует благоприятная среда. Кроме того, страна имеет активных и инициативных союзников в лице «Группы четырех» — государств, предъявляющих наиболее четкие и обоснованные претензии на постоянные места в расширенном Совете Безопасности. Для эффективного осуществления собственной стратегии на данном направлении Бразилии стоит сделать акцент на этих двух факторах. Например, предпринимать конкретные действия в составе «Группы четырех» для запуска процесса реформы, не упуская возможности во внешнеполитическом дискурсе отразить необходимость скорейшего проведения реформы, поскольку дальнейшее промедление грозит потерей авторитета всей ООН в части, касающейся обеспе-

чения мира и безопасности. Рассмотрев деятельность Бразилии в ООН, можем констатировать, что примерно такой стратегии страна и следует.

Однако Бразилия может получить дополнительные преимущества, если с помощью внутренних сильных сторон нейтрализует внешние угрозы (Табл. 2, п. II). Так, потенциальное преимущество Бразилии в борьбе с нежеланием постоянных членов предпринимать конкретные шаги для расширения Совета Безопасности — ее богатый опыт международного посредничества, накопленный еще со времен Центральноамериканского конфликта. С 1983 г. страна принимала непосредственное участие в его урегулировании в составе группы поддержки Контадоры [13, р. 153]. В рамках латиноамериканского региона Бразилия уже заслужила себе имидж ответственного посредника, участвуя в урегулировании межстрановых и внутригосударственных конфликтов между Эквадором и Перу, в Парагвае, в Гондурасе [14].

В последнее время Бразилия пробует себя в роли международного посредника в конфликтных ситуациях и за рамками собственного региона. Так, весной 2010 г. президент Л.И. Лула да Силва был посредником на переговорах между президентом Ирана М. Ахмадинежадом и премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом, которые завершились достижением договоренности об отправке 1,2 тыс. кг урана в Турцию для хранения и последующего 20 %-го обогащения Россией и Францией, достаточного для использования в мирных целях. Посредничество Бразилии сыграло важную роль, поскольку ранее МАГАТЭ уже делала аналогичное предложение Ирану, однако последний отказывался от идеи обогащения урана за пределами своей территории без твердых гарантий его возвращения. Посредничество Бразилии дало отсрочку для организации конструктивного диалога по ядерной программе, который в перспективе привел к конкретным результатам.

Становится очевидным, что потенциал Бразилии в деле урегулирования международных политических кризисов может быть использован на глобальном уровне, особенно учитывая эпизоды бездействия Совета Безопасности ввиду отсутствия консенсуса по острым международным проблемам последних лет. Кроме того, этот потенциал должен служить аргументом в пользу регионального лидерства Бразилии, до настоящего момента оспариваемого Аргентиной и Мексикой, которые не зарекомендовали себя подобным образом.

Бразилия обладает обширным ресурсным потенциалом (природные, человеческие, финансовые и другие ресурсы); если она сделает ставку на его расширение (например, в сфере высоких технологий, ВПК), то выйдет на качественно новый уровень по сравнению с другими странами региона, что добавит объективные аргументы для признания ее регионального лидерства ближайшими соседями.

Некоторые аспекты этого потенциала, в частности экономический и военный, уже активно задействованы в ООН и дают стране неоспоримое преимущество в борьбе за региональное лидерство. Так, Бразилия занимает 10-е место по доле в финансировании организации: в 2013 г. ее индивидуальный вклад в совокупный бюджет ООН составил 2,934 % — второй по величине среди развивающихся стран после Китая [15].

Кроме того, Бразилии удалось зарекомендовать себя как ответственного члена международного сообщества в сфере миротворчества. В речи бразильского представителя на открытии очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1994 г. впервые озвучивается связь между бразильской претензией на место в Совете Безопасности ООН и активизацией участия страны в международных делах [16, р. 214]. С тех пор Бразилия стала играть более важную роль в операциях по поддержанию мира. По состоянию на 2015 г. Бразилия принимает участие в 11 из 16 миссий ООН, предоставляя как военный, так и гражданский персонал [17]. Несмотря на сравнительно небольшую численность предоставляемого бразильцами контингента (20-е место [18]), по количеству миссий, в которых страна участвовала, она занимает 12-е место в мире (опережая даже постоянных членов Совета Безопасности ООН, кроме России). По другому параметру участия в миротворчестве под эгидой ООН — финансирование операций по поддержанию мира, Бразилия занимает 11-е место (за 2013–2015 гг.) [19], серьезно опережая всех остальных представителей латиноамериканского региона.

Политическая воля руководства Бразилии запустить реформу Совета Безопасности — также потенциальное преимущество для преодоления разногласий членов ООН по проекту будущей реформы. Бразильцам следует сделать акцент не на принятии в Генеральной Ассамблее рамочных резолюций о начале реформы, а на переговорах для выработки единого

проекта, в частности со странами африканского континента. Их поддержка дала бы «Группе четырех» и Бразилии, в частности, серьезное преимущество на голосовании в противовес проекту группы «Объединившихся ради консенсуса».

Активная внешнеполитическая работа на этом направлении была начата при Л.И. Луле да Силве, и ключевым ее инструментом была президентская дипломатия.

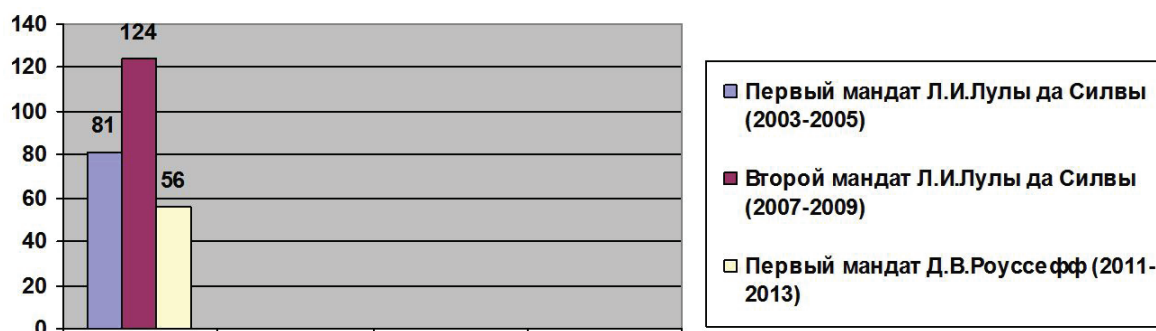

Рис. 1. Зарубежные поездки Президентов Бразилии Л.И. Лулы да Силвы и Д. Руссефф за первые три года президентского срока (каждого из них, соответственно) [20].

Динамизм дипломатии Л.И. Лулы да Силвы, особенно возросший во время его второго мандата, не принес существенных результатов. Напротив, некоторые страны, называемые им «стратегическими партнерами» (члены БРИКС, некоторые государства Латинской Америки), отказывают Бразилии в столь важной для нее поддержке по ключевым вопросам. С приходом к власти Д. Руссефф можно констатировать значительное снижение количества зарубежных поездок, связанное как с личными особенностями нового президента, так и с внутренней социально-экономической обстановкой.

Л.И. Лула да Силва делал также ставку на укрепление двусторонних связей через сеть посольств.

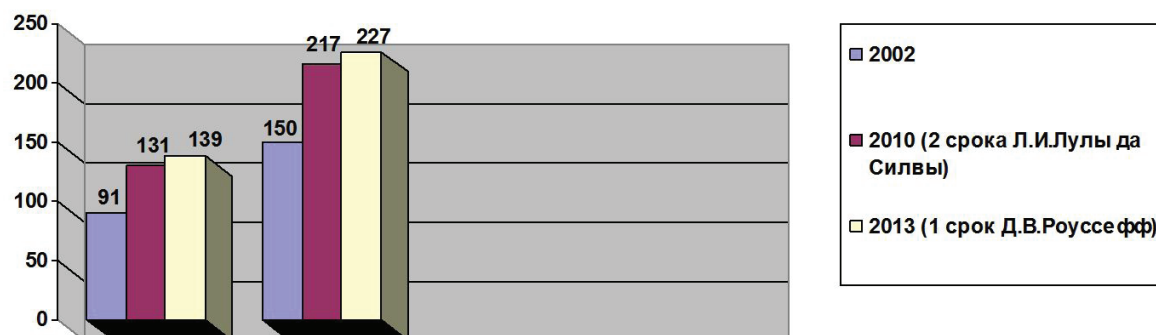

Рис. 2. Статистика открытия новых посольств (первая колонка) и дипломатических миссий в целом (вторая колонка) во время двух президентских сроков Л.И. Лулы да Силвы и первого президентского срока Д. Руссефф [21].

При Д. Руссефф, которая провозгласила континуитет по отношению к внешней политике Л.И. Лулы да Силвы, темпы открытия новых бразильских представительств за рубежом замедлились. «В то время как Лула открыл множество посольств на африканском континенте, есть информация, что Дилма собирается закрыть некоторые из них» [22, р. 17]. Причина в том, что благоприятная экономическая конъюнктура сменилась кризисом, спадом темпов роста национальной экономики, торможением социальных программ из-за бюджетных ограничений и, как следствие, — недовольством населения лишними расходами на внешнюю политику.

Этот и другие негативные факторы внутренней среды, в частности пассивная позиция, которую Бразилия занимает по многим вопросам международной повестки дня для того,

чтобы избежать обострения двусторонних отношений с рядом стран, может быть компенсирована за счет положительного влияния некоторых факторов внешней среды (Табл. 2, п. III). Во-первых, речь идет о наличии более инициативных союзников Бразилии по «Группе четырех», а во-вторых, об осознании международным сообществом необходимости реформы. Оба аспекта так или иначе способствуют запуску реформы, несмотря на то, что за счет неоднозначности своей позиции по многим вопросам международной повестки, Бразилия не всегда выглядит активным участником деятельности ООН и международных отношений в целом.

Для страны характерно занимать выжидательную, нейтральную позицию по наиболее острым международным проблемам, что зачастую воспринимается партнерами как нерешительность, отсутствие четкой позиции по тому или иному вопросу. Наиболее ярким примером может служить подход Бразилии к урегулированию сирийского кризиса. С одной стороны, бразильцы считают, что выход может быть найден только посредством политического процесса, руководить которым должны сами сирийцы. При этом они воздержались при голосовании по Резолюции 67/63 Генеральной Ассамблеи ООН. Во-вторых, традиционно высокое место в списке внешнеполитических приоритетов Бразилии занимает защита прав человека, и страна осуждает многочисленные нарушения, происходящие по вине любой из сторон конфликта. Однако бразильцы воздержались при голосовании в Совете по правам человека по резолюции о ситуации с правами человека в Сирии. Аналогичное решение было принято и на голосовании по резолюции в отношении Ирана [23].

Сочетание некоторых слабых аспектов внутреннего развития Бразилии и факторов негативного влияния внешней среды ограничивает возможности проведения эффективной стратегии по получению места постоянного члена Совета Безопасности (Табл. 2, п. IV). Так, выжидательная и неоднозначная позиция Бразилии по некоторым острым вопросам международной повестки дня в угоду двусторонним отношениям с определенными странами не всегда представляется оправданной, поскольку консенсус по единому проекту реформы так и не был достигнут. Это может означать, что-либо ставка на тесные двусторонние связи не работает (сотрудничество со странами развивается, но не достигается цель поддержки кандидатуры Бразилии в постоянные члены расширенного Совета Безопасности), либо партнерские отношения установлены с недостаточным количеством стран.

Эта же характерная особенность внешней политики Бразилии (пассивная, выжидательная позиция), а также ее неблагоприятный внутриполитический фон лишь усиливают нежелание постоянных членов Совета Безопасности принимать страну в свои ряды в качестве постоянного члена. Согласно их позиции, выглядит нелогичным принимать в постоянный состав органа государство, которое не способно быстро и эффективно принимать решения в кризисных ситуациях (а это главная задача Совета Безопасности), или же государство с нестабильной внутриполитической системой. Дело в том, что после раскрытия в 2014 г. крупного коррупционного скандала в государственной корпорации «Петробраз», в котором оказались замешаны представители политических кругов (в частности, близкие к президенту Д. Руссефф и правящей Партии трудящихся), предельно возрос градус недовольства бразильского населения нынешней администрацией: в ходе многочисленных демонстраций не раз звучали призывы к импичменту, которого требовали и наиболее радикальные политические движения.

Также нельзя забывать о проблемах социально-экономического характера, с которыми Бразилия столкнулась в 2014–2015 гг. (снижение темпов экономического роста, падение курса реала, необходимость сокращения бюджета за счет затрат на социальную сферу, что неизбежно вызывает недовольство населения) и которые повлияли на внешнюю политику: сократилось число зарубежных визитов, урезан штат дипломатических сотрудников, сокращено число бюджетных мест для обучения в Институте Рио-Бранко, где проходят подготовку будущие бразильские дипломаты. Эти проблемы подрывают престиж страны как на международной арене (фактор потенциально может вызвать сомнения у стран — членов ООН в том, способна и достойна ли Бразилия занять место постоянного члена Совета Безопасности), так и внутри региона. Бразильское региональное лидерство в экономической сфере признается до сих пор, несмотря на значительное ухудшение экономической ситуации и неутешительные прогнозы стагнации на ближайшую перспективу. Однако лидерство в по-

литической сфере не признавалось основными конкурентами — Аргентиной и Мексикой, — даже когда Бразилия была на подъеме. Учитывая тесную взаимосвязь политики и экономики в современном мире, велика вероятность, что сейчас, когда экономический рост почти остановился, лидерство страны будет оспариваться еще активнее.

На наш взгляд, с учетом всех данных SWOT-анализа, для достижения упомянутой цели — постоянное членство в Совете Безопасности ООН — Бразилии следует придерживаться стратегии «подогревания» международной дискуссии о необходимости скорейшего реформирования ООН и ведения более активной деятельности в рамках «Группы четырех» с целью согласования конкретного, единого проекта реформы, который получил бы поддержку большинства стран-членов. Следует отметить, что в деле реформы Совета Безопасности ключевым моментом служит позиция его постоянных членов, на изменении которой в пользу однозначного согласия стоит сделать акцент. Наконец, в краткосрочной перспективе наиболее важным представляется преодоление трудностей внутреннего развития — политических и социально-экономических, — которые ограничивают возможности участия Бразилии в международных делах и проведения активной внешней политики.

Некоторые исследователи отмечают, что «привязка» Бразилией себя к «Группе четырех» скорее понижает, чем повышает ее шансы на попадание в число постоянных членов Совета Безопасности [24, с. 102]. Известно, что КНР возражает не столько против членства Бразилии и Индии в Совете, сколько против кандидатуры Японии. Принятие же в постоянные члены Совета Германии заведомо проблематично в связи с тем, что там и так уже присутствуют два представителя от ЕС — Великобритания и Франция. Отсюда вытекает высокая вероятность того, что, снизив свою активность в «Группе четырех», Бразилия может начать целенаправленно усиливать морально-психологическое давление на Китай с целью побудить его скорректировать свою позицию, в том числе и через неформальные структуры БРИКС при активной опоре там на своих партнеров по ИБАС — Индию и ЮАР [25, с. 102].

Однако нельзя забывать, что для запуска реформы необходимы положительные голоса 2/3 стран — членов Генеральной Ассамблеи ООН. Это означает, что в краткосрочной перспективе Бразилии невыгодно дистанцироваться от союзников по «Группе четырех» и следует сконцентрировать дипломатические усилия на поиске сторонников среди стран африканского континента, не представленных в Совете Безопасности и заинтересованных в его реформе.

Каким бы ни был исход переговоров по реформе ООН, представляется маловероятным, что в обозримом будущем привилегированный статус пяти постоянных членов будет изменен. Наиболее вероятен вариант с третьей категорией членов, которые будут иметь более широкие права и полномочия, чем непостоянные члены, но все же не смогут в индивидуальном порядке блокировать решения Совета Безопасности. Такая альтернатива рассматривается бразильским руководством как одна из возможных, поскольку, безусловно, повысит легитимность и авторитет организации, но не устраивает страну в полной мере. Осуществление главного приоритета бразильской внешней политики станет возможным в случае, если произойдут кардинальные изменения в международно-политической конъюнктуре: Совет Безопасности окончательно утратит легитимность, зайдя в тупик при принятии решения в острой кризисной ситуации; подавляющее большинство стран, заинтересованных в расширении Совета, заблокируют функционирование органа при отсутствии прогресса на переговорах по его реформе. Однако в обозримом будущем подобный сценарий вряд ли осуществим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Reform of the Security Council from 1945 to 2013 / Ed. by L. Swart and E. Perry // *Governing and managing change at the United Nations*. September 2013. Vol. 1.
2. Reform of the Security Council from 1945 to 2013 / Ed. by L. Swart and E. Perry // *Governing and managing change at the United Nations*. September 2013. Vol. 1.
3. Шестаков Е.Э. О колкостях и тонкостях / Е.Э. Шестаков // *Российская газета*. 29.09.2014. № 6493. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/29/churkin.html> (Дата обращения: 14.05.2015).

4. Заместитель постпреда России: идея ущемления права вето в Совбезе ООН неприемлема // Сайт ИТАР–ТАСС. 12.11.2014. – [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/1568351> (Дата обращения: 14.05.2015).

5. Framework Document on Security Council Reform // Permanent mission of Jamaica to the United Nations. – New York, 26 March 2015. – 9 p. Mode of access: URL: http://centerforunreform.org/sites/default/files/270315_intergovernmental-negotiations-sc-reform%20full%20note.pdf (last visited 14.05.2015).

6. Выступление представителя Российской Федерации на заседании по вопросу реформы Совета Безопасности ООН // Постоянное представительство Российской Федерации при Организации Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 26.03.2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russiaun.ru/ru/news/sc_2603 (Дата обращения: 14.05.2015).

7. Assembleia Geral faz novo debate sobre reforma do Conselho de Segurança // United Nations Radio. 12.11.2014. Mode of access: URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/portuguese/2014/11/assembleia-geral-faz-novo-debate-sobre-reforma-do-conselho-de-seguranca/#.VVS6arnt18O> (last visited: 14.05.2015).

8. Борзова А.Ю. Подходы Бразилии к реформированию ООН / А.Ю. Борзова // Вестник международных организаций. 2012. № 3.

9. Пан Ги Мун согласен с Путиным, что реформа ООН должна проводиться на основе консенсуса // Сайт ИТАР–ТАСС. – 30.08.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1409753> (Дата обращения: 14.05.2015).

10. UK/French position on reform of the Security Council // UK mission to the United Nations and Permanent mission of France to the United Nations. – New York, 1 March 2010, 2 p. Mode of access: URL: https://www.globalpolicy.org/images/pdfs/uk-french_position_on_unsc_reform.pdf (last visited: 14.05.2015).

11. Joint UK-France Declaration // UK-France Summit – London, 27 March 2008, 14 p. Mode of access: URL: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/27_03_08communique.pdf (last visited: 14.05.2015).

12. *Lei X.* China as a Permanent Member of the United Nations Security Council / X. Lei. – Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, Global Policy and Development, 2014.

13. *Oliver J.* The Esquipulas Process: A Central American Paradigm for Resolving Regional Conflict / J. Oliver // Ethnic Studies Report. July 1999. Vol. XVII. № 2.

14. *Ayres Pinto D.J.* Mediação de conflitos internacionais e a inserção mundial do Brasil / D.J. Ayres Pinto. – Coimbra, 2009. – 198 p.

15. Вопросы финансирования ООН // Сайт Организации Объединенных Наций. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/aboutun/finance/contrib.shtml> (Дата обращения: 05.07.2015).

16. *Fontoura P. R. C. T. da.* O Brasil e as Operações de Manutenção da Paz das Nações Unidas / P.R.C.T. da Fontoura. – Brasília: FUNAG, 1999, p. 214.

17. Peacekeeping Fact Sheet // United Nations Peacekeeping. – 15.05.2015. Mode of access: URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/resources/statistics/factsheet.shtml> (last visited 15.05.2015).

18. Troop and police contributors // United Nations Peacekeeping. 15.05.2015. Mode of access: URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/resources/statistics/contributors.shtml> (last visited: 15.05.2015).

19. Report of the Secretary-General on the Implementation of General Assembly resolutions 55/235 and 55/236 // United Nations General Assembly. – New York, 27 December 2012. – 8 p. Mode of access: URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/67/224/Add.1 (last visited: 15.05.2015).

20. Balanço da política externa 2003–2010 // Ministério das Relações Exteriores do Brasil. – Brasília, 2011. – 774 p. Mode of access: URL: <http://diplomatzando.blogspot.ru/2010/12/balanco-da-politica-externa-na-era-lula.html> (last visited: 15.05.2015).

21. *Fleck I.* Após expansão sob Lula, Dilma segura vagas na diplomacia / I. Fleck. – Folha de São Paulo, 2013. – Mode of access: URL: <http://www1.folha.uol.com.br/mundo/2013/04/1256995-apos-expansao-sob-lula-dilma-segura-vagas-na-diplomacia.shtml> (last visited: 18.05.2015).

22. *Mota Sardenberg R.* O Brasil e as Nações Unidas / R. Mota Sardenberg // Dossie ONU e a paz.

— São Paulo: Instituto de Estudos Avançados da USP. 1995. Vol. 9. № 25.

23. Brasil esclarece sua posição sobre resolução referente ao Irã e à Síria // Portal Brasil. 01.04.2015. Mode of access: URL:<http://www.brasil.gov.br/governo/2015/03/brasil-esclarece-sua-posicao-sobre-resolucao-referente-ao-ira-e-a-siria> (last visited: 15.05.2015).

24. Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. — М.: РУДН, 2013.

25. Там же.

26. Окунева Л.С. «И кобра закурила», или Забытый союзник. Военные действия Бразильского экспедиционного корпуса в Италии // Латинская Америка. 2010. № 5.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Э.С. ДАБАГЯН

НЕСТОР КИРШНЕР – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРЕЗИДЕНТ АРГЕНТИНЫ XXI ВЕКА

Вниманию читателя предлагается портрет Нестора Кишнера — президента Аргентины, избранного в начале нынешнего столетия. Это был трудный период в истории страны: разрушительный дефолт больно ударил по всем сферам жизни. Кишнер находился у власти всего четыре года, но оставил неизгладимый след в памяти народа. С его именем неразрывно связано преодоление критического этапа и переориентация общества на левоцентристскую модель развития.

Ключевые слова: Аргентина, Нестор Кишнер, левоцентристская модель развития.

El artículo presenta el retrato político del presidente argentino Nestor Kirchner, elegido a comienzos del siglo actual. Fue el periodo difícil en la historia de Argentina, provocado por un default con graves consecuencias económicas y sociales. El gobierno de Kirchner duró sólo cuatro años pero dejó una imborrable huella en la memoria nacional. Su nombre está indisolublemente ligado con la superación de aquella etapa crítica y con la reorientación de la sociedad hacia el modelo centro izquierda.

Palabras clave: Argentina, Nestor Kirchner, modelo centro izquierda.

The article presents the political portrait of Nestor Kirchner, president of Argentina, elected at the beginning of this century. It was a difficult period in the history of one of the biggest countries of Latin America, caused by ruinous default which entailed heavy consequences in all the spheres of social life. Kirchner was in power for only four years, but he left an ineffaceable trace in the people's memory. His name is inseparably linked with the overcoming of the critical stage and redirecting of the society towards the left-centric development model.

Key words: Argentine, Nestor Kirchner, left-centric development model.

Нестор Киршнер находился на вершине власти всего четыре гола, но оставил заметный след в новейшей истории Аргентины. Этот деятель внес решающий вклад в завершение критического периода, возникшего вследствие разрушительного дефолта начала столетия.

Это первый глава государства, избранный в нынешнем веке. Он прошел сквозь горнило всеобщих выборов в 2003 г., одолев грозного соперника при драматических обстоятельствах. Сдав полномочия в 2007 г., он не отстранился от политики, переместился в иную плоскость, занял должность регионального уровня, стал генеральным секретарем Союза южноамериканских наций, образованного в 2005 г. Его ждали неведомые высоты. Но болезнь и преждевременный уход из жизни этому помешали. В октябре 2010 г. в возрасте 60 лет он скончался от сердечного приступа.

В кругу семьи

Н. Киршнер родился 25 февраля 1950 г. в городе Рио-Гальегос, столице аргентинской провинции Санта-Крус. Его предки по женской линии — выходцы из Швейцарии, переселившиеся в конце XIX в. в Пата-гонию, на край земли, в богом забытый уголок. Отец будущего президента Нестор Карлос стал первым зубным техником в городе, одновременно служил на почте телеграфистом и по переписке знакомится с девушкой, жившей в Чили, по ту сторону Анд — в местечке Пунта-Аренас. Наполовину чилийка, наполовину хорватка Мария Хуана Остоич стала его женой [1, р. 37].

18 июля 1948 г. у супругов родилась дочь Алисия, а позднее сын и, наконец, младшая дочь Мария Кристина. Дружная, гостеприимная семья жила скромно, отпрысков воспитывали в строгости, но обходилось без рукоприкладства. В детстве мальчик много общался со сверстниками, устраивал с ними вылазки на суровую природу, закалившую его характер. Брат обожал старшую сестру, не давал ее в обиду. Рассказывают, что на сэкономленные от завтраков деньги ко дню рождения купил ей выходные туфли.

В школе Нестор не отличался особым усердием и усидчивостью, был средним учеником, но толковым, начитанным парнем. В начале 1970-х гг. он поступил в Национальный университет Ла-Платы, по окончании получил диплом адвоката. В студенчестве Нестор увлекся политикой, вступил в молодежную организацию Хустисиалистской (перонистской) партии. Она формально конституировалась в 1973 г. Партия всегда отличалась неоднородностью социального состава, в ее рамках сосуществовали различные идейно-политические течения — от ультраправых до крайне левых. Массовой базой перонизма изначально были индустриальные рабочие, а стеновым хребтом — мощная профсоюзная структура — Всеобщая конфедерация труда.

В период военной диктатуры (1976—1983 гг.) Нестор продолжал учебу. Опасаясь преследований, старался лишний раз не показываться на глаза властям, кочевал по домам друзей. Многие из них пропали без вести. Арестовали и Киршнера. В полицейском участке он провел три дня, но в итоге вышел на свободу.

В двадцатипятилетнем возрасте Нестор знакомится с будущей избранницей, очаровательной Кристиной Фернандес. Девушка также отличалась политической активностью. 9 мая 1975 г. они зарегистрировали брак и сыграли скромную свадьбу [2, р. 75]. Их первое жилище не отличалось особым комфортом. Нестор устроился на работу по протекции тещи. Возвращаясь домой, он садился за книги. Ему надлежало завершить образование, получить титул юриста. Муж и жена прекрасно дополняли друг друга. В 1976 г. супруги переехали в Рио-Гальегос. Кристина быстро адаптировалась к новой обстановке. Вскоре они открыли юридическую консультацию. Год спустя появился первенец Максимо, а затем девочка Флоренсия.

Первые шаги в политике

Постепенно Киршнер втягивается в большую политику, сплачивает вокруг себя группу единомышленников, создавших прообраз будущего перонистского Фронта за победу в масштабе родной провинции. В 1987 г. с перевесом в 111 голосов он становится мэром родного города. На этом посту он проработал четыре года, набравшись опыта. В 1991 г. избирается губернатором Санта-Крус, затем дважды — в 1995 и 1999 гг. — переизбирается на эту должность. Он с детства отличался бережливостью. Это качество с полной силой раскрылось в трудные годы. В период жесточайшего социально-экономического кризиса ему удалось уберечь провинцию от катаклизмов. Сотни миллионов долларов от продажи нефти, помещенных в швейцарские банки, приносили неплохие дивиденды. Тратились только проценты с этих вкладов. В регионе не было бюджетного дефицита, зарплата и социальные выплаты не задерживались. Безработица свелась к минимуму. Аккумулированный управленческий потенциал впоследствии оказался востребованным в иных масштабах.

По завершении третьего мандата Киршнер задумал баллотироваться в президенты. Это был специфический момент в жизни страны. Для понимания особенностей момента следует совершить краткий экскурс в недалекое прошлое.

В октябре 1999 г. к власти пришел разношерстный «Альянс за труд, справедливость и образование». Он состоял из старейшей политической партии Гражданско-радикальный союз

и диссидентов левого толка, отколовшихся от правящей Хустисиалистской партии и создавших Фронт солидарной страны в знак несогласия с курсом перониста правого толка Карлоса Менема.

Успех коалиции объяснялся тем, что макроэкономическая стабилизация была достигнута ценой колоссальных социальных издержек, вызвавших недовольство широких слоев населения. В сложившихся условиях ставилась задача ликвидировать перекосы, найти золотую середину. Роковой ошибкой нового правительства явилось сохранение на своем посту Д. Кавалло — архитектора «экономического чуда», сердцевиной которого являлся паритет доллара и национальной денежной единицы: один к одному [3].

Это стало одной из причин последовавших катаклизмов. Сначала коалицию покинул вице-президент К. Альварес, в прошлом видный профсоюзный лидер. Затем произошел дефолт. В сложившихся условиях глава государства Ф. де ла Руа под улюлюканье толпы отбыл на вертолете из своей резиденции.

Вдобавок к уличным бунтам, разгромам магазинов и тому подобному создавался вакуум власти, который пытались заполнить перонисты, обладавшие большинством в парламенте. Возникла институциональная чехарда: за неделю на посту временного руководителя страны сменились четыре «факира на час», поскольку никто не горел желанием в тот критический момент брать ответственность на себя. Наконец, 1 января 2002 г. президентом стал видный партийный босс Э. Дуальде. Началась работа по выправлению ситуации.

На подступах к вершине

Таков был фон электоральной кампании 2003 г. Она отличалась рядом особенностей. Во-первых, выборы были досрочными. Во-вторых, крупнейшая и самая массовая Хустисиалистская партия выставила не одного, а трех кандидатов. Клянясь в верности своим истокам, каждый выступил под собственным флагом и девизом.

Номинально в состязании участвовали 18 претендентов. Киршнер баллотировался от объединения «Фронт за победу». Его основным соперником был опытный Менем, находившийся у штурвала власти два срока. Ему не давали покоя лавры легендарного Хуана Доминго Перона, правившего длительное время. Пропустив предыдущий цикл, Менем выдвинулся вновь спустя четыре года. Он не сомневался в успехе, поскольку считался человеком, вытащившим страну из «ямы».

Программа Киршнера предусматривала увеличение объема общественных работ, строительство 3 млн жилищ, создание 5 млн новых рабочих мест, налоговую реформу и перераспределение доходов в пользу малоимущих [4, с. 28]. В первом туре с минимальным преимуществом вперед вырвался К. Менем, поддержанный 24,45 % избирателей. Этот результат вселял в него уверенность, сочетавшуюся с разочарованием, так как политический «тяжеловес» рассчитывал на безоговорочную победу. Следующим оказался Киршнер, получивший 22,24 % голосов [5, с. 170]. Этим двум кандидатам и надлежало продолжить борьбу. В промежутке между раундами началась перегруппировка сил. Большинство аутсайдеров обещали поддержать Киршнера. Сам он сделал ряд сильных шагов, в частности встретился с мэрами городов от Гражданско-радикального союза, заверившими его в своей поддержке.

Затем Киршнер посетил Чили и Бразилию, заручившись расположением президентов Р. Лагоса и Лулы. Благодаря умелой тактике «на двух фронтах», Киршнер стремительно набирал силу. В его победе мало кто сомневался. Согласно опросу общественного мнения, обнародованному 6 мая 2003 г., он значительно опережал конкурента: за него высказались 58,8 % респондентов, а за Менема — всего 21,7 %. Замеры проводились по репрезентативной выборке в 12 провинциях и охватили 3 100 человек. Они говорили о бесспорном преимуществе Киршнера даже в тех районах, где ранее верх взял его соперник. Симптоматично, что лишь 15,2 % заявляли, что разделяют программные положения Киршнера. Мотивация остальных сводилась к намерению «наказать» его конкурента [6, с. 31]. Создавалось впечатление, что надежды сплотить вокруг себя антименемистские силы превращались в реальность.

В канун решающего сражения Менем нервничал, метался из стороны в сторону, циркулировали упорные слухи о его готовности сойти с дистанции, которые тут же опровергались. Киршнер, напротив, сохранял спокойствие. Перед самым финишем К. Менем, находясь

в родной провинции Ла-Риоха, объявил о выходе из игры. В отсутствие иных аргументов он бросил в адрес конкурента: «Пусть он останется со своими 22 процентами, а я останусь с народом» [7, с. 32]. В сложившихся условиях второй тур становился бессмысленным. В такой ситуации Киршнер оказался на вершине пирамиды власти. За противостоянием двух лидеров просматривались несхожие варианты развития. Один — неолиберальный, внедрение которого подвело страну на грань катастрофы. Другой — модель социально ориентированной рыночной экономики.

При столь драматических обстоятельствах, с наихудшим показателем за всю историю выборов в Аргентине, кресло хозяина Розового дома (президентской резиденции в центре Буэнос-Айреса) занял высокий, стройный, подтянутый 56-летний мужчина с тонкими выразительными чертами лица и неизменной доброжелательной улыбкой. Его в шутку нарекли «пингвином» из-за специфического профиля, а также места рождения, где обитают экзотические существа. Этот образ воспроизводился в средствах массовой информации, красуется он и на обложке цитируемой нами обстоятельной книги двух аргентинских авторов, где подробно излагается путь к власти выходца из далекой провинции на крайнем юге страны.

Таковы лишь наброски к портрету человека, оказавшегося в фокусе внимания мировой общественности. На церемонии инаугурации Киршнера присутствовали главы десятка государств земного шара, в том числе кубинец Ф. Кастро, венесуэлец У. Чавес, бразилец Лула, чилиец Р. Лагос, перуанец А. Толедо, мексиканец В. Фокс и многие другие лидеры. Теперь настала пора рассказать и о его супруге, с которой он прожил счастливо 35 лет.

Супруга

К. Фернандес засверкала на общенациональной арене гораздо раньше супруга. Ее политическая карьера началась в конце 1980-х гг. После приезда на родину мужа избиралась сенатором от провинции Санта-Крус. В парламенте зарекомендовала себя борцом за права человека и равноправие женщин. Важно подчеркнуть, что она стимулировала мужа выдвигаться на высокий пост, всячески помогала ему в ходе той кампании. После избрания главой государства она стала играть видную роль в политической жизни, способствовала продвижению ключевых законопроектов в парламенте, выполняя по существу функции ближайшего консультанта и советника, с которым непременно обсуждались все животрепещущие проблемы. По мнению экспертов, ни одно сколько-нибудь значимое решение не принималось без ведома супруги.

В кресле главы государства

Многие аналитики полагали, что Киршнер, скованный небольшим процентом голосов, полученных в предвыборной гонке, станет заложником обстоятельств. Но этого не произошло. Вступив в должность 25 мая 2003 г., он, засучив рукава, без раскачки принялся разгребать завалы, доставшиеся ему в наследство. Было сформировано эффективное правительство. В него вошли профессионалы, не связанные с прежним режимом. Сохранил свой портфель руководитель экономического ведомства Р. Лаванья. Он во многом способствовал удержанию страны на краю пропасти в тяжелейший для нее момент. Министерство обороны возглавил не кадровый военный, а политический назначенец. Не вполне этичным можно было бы назвать назначение куратором социальной сферы сестры президента — Алисии, прекрасно зарекомендовавшей себя на аналогичной должности в Санта-Крусе. Справедливости ради следует сказать, что это назначение не вызвало нареканий в обществе. Забегая вперед, заметим, что она успешно справилась с возложенными обязанностями, не сидела сложа руки в своем рабочем кабинете, а постоянно общалась на улицах, в кварталах бедноты с людьми, нуждавшимися в помощи.

В числе приоритетных шагов администрации стала смена верхушки вооруженных сил. Среди отправленных в отставку — командующие родами войск, 19 генералов, 13 адмиралов, 12 высших офицеров [8, р. 184]. Акцию подобного масштаба осуществили впервые с момента восстановления демократии. Ее целью явилось пресечение в зародыше возможных устремлений военных к неповиновению гражданским властям.

Параллельно президент сосредоточился на выборах депутатов Национального конгресса, губернаторов, членов законодательных собраний провинций и городских советов. Особен-

ность этой процедуры заключалась в том, что она проводилась не одновременно, а по своеобразному «скользящему» графику.

Задача сводилась к тому, чтобы в обновленном властном корпусе в центре и на местах добиться существенного перевеса своих сторонников, учитывая наличие различных течений внутри перонизма. Несмотря на многочисленные трудности, поставленную задачу удалось решить сравнительно успешно.

Первые выборы состоялись в начале сентября в провинции Санта-Фе, третьей по численности электората. Там пост губернатора завоевал Х. Обеид, набравший 43 % голосов. Этот политик, как подчеркнул председатель правительства А. Фернандес, являлся одним из тех, кто олицетворял предложенную Киршнером модель. Кроме того, его сторонники добились трех мест в сенате и шести в нижней палате [9].

К середине сентября кандидаты, использовавшие административный ресурс, добились превосходства еще в ряде субъектах федерации. Прежде всего, это провинция Буэнос-Айрес — самая населенная, насчитывающая более половины избирателей, а также провинции Санта-Крус и Жужуй. Здесь главами региона стали, соответственно, Ф. Сола, С. Асе-ведо и Э. Фельнер [10]. Особое значение имела схватка в небольшой провинции Мисьонес, расположенной в 100 км к северо-западу от столицы. Там сошлись два претендента. Одного поддерживал Дуальде, а другого — Киршнер. Победу в бескомпромиссной борьбе, сопровождавшейся драматическими коллизиями, одержал выдвиженец действовавшего президента.

Следует обратить внимание на стиль главы государства. Ему сплошь и рядом приходилось заключать альянсы с номинальной оппозицией, кооперироваться с идеологически и политически близкими выдвиженцами Гражданско-радикального союза в противовес правым перонистам. Так, в столице киршнеристы поддержали руководителя городского правительства А. Ибарру. Заручившись доверием 56,5 % избирателей, он одолел соперника, предпринимателя либеральной ориентации М. Макри, признавшего поражение еще до окончания голосования, основываясь на данных опроса exit poll [11]. Комментируя результаты этого сражения, уважаемая чилийская газета El Mercurio подчеркивала, что их можно рассматривать как безусловный триумф Киршнера [12].

Здесь уместно сказать о «фирменном секрете» президента. Он получил название «пересекающихся линий» и сводился к тому, чтобы не отталкивать силы, тяготеющие к перонизму, но организационно не связанные с ним. Таким образом, речь шла о том, чтобы не оставлять за бортом другие группы, настроенные на перемены [13]. Подобную стратегию решительно отвергал Менем, ограничивавшийся абстрактными призывами к обновлению движения [14].

В целом итоги кампании впечатляющи. Перонисты, ориентировавшиеся на президента, возглавили 16 из 23 провинций, располагали 41 из 72 кресел в Сенате и 133 из 257 мест в Палате депутатов [15]. Это повлияло на изменение политического ландшафта страны, способствуя укреплению позиций Киршнера. Его рейтинг, согласно социологическим опросам, поднялся до 80 пунктов.

По мнению местных и зарубежных наблюдателей, граждане, голосуя за кандидатов, придерживающихся линии федеральной власти, демонстрировали доверие Киршнеру. Они тем самым помогали созданию прочной опоры для его правительства, которое, казалось бы, родилось слабым, но его мощь возрастала с каждым днем [16, р. 3]. Постепенно Киршнер становился общенациональным лидером [17].

Правда, весьма слабыми оставались позиции Киршнера внутри перонизма. Свою собственную игру по-прежнему вел экс-президент Э. Дуальде, контролировавший партийный аппарат в провинции Буэнос-Айрес. Он продолжал раздавать «теплые местечки» доверенным людям, находившимся рядом с ним в период пребывания на посту главы государства. Поэтому ни губернатору Соле, ни самому Киршнеру не удалось включить в список депутатов кандидатов, придерживающихся их линии.

Новый стиль правления

Вступая в должность, глава государства в сжатой форме так сформулировал приоритетные задачи правительства: «Надлежит возродить отечество, восстановить справедливость, бороться с коррупцией, покончить с воровством в белых перчатках» [18]. Исходя из данной по-

сылки, приоритетом новой администрации стала реализация мер по искоренению коррупции, поразившей все звенья государственного механизма и превратившейся в поистине национальное бедствие. Борьба с этим злом выдвинулась на острие политики.

Первым шагом в указанном направлении явилось отстранение от занимаемых постов 10 наиболее одиозных руководителей правоохранительных органов, замешанных в систематических грубых нарушениях элементарных прав граждан, необоснованном содержании под стражей и в совершении противозаконных действий, пытках и прочих деяниях.

Позитивный резонанс в обществе имело смещение главы федеральной полиции по подозрению в получении взятки. Генеральному комиссару инкриминировалось незаконное предоставление подряда в размере около 700 тыс. долл. на информатизацию столичного госпиталя двум фирмам, руководители которых находились с ним в родственных отношениях. Как заявил министр юстиции Г. Белис, эти действия служили свидетельством выполнения обещания вести беспощадную борьбу с коррупцией, мздоимством и безнаказанностью [19, с. 9].

Вновь стали раскручиваться и другие неблагоприятные дела, долгое время пылившиеся в архивах или положенные под сукно. По запросу Буэнос-Айреса швейцарская прокуратура включила Менема в список лиц, подозреваемых в переводе «грязных» денег в эту европейскую страну. Ему инкриминировалось наличие банковского вклада, не задекларированного в финансовых органах страны. Экс-президент поначалу все отрицал, а затем признал, что в апреле 1986 г. открыл счет, куда перевел средства, выплаченные ему в порядке компенсации за арест при диктатуре. В феврале 2004 г. власти наложили арест на движимое и недвижимое имущество экс-президента. Оно включало легкий самолет, три автомобиля, два дома и т.п. [20, с. 9].

В апреле 2004 г. были приняты суровые меры в отношении губернатора провинции Сантьяго-дель-Эстеро и ее мужа, управлявших этим субъектом федерации на протяжении 20 лет. Супругов посадили под домашний арест по обвинению в мздоимстве, злоупотреблениях властью и нарушениях прав человека. В провинции было введено внешнее управление на 180 дней для оздоровления обстановки, наведения порядка и последующего проведения досрочных выборов.

Принципиальное значение имело инициирование реформы Верховного суда. Дабы предупредить возможную критику в намерении сформировать суд из числа приверженцев правительства, был издан декрет, предусматривавший, что процедура избрания на должности его членов стала значительно более открытой, гласной, с участием представителей гражданского общества.

В июне 2003 г. подал в отставку председатель суда Х. Насарено, назначенный еще при Менеме и являвшийся его близким другом. В октябре ушел со своего поста Г. Лопес. Это случилось в момент, когда в Национальном конгрессе против него началось расследование. Лопес входил в число 5 судей, составлявших так называемое «автоматическое большинство», которое оказывало безоговорочную поддержку начинаниям экс-президента. В декабре после бурного разбирательства по обвинению в совершении неблагоприятных проступков сенат отстранил от обязанностей заместителя председателя суда Э. О. Коннора.

Состав высшей судебной инстанции пополнялся за счет видных юристов, пользовавшихся непререкаемым авторитетом и не запятнавших себя участием в противоправных махинациях. Среди них Э. Заффарони, чья кандидатура получила одобрение правозащитников, в частности организации «Матери с площади Мая», объединяющей родственников жертв репрессий военного режима [21]. В Верховном суде стала обкатываться новая модель, где представители неправительственных организаций имели возможность задать вопросы и высказать свои соображения по кандидатуре.

В конце 2003 г. произошло знаковое событие. Впервые в историю Аргентины на должность члена Верховного суда была выдвинута женщина — специалист по уголовному праву К. Аргибай. Ранее по рекомендации ООН она входила в состав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. В период диктатуры на протяжении девяти месяцев находилась за решеткой. Комментируя это назначение, министр юстиции Г. Белис сказал, что ее прошлое служит гарантией открытости, честности и правоспособности высшей судебной инстанции [22]. В феврале 2004 г. вакантное место в высшей судебной инстанции заняла еще

одна представительница слабого пола Е. Хигтон — специалист по гражданскому праву [23].

Суть реформы сводилась к превращению суда в действительно независимый орган власти. Ставилась цель покончить с положением, когда ему отводилась роль послушного инструмента в руках президента и его ближайшего окружения. Правда, новый председатель суда Э. Петраччи предупредил главу государства, что уйдет в отставку в случае, если эта ветвь власти будет создана исключительно из людей, пользующихся его личным доверием; сверхзадача, поставленная перед высшей судебной инстанцией, по его словам, в том, что она должна превратиться в гаранта соблюдения законности в масштабах страны, а не оставаться защитницей эгоистических интересов различных групп и кланов правящего класса.

Защита права человека

Поистине судьбоносным шагом во внутренней политике явилась отмена декретов об амнистии, в том числе так называемого закона «о последней точке», подводившего черту под всем, что творилось в годы диктатуры. Данные декреты освобождали виновных от ответственности за злодеяния, совершенные в период военного режима. Согласно официальным данным, число жертв составило около 13 тыс. человек, а по подсчетам общественных организаций, оно достигало 30 тыс. Приняв по инициативе президента такое решение, Аргентина привела свое законодательство в соответствие с Международной конвенцией ООН 1968 г. о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, обязалась выплатить компенсацию жертвам репрессий.

Внешним толчком для принятия такого решения стал запрос известного испанского судьи Б. Гарсона. Он представил список, содержащий имена 43 человек, подлежавших экстрадиции в Испанию по обвинению в совершении геноцида, в том числе и в отношении граждан этой страны в период диктатуры. Среди них — генерал Х.Р. Видела — глава первой хунты, Э. Массера — бывший командующий военно-морскими силами, еще 6 генералов и адмиралов [24]. Это вызвало громкий резонанс в стране и далеко за ее пределами. Власти поначалу хранили молчание. Но вскоре произошло знаковое событие. Проявляя политическую волю, президент подписал постановление, которое отменяло прежний декрет, запрещавший экстрадицию по запросу иностранного государства [25, р. 196–198]. Началась цепная реакция, завершившаяся ратификацией документа на всех уровнях. В этих условиях Испания сняла свою просьбу, поскольку стало ясно, что преступники предстанут перед местным правосудием [26].

В начале октября 2003 г. были преданы суду первые 16 высокопоставленных военных, ранее находившихся под защитой законов об амнистии. Вслед за этим подвергся аресту генерал в отставке А. Буси, избранный алькальдом Тукумана, но еще не успевший вступить в должность. В период диктатуры он являлся фактическим губернатором одноименной провинции. Ему, в частности, инкриминировалось исчезновение в 1976 г. сенатора Г. Варгаса Аигнассе. Список этот легко продолжить. Как точно подметил обозреватель латиноамериканского информационно-аналитического издания ALAI, эти люди привыкли долгое время оставаться безнаказанными [27, р. 4].

Было проведено тщательное расследование деятельности печально знаменитой «Школы по подготовки технических кадров ВМС», превратившейся в центр изошренных пыток и расправ с противниками режима. Глубоко символичным явился факт одобрения предложения о создании в помещении школы мемориального музея. Следует подчеркнуть, что в этой сфере президент тесно сотрудничал с правозащитниками, чутко прислушивался к их мнению.

Так, например, в середине января 2004 г. в прессе были опубликованы многочисленные фотографии, запечатлевшие заплечных дел мастеров за «работой». На снимках фигурировали обезображенные трупы, обугленные тела, а также сеансы пыток, проводимых с использованием электрических наконечников. На одном из снимков изображен военный лагерь в Кордове, где в 1986 г., уже в демократический период, проходили тренировки по технике пыток [28].

Реализация данных мер натолкнулась на сопротивление определенных кругов истеблишмента. Так, вице-президент открыто выступил против отмены законов об амнистии под предлогом того, что нечего-де ворошить прошлое, это может лишь обострить обстановку,

привести к нежелательным последствиям. Демарш второго лица в иерархии власти вызвал негативную реакцию главы государства, получил решительный отпор. Этот факт говорил о нежелании консерваторов без боя сдавать позиции, они предпочитали все оставить по-старому. В этих коллизиях косвенно отразились процессы, строившиеся в течение длительного периода на вмешательстве вооруженных сил в политические процессы. Отсюда болезненное восприятие командованием верховенства гражданских лиц, намерения поставить армию под гражданский контроль.

Отмена законов об амнистии вызвала межгосударственные проблемы. Произошли конфликты с Эквадором и Уругваем. В феврале 2004 г. аргентинский МИД обратился во внешнеполитическое ведомство Эквадора с просьбой отозвать представителя, аккредитованного в Буэнос-Айресе. Причина была в том, что он вывез в город на своем автомобиле генерала, находившегося под домашним арестом по обвинению в пытках и в других тяжких преступлениях. Власти Эквадора сразу же выполнили требование.

Трения с политическим руководством Уругвая приобрели характер перепалки и взаимных упреков. Поводом послужило недовольство назначением заместителя военного атташе, обвиненного в причастности к репрессиям в годы диктатуры. «Пусть к нам не направляют карателя», — категорически заявил Киршнер. Подоплека разногласий крылась в том, что в Уругвае сохранял силу принятый парламентом в 1986 г. «закон о прощении», запрещавший привлекать к ответственности лиц, совершивших преступления в период диктатуры.

Отличительной чертой правления Киршнера было мгновенное и адекватное реагирование на события. Так, 2 апреля 2004 г. свыше 130 тыс. жителей столицы и других городов до отказа заполнили площадь перед зданием парламента. Они требовали обеспечить гражданам элементарную безопасность. Поводом для манифестации стало похищение и убийство 23-летнего юноши. Страсти были накалены до предела. В этих условиях власть не мешкала. Устами председателя высшего законодательного органа она пообещала провести и провела специальную парламентскую сессию, которая приняла законы, ужесточавшие наказания за подобные преступления. Губернатор провинции сместил министра внутренних дел. Обстановку удалось разрядить, но проблемы оставались. На это обстоятельство обратил внимание аргентинский исследователь Р. Фрага. Отмечая позитивные сдвиги в политической сфере, он заметил, что нерешенность социальных вопросов стала ахиллесовой пятой режима. В частности, он подчеркивал, что регулярные выступления так называемых пикетчиков, то есть людей, лишившихся работы, превратились в дестабилизирующий фактор [29, р. 14–16].

Секреты успеха

Ключевой фигурой команды Киршнера был председатель совета министров А. Фернандес, пользовавшийся особым доверием президента. Это человек, с которым Киршнер неизменно советовался по кардинальным проблемам перед принятием решений. Важную роль в кабинете играл руководитель министерства экономики Р. Лаванья, сохранивший свой пост, поскольку он приложил огромные усилия для удержания страны на краю пропасти. А вот отношения с министром юстиции Г. Белисом не сложились. Поначалу он активно содействовал продвижению законов об амнистии. Затем с чиновником пришлось расстаться. Аргументы главы государства сводились к тому, что тот проявил пассивность и бездействовал во время массовых беспорядков.

Подводя итоги традиционных «100 дней» пребывания на посту руководителя государства, аргентинский публицист Т. Элой Мартинес в статье, опубликованной в испанской газете *El País*, писал: «Ни один президент, кроме Киршнера, возникшего буквально из пустоты, не сумел за три месяца добиться того, что сделал он. — и продолжал: — Аргентина, не надеявшаяся иметь достойного лидера, внезапно обнаружила, что есть, кому довериться». Принципиальный вывод выражен в формуле: «Рецепт Киршнера, похоже, тривиальный. Он выполняет то, что обещал. Он говорит то, что думает» [30].

Позитивная динамика сохранялась. Успехи признавали и оппоненты. Правда, делали это в своеобразной форме. Руководитель объединения «Альтернатива за республику равных» Э. Каррио заявила: «Предпочтительнее быть в оппозиции к такому правительству, чем к прежнему, коррупционному и мафиозному» [31]. Исторический лидер партии радикалов

Р. Альфонсин подчеркивал: хотя в стране пока еще «хромающая демократия», подразумевая наличие социальных проблем, тем не менее мы в целом поддерживаем курс Киршнера [32]. Эти оценки резко контрастировали с мнением Менема, который в окружении соратников изрек: «Мы не хотим коммунизма в стране» [33].

Согласно опросу, проведенному по заказу газеты Clarín, свыше 2/3 респондентов ответили, что 2003 г. оказался для них хорошим. Дополнительным аргументом служил тот факт, что на родину возвращались многие из тех, кто в условиях дефолта эмигрировал в поисках лучшей доли. Так, по истечении четырех лет с момента вступления в должность главы государства стало очевидно, что на политическом небосклоне Аргентины зажглась яркая звезда.

Впечатляющие результаты высоко оценивали и отечественные исследователи. П.П. Яковлев отмечал: «Виртуозное решение проблем внешней задолженности, растущие экономические показатели, снижение безработицы, нищеты и инфляции, повышение пенсий и зарплат заставили население поверить, что выход из глубокого структурного кризиса найден» [34, с. 172–173, 198].

По нашему убеждению, Киршнер наряду с Лулой и Лагосом — это деятели, соответствовавшие задачам и реалиям наступившего века и тысячелетия. В отличие от некоторых латиноамериканских коллег эти лидеры демонстрировали способность к диалогу и компромиссам с оппонентами и несогласными, старались избегать резких движений, чреватых расколом в обществе, стремились соблюсти баланс различных, порой трудно совместимых интересов, объединить вокруг себя широкий круг граждан.

На международном поприще

На внешнеполитической арене Киршнер присоединился к тандему, состоявшему из президентов Чили и Бразилии. Вскоре после инаугурации глава государства посетил с рабочими и официальными визитами многие европейские страны. Побывал в Брюсселе, обменялся мнениями с тогдашним председателем Еврокомиссии Р. Проди, заявившим о готовности оказать помощь в осуществлении планов преодоления последствий экономического кризиса. Оттуда направился в Париж, где встречался с президентом, председателем сената и премьер-министром Франции. Затем прибыл в Испанию, был тепло принят королевской четой и премьером Х.М. Аснаром. Выступая перед предпринимателями, имевшими значительные капиталовложения в Аргентине, заверил их в том, что прежние ошибки впредь не повторятся [35]. Вторично он приехал в Испанию в январе 2004 г. и заручился обещаниями деловых кругов возобновить осуществление инвестиционных проектов на его родине [36].

Касаясь темы внешнего долга, Киршнер подчеркивал, что власти не отказываются выполнять ранее взятые обязательства. Но «не ценой голода и затягивания поясов», как он заявил в своей инаугурационной речи [37, р. 208]. Исходя из этой принципиальной позиции, Киршнер вел трудный, порой срывавшийся диалог с МВФ и остальными кредиторами. Президент показал качества неплохого переговорщика, проявлял умение балансировать, согласовывать зачастую несовместимые интересы. Избрание директором-распорядителем МВФ испанского экономиста Р. Рато, учитывая его позитивную роль посредника в смягчении напряженности, благоприятно отразилось на взаимоотношениях Аргентины со своими заемщиками.

Сложно складывались отношения Аргентины с «великим северным соседом». Раньше, при Менеме, они отличались особой близостью, сердечностью, автоматическим одобрением всех без исключения шагов ее администрации. С приходом в Розовый дом Киршнер заявил, что такого впредь не будет, но «нам нужно, чтобы американский рынок открылся для аргентинских товаров» [38, р. 199]. С тех пор отношения характеризовались прагматизмом и высокой степенью самостоятельности при принятии решений. После возвращения из Вашингтона глава государства уведомил министра иностранных дел о намерении непосредственно курировать этот участок работы в связи с его особой значимостью.

Администрация США затаила обиду на Киршнера за предоставление венесуэльскому лидеру У. Чавесу трибуны стадиона для произнесения перед своими сторонниками гневной речи по адресу тогдашнего хозяина Белого дома в момент, когда Дж. Буш находился с визитом на противоположном берегу Рио-де-ла-Платы — в Уругвае.

Кардинальному пересмотру подверглись связи с Кубой, находившиеся в состоянии на-

пряженности, даже на грани разрыва. Ф. Кастро присутствовал на инаугурации Киршнера, жители Буэнос-Айреса устроили ему теплый, радушный прием, он посетил дом, где родился столь почитаемый на острове Че Гевара. Устами своего президента Аргентина заявила, что впредь не поддержит в Комиссии ООН резолюцию, обвиняющую Кубу в нарушении прав человека. Интенсифицируя двусторонние связи, стороны обменялись визитами руководителей дипломатических ведомств

В то же время представлялось спорным и даже сомнительным распоряжение президента о смещении посла на Кубе. Это случилось после того, как дипломат оказал внимание известному кубинскому врачу-нейрохирургу, которая намеревалась накануне Рождества навестить своего сына, ранее эмигрировавшего в Аргентину. Власти Кубы противились поездке 84-летней дамы.

Разумеется, не обошел вниманием Киршнер и проблему Мальвинских (Фолклендских) островов, которые Аргентина считает своей исконной территорией, отторгнутой Великобританией. Но президент не повторил авантюру, предпринятую в свое время военными властями, завершившуюся позорным поражением. Вопрос оставался на повестке дня, с перспективой решить его в будущем. Об этом свидетельствовала ремарка, сделанная в январе 2003 г. министром иностранных дел Р. Бьельса, заявившим, что «если на это понадобится даже 400 лет, мы готовы ждать» [39].

2 апреля 2004 г. глава государства участвовал в ритуальной церемонии в городке Рио-Гранде на крайнем юге страны. Она была приурочена к 22-летию начала 74-дневной войны за Мальвины. Почтив память погибших, президент сказал: для многих родина ограничивается пределами федеральной столицы, «для меня она кончается Мальвинами и Огненной Землей», намекая на незыблемость территориальной целостности Аргентины [40]. Ранее власти отправили 200-килограммовый монумент для установки на кладбище местечка Дарвин, где захоронены многие участники. Это стало символом потепления двусторонних отношений, достигших нулевой отметки после войны. Затем они постепенно стали улучшаться, и английский премьер-министр Т. Блэр даже посетил Аргентину.

Грани личности

Киршнер — личность с обостренным чувством ответственности и собственного достоинства — зачастую позволял себе поступки и высказывания, не укладывавшиеся в рамки дипломатического протокола и этикета. В доказательство приведем два примера. Так, выступая на митинге в одном из беднейших кварталов столицы, он сравнил намечавшуюся встречу с американским президентом с боксерским поединком, в котором намеревался одержать победу нокаутом. А находясь в Монтевидео на саммите Меркосур, он пренебрег личным общением с президентом Уругвая, но зато беседовал с лидером уругвайской левоцентристской коалиции Т. Васкесом, готовившимся штурмовать вершину власти в октябре 2004 г.

Среди черт характера Киршнера — умение находить общий язык с разнообразным кругом лиц: элитой, интеллектуалами, простыми людьми, населяющими городские предместья, способность просто и понятно изложить свои мысли. Образ был бы неполным, если не сказать о его привязанности к малой родине. Несмотря на загруженность рабочих буден, он не порывал с ней связи, регулярно навещался туда, наслаждался ее фантастической природой и даже лечиться приезжал в Санта-Крус.

Президент отличался природной скромностью и щепетильностью. Его портрет был бы незавершенным, если не сказать о том, что он являлся фанатом любимой всеми соотечественниками игры — футбола, страстным поклонником команды «Рейсинг». Он неописуемо обрадовался ее победе над именитым соперником в тот момент, когда находился в больничной палате. Это подействовало лучше любого лекарства.

Мандат Киршнера завершался в октябре 2007 г. Значительный рейтинг поддержки свидетельствовал о хороших шансах избраться вторично, благо конституция это позволяла. Но он отказался выдвигаться. Аналитики размышляли о причинах столь нетривиального решения. По одной версии он намеревался взять передышку, чтобы, отстранившись от суеты повседневности, обдумать перспективы и ринуться в бой в следующем цикле. По другой — он сделал это, считая, что не хватит сил продолжать трудиться в бешеном ритме. Интерес представляет точка зрения отечественного исследователя Н.М. Яковлевой. Она разделяет мнение

аргентинского исследователя Р. Фраги, подметившего «удивительную особенность перонистов совпадать с настроениями общества и учитывать их в «спонтанной манере». Киршнер, утверждает Яковлева, счел «важным сосредоточить усилия на партийном строительстве» [41, с. 185].

Так или иначе, он предпринял неординарный ход. Выдвинул на пост, становящийся вакантным, не кого-либо из соратников, готовых продолжить начатый курс, а супругу, которая одержала убедительную победу на выборах.

Передав в 2007 г. полномочия, он остался в большой политике, помогая жене так же, как она делала прежде в отношении него. Недоброжелатели утверждали, что в период правления супруги он являлся своеобразным «серым кардиналом». Под конец 2009 г. в жизни Киршнера произошел крутой поворот. Он занял пост генерального секретаря Союза южноамериканских наций, образованного в 2005 г. Эта структура включает все страны субрегиона. Номинально ее попеременно возглавляют президенты. Но исполнительная власть находилась в руках персонажа, координирующего работу в промежутках между встречами на высшем уровне. Эта должность была отнюдь не представительской, она реально влияла на развитие объединения, которое в перспективе мыслится как прообраз единой Европы.

Деятельность в новой должности Киршнер начал с присущей ему целеустремленностью, энергией и энтузиазмом. Но не успел раскрыть потенциал политика континентального масштаба. Смерть помешала реализовать задумки. Тем не менее он успел сделать немало, заслужив высокую оценку руководителей многих стран. Свидетельством этого явилось их участие в церемонии прощания с ним в Буэнос-Айресе.

Пост, освободившийся после его кончины, остался вакантным. Не удалось найти равноценную замену. В сложившихся условиях принимается компромиссное решение сделать должность сменяемой. Отныне ее поочередно замещают представители стран, входящих в сообщество.

* * *

Н. Киршнера похоронили в присутствии небольшой группы людей на кладбище в Рио-Гальегосе, в городе, где он появился на свет, учился, возмужал, откуда ушел покорять вершины власти и куда вернулся теперь уже навечно. Год спустя там создали небольшой мавзолей, в который перенесли останки усопшего. В церемонии участвовали самые близкие: 32-летний сын Максимо, 21-летняя дочь Флоренсия и вдова Кристина, облаченная в траурные одежды, которые она не снимала до начала 2014 г.

В центре столицы, на знаменитой Майской площади, напротив Розового дома установлена скульптура Киршнера из бронзы и дерева размером в 2,4 метра, сооруженная шахтерами-земляками.

...Много лет, работая в Буэнос-Айресе, он приезжал на свою малую родину отдохнуть от повседневной суеты и насладиться красотами суровой природы. Есть поистине мистический смысл в том, что смерть застала его именно здесь, куда он приехал с любимой женой на короткий отдых и лечение после нескольких тяжелейших операций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Garrone V., Rocha L. Nestor Kirchner. Un muchacho peronista y la oportunidad del poder. — Buenos Aires. 2003.
2. Ibid.
3. Подробнее об этом см.: Дабагян Э.С. Аргентина: слагаемые успеха Альянса // Латинская Америка. 2000. № 8; Андропова В.П. 500 дней президента Фернандо де ла Руа // Латинская Америка. 2001. № 12.
4. Дабагян Э.С. Перонист остается на вершине власти // Латинская Америка. 2003. № 8.
5. Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Часть 2. — М., 2009.
6. Дабагян Э.С. Перонист остается на вершине власти // Латинская Америка. 2003. № 8.
7. Там же.
8. Garrone V., Rocha L. Op. cit.
9. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/08/ argentina. elec..../index.htm

10. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/15/ argentina. elec..../index.htm
11. CNN en espanol. com. /2003/ americas /09/14/ baires. ap/index.html
12. El Mercurio. Santiago de Chile, 15.IX.2003.
13. Clarín. Buenos Aires, 30.IX.2003.
14. Ibid., 19.X.2003.
15. CNN en español. com. /2003/ americas/12/10/kirchner. man/index.htm
16. ALAI. América Latina en movimiento. Quito, 2003, № 375.
17. Подробнее об этом см.: *Дабагян Э.С.* Аргентина: векторы перемен // Латинская Америка. 2004. № 5.
18. La Jornada. México, 07.IX.2003.
19. *Дабагян Э.С.* Аргентина: векторы перемен // Латинская Америка. 2004. № 5.
20. Там же.
21. CNN en espanol. com. /2003/ americas /10/07/ argentina. ref .../index/html
22. CNN en espanol. com. /2003/ americas /12/30/ argentina. cort .../index.htm
23. CNN en espanol. com. /2004/ americas /02/17/ argentina. cort/index.htm
24. El Nacional. Caracas, 25.VII.2003.
25. *Garrone V., Rocha L.* Op. cit.
26. CNN en espanol. com. /2003/ americas /08/29/ espana. sucia /index.htm
27. ALAI. América Latina en movimiento. Quito, 2004, № 381.
28. CNN en espanol. com. /2004/ americas /01/10/ argentina. kirc./index.htm
29. Nueva Sociedad. Caracas, 2004, № 193
30. El País. Madrid, 07.IX.2003.
31. Clarín. Buenos Aires, 21.IX.2003.
32. Ibid., 10.X.2003.
33. Ibid., 19.X.2003.
34. Цит. по: Латинская Америка: испытания демократии. Часть 2.
35. CNN en espanol. com. /2003/ americas /07/10/ argentina. kirchner. jira. reut /index.html
36. CNN en espanol. com. /2004/ americas /01/28/ kirchner. espana /index.html
37. *Garrone V., Rocha L.* Op. cit.
38. Ibid.
39. CNN en espanol. com. /2004/ americas /01/22/ argentina. bielsa. ap/index.html
40. CNN en espanol. com. /2004/ americas /04/02/ aniversario. ap/index.html
41. Латинская Америка: испытания демократии. Часть 2.

Э.С. ДАБАГЯН

ВИСЕНТЕ ФОКС: МЕКСИКАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ВРЕМЕН КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

В статье дан политический портрет Висенте Фокса — мексиканского президента, находившегося у власти в одной из крупнейших латиноамериканских стран на протяжении шести лет (2000 — 2006 гг.). Историческая значимость этого выдающегося деятеля определяется тем, что он встал у руля государства в переломный момент его истории, когда закончилась длительная монополия одной партии, практически безраздельно господствовавшей на общенациональной арене, и начался мирный, ненасильственный переход на рельсы плюралистической демократии.

Ключевые слова: Мексика, Висенте Фокс, политический портрет.

El artículo presenta el retrato político de Vicente Fox — presidente mexicano en los años 2000 — 2006. El estuvo al mando del Estado en el momento crucial de su historia, cuando llegó a su fin el largo monopolio unipartidista y comenzó la transición pacífica hacia la democracia pluralista. En eso reside el significado histórico de aquel eminente personaje político.

Palabras clave: México, Vicente Fox, retrato político.

The article presents the political portrait of Mexican president Vicente Fox who was in power in the biggest Latin-American country for six years from 2000 to 2006. The historical significance of this outstanding statesman is determined by his coming to power at the crucial point of the history of Mexico, when there ended a long monopoly of one party which was dominating in the national scene and began a peaceful and nonviolent change to the way of pluralistic democracy.

Key words: México, Vicente Fox, political portrait.

Интерес к Висенте Фоксу — политическому деятелю, оставившему глубокий след в общественном развитии одной из крупнейших стран континента, — обусловлен исключительными обстоятельствами. С его именем неразрывно связан конец монополии на власть партии, доминировавшей на политической арене свыше 70 лет, и ненасильственный переход от «мягкого авторитаризма» к плюралистической демократии. Споры и дискуссии об исторической роли данного персонажа не затухают до настоящего времени. Для понимания совокупности факторов, предшествовавших его приходу к власти, следует обратиться к недалекому прошлому.

Краткий экскурс в историю

В судьбах мексиканского и российского народов, несмотря на разделяющие их тысячи километров, имеется немало сходного. В Мексике, как и в России на заре прошлого века, практически синхронно произошли грандиозные социальные катаклизмы — революции. В обеих странах почти все XX столетие прошло под знаком гегемонии одной организации. И там, и тут в течение около 70 лет у руля правления находились однотипные партии. Обе

они, близнецы-сестры, являлись симбиозом партии и государства. В Мексике партия именовалась Институционно-революционной партией (ИРП).

ИРП была основана в марте 1929 г. Ее звездные часы приходятся на период президентства видного политического и общественного деятеля, генерала Л. Карденаса (1934–1940 гг.). Тогда были осуществлены крупномасштабные реформы, обеспечившие долговременное устойчивое развитие, превратившие Мексику в оазис стабильности в зоне бурь и потрясений, в которую превратился почти весь остальной континент в 1960–1970-е гг.

Периодически в центре и на местах проводились выборы. Но все это делалось под неусыпным контролем ИРП. Оппозиция формально существовала в виде карликовых организаций, однако они не определяли политическую погоду. Демократия была ограниченной и управляемой.

Альфой и омегой политической модели являлось то, что действующий президент сам называл преемника — как правило, из числа министров внутренних дел. Эта технология получила наименование «дедасо». На русский язык выражение переводится как «указующий перст». Все ждали взмаха «дирижерской палочки». Остальное было «делом техники». Кандидат автоматически получал одобрение на партийном съезде. Затем избирался главой государства. Электоральная машина работала без сбоев. Искомый результат достигался.

До поры до времени страна отличалась политической устойчивостью. Привычно выполнял свои обязанности президент, имевший практически неограниченные полномочия. Функционировали законодательная и судебная ветви власти. Но казавшийся незыблемым порядок постепенно начал подтачиваться.

Так продолжалось, пока в октябре 1968 г. не грянули студенческие волнения, жестоко подавленные с помощью силы. Эти события, потрясшие страну, послужили для властных кругов толчком к дозированной демократизации. Стало ясно, что сохранение статус-кво чревато непредсказуемыми последствиями.

В первую очередь перемены коснулась самой ИРП. Показателем сдвигов явился отход от привычного принципа «указующего перста». Пионером нововведения был Э. Седильо, избранный главой государства в 1994 г. В канун очередной кампании он впервые устранился от отбора преемника, отказался от устоявшейся практики. Тогда в ИРП прошли внутренние выборы, в которых участвовали не только члены партии, но и сочувствующие. Это, безусловно, способствовало оздоровлению общественного климата, консолидации оппозиции. Но не смогло сдержать натиска с двух противоположных флангов. К тому моменту уже сложилась реальная трехпартийная система.

В правом сегменте политического поля находилась Партия национального действия (ПНД), конституировавшаяся в 1939 г. Позднее она идентифицировалась как организация социал-христианского толка. По мере идейной эволюции партия сдвинулась к центру. Долгое время она оставалась маргинальной на общенациональной сцене, и лишь в 1989 г. ее представитель сумел добиться губернаторского кресла в штате Новая Калифорния.

Левоецентристскую нишу занимала Партия демократической революции (ПРД), образованная «диссидентами ИРП». Они сгруппировались вокруг популярного деятеля К. Карденаса, губернатора штата Мичоакан. На выборах 1988 г. из-за идейных разногласий с руководством он самостоятельно выдвинулся на пост президента и получил, согласно официальным данным, 31,1 % голосов [1, р. 252]. Однако, по выражению местных и зарубежных наблюдателей, у него «украли» победу, присудив ее сопернику. Разразился грандиозный скандал, правая и левая оппозиция оспаривали результаты. Но безуспешно: система еще работала, правда, уже со сбоями.

Серьезным шагом по демонополизации политики стала реформа избирательного законодательства, осуществленная в августе 1993 г. Она отменяла «статью об управляемости», ограничивая 65 % число депутатских мандатов от одной партии, независимо от полученных голосов. Это расчищало оппозиции дорогу в парламент [2, р. 253]. Важным этапом на этом пути явилась проведенная в 1996 г. реформа высшей электоральной инстанции — Федерального избирательного института — с целью превращения его в орган, полностью автономный от исполнительной власти.

1990-е гг. знаменовали конец политической стабильности. По стране прокатилась волна террористических акций. 21 марта 1994 г. был убит кандидат от правящей партии Л.Д. Коло-

сио Мурьета, а 28 сентября — ее генеральный секретарь Х.В. Руис Массиеу. Дополнительными дестабилизирующими факторами стали данные о причастности к коррупции и торговле наркотиками высших должностных лиц государства (включая экс-президента и его брата).

Парламентские схватки 1997 г. выявили новую расстановку сил: ИРП имела 315 мандатов в обеих палатах, в том числе 239 — в нижней и 76 в верхней, ПРД — 141 (125 и 16), ПНД — 156 (122 и 34) [3, р. 248]. Становилось очевидным, что страна подошла к порогу неизбежных перемен. И они наступили.

В июле 2000 г. состоялись президентские выборы. Бесспорную победу на них одержал 58-летний В. Фокс, взявший верх над основным соперником — кандидатом от ИРП. ИРП смирилась с поражением и спокойно, без эксцессов, перешла в оппозицию.

Выходец из ранчо

Висенте Фокс Кесада родился 2 июля 1942 г. в состоятельной семье, владевшей ранчо и кожевенным производством в штате Гуанахуато, расположенном в центре страны. Предок по отцовской линии — ирландец, переселившийся из США в 1913 г. Его собственность сильно пострадала во время революции 1910–1917 гг. Мать была родом из Испании. Сразу же после рождения ребенка отвезли в деревню. Он рос бок о бок с крестьянскими ребятами, ухаживал за телятами и бычками, своими глазами видел, как трудятся поденщики, не понаслышке знал о бедности.

Получив среднее образование, юноша продолжил учебу в Иbero-американском университете в столице страны. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Фокс признавал, что на фоне сокурсников он «выглядел провинциалом». Но он отличался исключительным трудолюбием. Получив специальность менеджера, еще не завершив образования, в 1964 г. он нанимается в корпорацию «Кока-кола». Начиная Фокс с должности инспектора, колесил на грузовике по городам и весям, развозя готовую продукцию. Это позволило ему лучше познать глубинку, познакомиться с жизнью в провинции. Успешно продвигаясь вверх по ступенькам служебной лестницы, в 33-летнем возрасте он становится руководителем мексиканского и латиноамериканского филиалов компании, самым молодым управляющим в ее истории. Параллельно он совершенствовался в Школе бизнеса Гарвардского университета в Бостоне (штат Массачусетс, США).

В 1979 г. после кончины отца Фокс возвратился в деревню, занялся сельским хозяйством и предпринимательством. Сфера его интересов охватывала агропромышленный комплекс, включая животноводство, растениеводство, экспорт замороженных овощей, выделку кож и производство обуви, преимущественно сапог ковбойского типа. Вся эта способствовало созданию новых рабочих мест.

Одновременно Фокс сотрудничал в местной и федеральной прессе. В качестве главы фирмы являлся советником Мексикано-Американской торговой палаты. Много внимания уделял он благотворительности, инициировал создание детских приютов, яслей, школ, финансировал средние и высшие учебные заведения, в том числе оказывал содействие филиалу Иbero-Американского университета, находившегося в Леоне, столице штата Гуанахуато. Этим он занимался по зову души. Мысли о бедноте никогда его не оставляли.

Родители — Хосе Луис Фокс и Мерседес Кесада — мечтали, чтобы сын стал священником, и отдали его в иезуитский колледж. Но он выбрал иной путь.

На подступах к Олимпу

Фокс не имел намерений включаться в политику. Политиком стал довольно поздно, по настоянию друга юности М. Х. Клоутьера, который сам в 1988 г. баллотировался на президентских выборах и вышел на третье место. После долгих уговоров в марте 1988 г. В. Фокс становится членом ПНД. В том же году в возрасте 46 лет избирается депутатом парламента. В теновом кабинете ему досталась должность министра сельского хозяйства, поскольку он обладал обширными знаниями и практическими навыками в этой сфере. Располагая депутатским мандатом, Фокс, как и большая часть фракции, проводили конструктивную линию по поддержке ряда инициатив ПНД, поскольку к этому моменту ИРП перехватила многие лозунги этой партии. Накопленный опыт не пропал даром. Он оказался востребован позднее.

В 1991 г. он делает первую попытку стать губернатором штата Гуанахуато. Она оказалась неудачной. Фокс уступил сопернику от правящей партии, который добился сомнительного успеха, используя административный ресурс и всевозможные подтасовки. Правда, спустя три года, тот лишился своего кресла. Были объявлены досрочные выборы. Но Фоксу упорства было не занимать: он выдвинулся вновь и добился успеха. Используя новейшие управленческие методы, он превратил подведомственный регион в динамически развивающийся субъект федерации, вывел его в пятерку передовых.

Открывались новые горизонты. Примечательно, что до 1993 г. Фокс и думать не мог о президентстве. Лишь поправка в Конституцию, отменившая запрет отпрыскам иностранцев баллотироваться, предоставила ему такой шанс. В жизни Фокса есть эпизод, о котором было известно лишь очень узкому кругу людей. Тайный сговор верхушки его партии с главой государства привел к тому, что в 1994 г. он не выдвинулся кандидатом. В обмен руководство правящей партии обещало признать факт победы представителей ПНД на губернаторских выборах в ряде штатов [4, р. 53]. Это оставило рубец на памяти Фокса. Он затаил обиду, но не отказался от своих намерений, а дождался очередного цикла и ринулся в бой.

Как видим, путь В. Фокса к вершинам власти не был усыпан розами, но он не был и особо тернистым. Губернаторство в родном штате стало хорошим трамплином для решающего прыжка. Кампанию он начал стремительно. Однако ее лозунги не отличались особой изобретательностью. Они сосредоточились на критике существовавших порядков, выпячивании негативных сторон правления ИРП, преимущественно носили обвинительный характер. Вот образчики критики: «Нет коррупции и несправедливости! Покончим с 70 годами бедности и лжи!».

Поначалу консультанты стремились придать Фоксу имидж «человека с ранчо», лучше других кандидатов понимавшего чаяния народа. На многие мероприятия он приходил не в костюме при галстукe, а в рубашке навыпуск и традиционных сапогах производства своей фабрики. В таком виде он охотно позировал журналистам. Но по мере приближения выборов символика поменялась: он предстал перед соотечественниками в образе респектабельного делового человека, знающего, как управлять не только компанией, но и страной.

Фокс неутомимо работал для достижения поставленной цели: колесил по стране, по несколько раз в день встречался с избирателями, умело находил нужную тональность в общении с аудиторией. При этом ставка делалась не на предвыборные обещания, а на личность самого претендента, что вполне соответствовало традиционным канонам Латинской Америки.

Как подметила российский исследователь Т.П. Петрова, к своей кампании Фокс подошел, используя накопленный управленческий опыт. Многие критики сомневались в правильности подобного метода. Однако стратегия создания своеобразного «продукта» под названием «кандидат в президенты» и продвижения его на рынок, как выяснилось впоследствии, себя оправдала. Добиваясь известности, он не только усердно посещал зарубежные форумы, но и создал в родном штате собственный Всемирный форум. Он окружил себя советниками, помощниками, влиятельными в сфере бизнеса и политики людьми, не скупился на оплату издательских услуг, телевидения и радио, и вскоре его образ стал привычным почти в каждой семье.

Особенностью кампании было и то, что претендент опирался не столько на партийные структуры, сколько на созданную им ассоциацию «Друзья Фокса». Через эту организацию, вскоре превратившуюся в одну из самых многочисленных в стране, велась не только агитационная и пропагандистская работа, но и проводился сбор средств на проведение различного рода массовых мероприятий. Эта структура объединяла свыше 2 млн человек, что в шесть раз превысило число членов ПНД.

Постепенно, возглавив Альянс за перемены, предвыборную коалицию в составе ПНД и Экологической зеленой партии, Фокс выдвинулся в лидеры оппозиции. К тому же конкуренты не отличались особым блеском. Один не сумел противопоставить его напору внятной альтернативы. Другой вел кампанию инертно, судя по всему, предельно устав на предыдущем этапе.

Многие выражения Фокса быстро становились крылатыми. Так, во время обсуждения даты второго раунда телевизионных дебатов, не соглашаясь с двумя другими кандидатами,

он, словно маленький ребенок, упорно твердил: «Сегодня, сегодня, сегодня». Наконец, дату согласовали — 25 мая. Но словечко «сегодня» прочно вошло в его политический лексикон. Оно было подхвачено толпами митингующих, которые скандировали на площадях: «Мы хотим перемен! Сегодня, сегодня, сегодня!» [5, с. 36–38].

Некоторые исследователи укоряли Фокса в отрыве от своей партии. Но это был не промах, а четко продуманная, гибкая стратегия. Взяв ее на вооружение, он исходил из ряда важных соображений. Он понимал, что его партия не располагает эффективной электро-альной машиной, наподобие той, что имела ИРП. Он отдавал себе отчет в том, что для успеха недостаточно мобилизовать только лишь партийные ресурсы. Исходя из этого, он опирался на поддержку и неформальных кругов, и личных друзей, а также крупного капитала.

По свидетельству российского журналиста В.Е. Травкина, кандидату оказывал финансовую помощь университетский однокашник, известный воротила бизнеса, миллиардер Р. Эрнандес Рамирес, президент Административного совета и Генеральный директор Национального банка Мексики [6, с. 53]. Но Фокса нельзя было упрекнуть в небрежении партийными интересами. Самое главное состояло в том, что он стремился не ограничиваться узкими рамками одной партии, пользовавшейся сравнительно невысокой популярностью, а предстать в роли общенационального лидера. Подобная стратегия полностью себя оправдала, и не только на стадии приступа к высотам власти. Достаточно указать, что он получил голосов больше, чем поддерживающий его альянс. Правомерность такой стратегии подтвердилась и в ходе практической деятельности.

Выборы состоялись в воскресенье 2 июля 2000 г. В этот день к урнам явились свыше 37,5 млн граждан. 42,5 % поддержали фаворита гонки, его ближайшего конкурента Ф. Лабастиду — 36,1 %. Разница почти в 2,5 млн голосов красноречива. На третьем месте с 16,6 % оказался выдвигенец ПРД К. Карденас. Три остальных претендента набрали 2,6 % [7, с. 209]. Никто не оспаривал результаты народного волеизъявления.

Успех был обеспечен стремлением граждан к переменам. Согласно данным социологов, Фоксу отдали предпочтение более образованные и молодые слои городского населения. Это нашло отражение в итогах голосования по штатам. Немаловажным фактором явилось участие в голосовании свыше 1 млн граждан, впервые получивших подобную возможность.

Таким образом, одержав убедительную победу, Фокс добился легитимного права на 6 лет стать хозяином президентского дворца.

В кресле главы государства

Фокс взшел на вершину политического Олимпа на заре XXI в., обещав углублять процесс демократизации. Его девиз — «свобода, ответственность, честность, открытость, равенство возможностей для всех». Эти принципы легли в основу его деятельности.

Значимость выборов 2000 г., по мнению президента, определялась, прежде всего, тем, что от рычагов управления оказалась отстраненной «государственная» партия. В свою очередь, это знаменовало конец 70-летнего режима, прикрывавшегося якобы демократическими выборами. Соответственно, приход «правительства перемен» означал возможность покончить с авторитарным прошлым и направить развитие страны в русло утверждения демократии как принципа существования [8, с. 5].

Одновременно Фокс заявил, что нельзя пренебрегать богатым опытом ИРП, под знаком которой прошел XX в., но наступающее столетие станет периодом реальной многопартийности и подлинной демократии. Вместе с тем он признавал, что его партия имеет свой «потолок» и открыта для конструктивного диалога с другими силами, включая, разумеется, и бывшую правящую партию, которая, пройдя через процесс переосмысления ценностей и собственной роли, способна занять достойное место в реформируемой политической системе.

По мнению Фокса, ни в коем случае не следует отвергать предшествующий опыт. «Граждане моей страны, — подчеркивал он, — десятилетиями трудились над построением демократии, созданием гражданского общества». В подтверждение этого тезиса он приводил примеры активных выступлений железнодорожников, врачей, учителей и студентов в 1950–60-е гг. И подчеркивал, что пробуждение критического сознания в 1970-е гг., а также мас-

совая политическая и социальная борьба в 1980–90-е гг. подорвали основы авторитарного режима, открыв дорогу к демократии [9, с. 4].

Особое место в мировоззрении Фокса отводилось проблеме демократии. Эту животрепещущую тему он затрагивал многократно в официальных документах, в частности в ежегодных посланиях Конгрессу Союза, в речах и выступлениях, в интервью мексиканским и зарубежным журналистам.

Базовые компоненты демократии, по мнению президента, включают свободу слова и объединений, свободу вероисповедания, соблюдение гражданских и личных прав человека, верховенство закона, плюрализм мнений. Демократия предполагает также подлинное, а не номинальное разделение властей, наличие сдержек и противовесов в виде независимых друг от друга ветвей федеральной власти, а также местных органов управления.

Сразу же после инаугурации глава государства совершил ознакомительную поездку практически по всем штатам. Особое внимание он уделил проблемам регионов с высоким процентом индейского населения, в том числе штата Чьяпас, где в 1994 г. вспыхнуло вооруженное восстание.

В плане обновления национальной политики немалое значение имел Закон о правах и культуре индейского населения. Он был принят при участии организаций гражданского общества. Несмотря на то, что во время обсуждения проекта в него внесли ряд поправок, ограничивавших сферу его действия, этот акт стал основой урегулирования этнополитического конфликта. В целях гарантии прав национальных меньшинств была образована Комиссия развития индейских народов [10, с. 42].

Важнейшим шагом на пути перемен стал Закон о транспарентности и доступе к информации. Документ обязывал государственных служащих предоставить любому гражданину, обратившемуся с запросом, положительный или мотивированно отрицательный ответ в течение 20 рабочих дней. Документ предоставлял возможность отслеживать зарплату чиновников от начальника департамента до президента, следить за исполнением бюджета, лицензионной деятельностью и другими параметрами работы администрации. Предусматривается строгая ответственность чиновников за умышленное утаивание информации. Помимо прочего, закон перекрывал один из источников коррупции и неэффективности бюрократического аппарата.

Вслед за этим появился декрет об открытии архивов специальных служб, где длительное время за семью печатями хранилось, в частности, огромное количество дел, связанных со студенческими волнениями 1968 г. Снятие грифа секретности с документов позволило пролить свет на темные страницы национальной истории. В архивах стали работать ученые. Открылись возможности для углубленного исследования этого периода, базировавшегося на подлинных, ранее недоступных документах. Президент назначил уполномоченного прокурора для расследования преступлений и наказания виновных. В феврале 2004 г. был взят под стражу бывший руководитель ликвидированной спецслужбы.

Некогда в Мексике бытовало выражение, приписываемое правившему с 1876 по 1880 гг., а позднее еще 27 лет диктатору П. Диасу, сметенному революцией 1910–1917 гг. Он как-то бросил казуистическую фразу: «Для моих друзей — все, для моих врагов — суд», недвусмысленно намекая на то, что судом можно манипулировать, использовать по собственному усмотрению.

В соответствии с Законом о транспарентности было создано контрольное управление по борьбе с коррупцией и расхищением общественных средств. Лишь в 2003 г. было проведено около 4 тыс. аудиторских проверок и привлечено к ответственности свыше 2 тыс. государственных чиновников, у которых изъяли 250 тыс. долл. В июне 2004 г. за подобное преступление осудили на 7,5 лет бывшего мэра Мехико О. Э. Вильярроэля, находившегося на этом посту с 1994 по 1997 гг. Сначала он сам ушел в отставку из-за разоблачений, а в 2000 г. бежал в Канаду, затем переместился в Никарагуа. Позднее по запросу мексиканских властей его поместили в тюрьму и спустя год выслали на родину [11]. Особая значимость события заключалась в том, что впервые за 70 лет на скамье подсудимых оказался чиновник такого ранга.

Демократия — это улица с двусторонним движением, предполагающая разделение властей. Особую роль в процессе демократизации стал играть Федеральный избирательный институт, превратившийся в подлинно независимый от исполнительной структуры орган

власти. Об авторитете данной инстанции красноречиво говорила любопытная деталь парламентской кампании 2003 г.: Фокс удостоился замечания высшей электоральной инстанции за использование административного ресурса, а именно — показ агитационных роликов на телевидении, рассказывавших о достижениях правительства. В этом усматривалась косвенная поддержка правящей партии, пытавшейся добиться большинства в нижней палате. Он внял предупреждению и распорядился снять с показа упомянутые ролики. Тогда же выяснилось, что партии, поддерживавшие Фокса, получали помощь из-за границы, преимущественно от мексиканцев, проживающих в Соединенных Штатах, что запрещается действующей конституцией. За это они подверглась крупному денежному штрафу. Пришлось платить — таковы правила демократической игры. Но эти разоблачения дорого обошлись партии власти, потерявшей немало мандатов в парламенте.

Знаковым стал закон, предписывавший, что не менее 30 % кандидатов от любой партии на выборах в органы власти должны составлять женщины. В этот же контекст органически вписывалось решение о создании специальной прокуратуры для осуществления надзора за преступлениями, совершаемыми в отношении женщин, в частности актами надругательства, насилия, вплоть до физической ликвидации.

Осознавая особую значимость в современном мире высоких технологий как главного двигателя прогресса, своеобразного локомотива, способного придать мощный импульс всей промышленности, и принимая во внимание отставание Мексики в этой сфере от других латиноамериканских стран, Фокс инициировал принятие в 2001 г. «Комплексной программы по поддержке информационных технологий» и «Программ развития software». Она предусматривала совместно с частными предпринимателями развитие информационных технологий на 9 лет. Цель программы — создать условия для развития конкурентной на мировом уровне промышленности и обеспечить ее рост на длительную перспективу. При этом государству отводилась роль проводника политики по финансовой подпитке предприятий — производителей программного обеспечения. За короткий срок в этом плане удалось добиться заметных достижений. Еще в 2001 г. только 62 из каждой тысячи мексиканцев имели доступ в Интернет, в основном из-за большой ежемесячной платы за эту услугу — 65 долл. Спустя год показатели изменились в лучшую сторону: количество пользователей увеличилось до 98 долл., а стоимость доступа снизилась до 23 долл. [12, с. 33, 37–38].

Фокс — политик толерантного толка. Он наладил конструктивный диалог с законодателями, лидерами оппозиционных партий, иерархами католической церкви. В условиях отсутствия большинства в Конгрессе Союза (парламенте) президент и его партия неизменно пытались достичь консенсуса посредством напряженных переговоров и конструктивного диалога, добиваясь законодательного закрепления инициатив правительства.

Случались и скандальные ситуации. Например, произошел конфликт с алькальдом (мэром) столицы — крупнейшего мегаполиса мира, насчитывающего 20 млн человек, — А. Лопесом Обрадором. Его обвинили в неблаговидных поступках, в нецелевом использовании бюджетных средств и временно отстранили от должности. После тщательного расследования, не обнаружившего криминала, и взаимных перепалок конфликт рассосался, и Лопес Обрадор вернулся к выполнению своих обязанностей. Позднее он выдвинулся кандидатом в президенты от Партии демократической революции и имел неплохие шансы на успех.

В числе приоритетов в социальной сфере провозглашалась борьба с бедностью, которую Фокс считал наихудшим злом, требующим скорейшей ликвидации или хотя бы значительного уменьшения масштабов. Соответственно была принята и стала настойчиво претворяться в жизнь целевая «Программа новых возможностей».

Разумеется, столь болезненную проблему было трудно решить за короткий срок, отведенный президенту, учитывая, что она долгое время находилась на периферии внимания прежней власти. Тем не менее в указанной сфере имелись существенные достижения. Проиллюстрируем это цифрами.

За период с 2000 по 2002 гг. количество людей, проживавших за чертой бедности, сократилось на 16 %. За 5 лет администрации Фокса 25 млн человек улучшили условия жизни. По сравнению с 2000 г. они получили от государства в два раза большую помощь на медицинское обслуживание, образование, приобретение жилья, продуктов питания и т.п.

Одна из особенностей этой программы – в ее селективности, или точечной помощи. Она была адресована преимущественно самой незащищенной части населения – крестьянам-индейцам из отдаленных и отсталых районов. В деревнях велось строительство дорог, водопроводов, электросетей, амбулаторий. Беременные и кормящие женщины получали специальное питание и медицинскую помощь. Так, например, в 2004 г. для улучшения условий жизни индейских общин было потрачено около 2 млрд долл. В том же году было бесплатно роздано 179 названий учебников на языках коренных народностей. В 2005 г. около 1,3 млн школьников-индейцев получали бесплатные завтраки. За 5 лет было подготовлено свыше 9 тыс. врачей и 7 тыс. медсестер, построено и модернизировано 1 500 поликлиник, 1,5 млн семей приобрели собственное жилье.

Неотъемлемой частью социального курса стали новации в сфере образования. Они были продиктованы не только сугубо прагматическими задачами, но пониманием, что таким образом создается база для современного технологического развития. Только за первые 4 года правления Фокса расходы на образование возросли на 18 %. В среднюю школу пришли 86 тыс. новых учителей. Если в 2001 г. денежными пособиями пользовались 2,8 млн учащихся, то к 2005 г. их число превысило 5 млн. Это привело не только к увеличению количества школьников, но и росту посещаемости занятий. За тот же период было создано 68 новых вузов. Соответственно число выпускников подскочило с 2 до 2,4 млн [13, р. 3–12]. Президент отнес это к числу важнейших достижений своей администрации.

Исповедуя гуманистические принципы и являясь убежденным противником смертной казни, полагая, что это входит в противоречие с фундаментальным правом человека на жизнь, Фокс инициировал принятие поправки в конституцию и подписал декрет об отмене смертной казни. Это важнейшее событие произошло 11 декабря 2005 г. в преддверии Международного дня прав человека. При этом президент заверил, что Мексика будет и впредь защищать своих граждан, приговоренных к смертной казни в других странах [14]. Таким образом, она присоединилась к числу государств, придерживающихся аналогичной нормы.

Особенность стиля и методов правления Фокса, как уже отмечалось, состояла в том, что он слегка дистанцировался от Партии национального действия. Оценка такого поведения не может быть однозначной. Это имело и свои плюсы, и минусы. В одних ситуациях это помогало, в других – нет. Принимая во внимание наличие в партии двух течений – обновленческого и традиционалистского, президенту приходилось маневрировать в поисках оптимальных вариантов. Но, безусловно, уменьшение после промежуточных выборов в июле 2003 г. численности парламентской фракции ПНД, вызванное финансовыми злоупотреблениями, создало серьезные трудности для исполнительной власти.

Было бы ошибочным утверждать, что все задуманное удалось претворить в жизнь. В частности, масштабы бедности, несмотря на достижения, оставались значительными. Не увенчалась успехом попытка фискальной реформы, преследовавшая цель увеличения потребительского налога. Не удалось внести назревшие поправки в конституцию. Они были заблокированы парламентом. Но, несмотря на систематические нападки со стороны оппозиции, особенно левых интеллектуалов, рейтинг главы государства продолжал оставаться высоким.

Из сказанного напрашивается вывод, что Мексика за время президентства В. Фокса добилась немалых успехов на пути создания модели, сочетающей экономическую стабильность с плюралистической демократией.

Лицом к России

В числе внешнеполитических приоритетов в период президентства Фокса особое место отводилось России. В день инаугурации он принял председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В ходе дружеской беседы с Г.Н. Селезневым глава государства подчеркнул, что является сторонником укрепления двусторонних отношений и будет поощрять тесное сотрудничество с Россией [15, с. 63].

В 2004 г. президент В.В. Путин свой первый визит в континентальную Латинскую Америку нанес именно в Мексику. И прошел он в годовщину 80-летия установления дипломатических отношений между СССР и Мексикой. Мексиканский и российский президенты познакомились в Шанхае в 2001 г., в дни работы Саммита АТЭС, и быстро нашли общий язык. Между ними состоялась доверительная беседа с глазу на глаз [16, р. 108].

Во время краткосрочного визита В.В. Путин удостоился поистине королевских почестей. В центре переговоров стояли экономические вопросы. Фокс в интервью газете «Коммерсантъ» озвучил цифру товарооборота, назвав ее неприемлемо низкой — 312 млн долл. [17]. На фоне других государств — это мизер. Но импульс развитию был дан. В своих выступлениях В.В. Путин обозначил приоритеты — прежде всего, это сотрудничество в газовой и нефтяной отраслях. Он подчеркнул: «Запланированы поставки сжиженного газа на побережье США и Мексики. Но еще более перспективной может стать совместная работа российских и мексиканских специалистов по всему циклу разведки, добычи и транспортировки газа и нефти». Президент России отметил, что «Газпром» уже установил первичные контакты, перешло в практическую плоскость рассмотрение вопроса о поставках низкообогащенного урана для атомной электростанции «Лагуна Верде» [18, с. 25].

В ходе пребывания В.В. Путина в Мексике была достигнута договоренность о сооружении двух заводов: по ремонту российских вертолетов, которые давно эксплуатируются в ВВС и ВМФ, и по производству многоцелевых грузовых машин в городе Саагун, расположенном в 80 км к северу от столицы. При этом Фокс подчеркнул, что для военных нужд они использоваться не будут. Местная печать отмечала, что в годы «холодной войны» Мексика практически не закупала советское военное снаряжение. Теперь она готова приобретать отдельные виды вооружения, поскольку оно дешевле изделий, продаваемых Соединенными Штатами или большинством европейских поставщиков [19].

Выступая на церемонии встречи, В.В. Путин привел примеры взаимодействия в области науки и образования. «Сейчас в Мексике, — отметил он, — работают более 500 исследователей и преподавателей вузов. Хотел бы отметить плодотворное сотрудничество в сфере информационных технологий Московского государственного университета с Автономным университетом в штате Пуэбла. Более 2 тыс. мексиканцев окончили советские и российские вузы и сегодня успешно трудятся в бизнесе, науке и других областях» [20, с. 22].

Визиту предшествовал первый форум «Россия — Мексика», рассмотревший вопросы экономического взаимодействия и выработавший соответствующие рекомендации. Он внес заметный вклад в развитие связей между правительствами, предпринимательскими и академическими кругами обеих стран.

Мексиканская пресса в целом высоко оценивала итоги поездки В.В. Путина. Так, газета *La Jornada* подчеркивала: «Визит назван обеими сторонами историческим. Ибо это первый визит, который осуществляет глава российского государства за 114 лет дипломатических отношений между этими странами, включая 70 лет советского периода. И также первый в Латинскую Америку» [21].

Обсуждение комплекса глобальных и двусторонних проблем продолжилось в Москве, которую Фокс с супругой посетил в июне 2005 г. В центре внимания переговоров стояли экономические вопросы. Помимо протокольных мероприятий, включая переговоры в узком и расширенном составах, имели место и другие контакты: Фокс обменялся мнениями с группой предпринимателей, заинтересованных в интенсификации деловых связей, общался с деятелями науки и культуры, руководителями информационных агентств, главными редакторами ряда газет и журналов. Важным итогом встреч явилось подписание, наряду с прочими документами, Совместного заявления, Соглашения о намерениях по сотрудничеству в энергетической сфере, а также протокола о признании России страной с рыночной экономикой [22]. Это стало еще одним шагом к ее вступлению во Всемирную торговую организацию.

Грани личности

Хотя Фокс и не стал священником, как того желали его родители, тем не менее годы учебы в католическом колледже, приобретенные там теологические знания глубоко запали в его душу. Он верующий человек, усвоил традиционные христианские этические и моральные ценности, впитал в себя идеи гуманизма, проповедующего милосердие к ближнему, заботу о нем.

Детство, проведенное в сельской местности в компании со своими братьями, наложило отпечаток на облик Висенте. В студенческие годы он выделялся застенчивостью на фоне городских сверстников, производил впечатление деревенского увальня, но быстро освоился, стал завсегдатаем шумных сборищ. Он отличался усидчивостью, прекрасно учился, но, не закончив курса, поступил на работу и доучивался фактически заочно.

Будучи губернатором, Фокс особое внимание уделял сохранению неповторимого архитектурного облика Леона, «самого мексиканского города Мексики» [23, с. 185], понимая, что именно там рождалась независимость его любимой Родины, именно там прозвучал знаменитый колокольный звон, возвестивший о начале борьбы за свободу.

Одна из черт стиля правления Фокса — стремление не ограничивать себя информацией, предоставляемой советниками и помощниками, а чаще общаться в неформальной обстановке с простыми гражданами, узнавать напрямую их мнение о текущих событиях, выслушать жалобы на действия региональных и местных чиновников. «Мне нравится ездить по стране, встречаться с людьми, посещать школы, а не сидеть в кабинете, — говорил он. — Это служит дополнительным источником моей энергии: я чувствую поддержку мексиканцев и со своей стороны пытаюсь вдохновить их на совместный труд ради блага страны, а значит, ради их собственного благосостояния» [5, с. 58].

В этот же контекст вписывалось выступление в качестве ведущего в еженедельной субботней радиопрограмме «Фокс с тобой». При этом он не солировал, а приглашал для участия интересных собеседников, с которыми в режиме уважительного диалога обсуждал насущные проблемы.

Фокс не был лишен популистских замашек. Именно в такой манере он провел 1 декабря 2000 г. — день своего вступления в должность президента. В 9 часов утра он подъехал к храму Святой Девы Гвадалупской, любимицы мексиканцев, и принял участие в молебне. Это был беспрецедентный случай. На данный факт как признак своей приверженности к католической вере пре-зидент обратил внимание корреспондента Радио Ватикана [24, р. 136].

После службы мимо толп ликующих горожан В. Фокс отправился на завтрак с беспризорными детьми в бедном районах столицы. Там его помощница исправно записывала просьбы жителей округа. Затем, переодевшись прямо в машине, он отправился на церемонию приведения к присяге. Вечером прошел торжественный прием. Но вопреки устоявшейся традиции, он состоялся в замке Чапультепек, где мексиканская история «отдыхает» в покоях бывшего императора Максимилиана. «За один день, — замечала российский исследователь Т.П. Петрова, — новый президент пообщался практически со всеми слоями населения». Она же подметила и такую любопытную деталь. В своем рабочем кабинете вместо портретов вождей Мексиканской революции Фокс повесил изображение Святой Девы Гвадалупской [5, с. 39].

С приходом Фокса к управлению государством впервые в истории страны для граждан открылась президентская резиденция «Лос Пинос». Фокс гордился этим нововведением, неоднократно рассказывал об этом гостям, упоминая, с каким удовлетворением он наблюдал из окна, как простые люди идут туда, куда раньше им вход был заказан [25, р. 120].

Посетив впервые в жизни Москву, Фокс изумлялся обилием в городе зеленых насаждений и парков, восхищался широкими магистралями, ведущими из центра к спальным районам, в частности, на юго-западе столицы.

Приветствуя высоких гостей у себя на Родине, на Марсовом поле, Фокс с нескрываемой гордостью, эмоционально рассказывал о том, как хорошо осведомлены его соотечественники о русской и советской культуре. В частности, звучали имена кинематографиста С. Эйзенштейна и поэта В. Маяковского, посещавших страну древних ацтеков. «Повесть Николая Гоголя “Нос”, — поведал президент, — была обязательным чтением для мужчин и женщин». А его «Дневник сумасшедшего» долго не сходил с театральных афиш. Фокс подчеркивал, что «художественное творчество и политические идеалы Д. Риверы и Д.А. Сикейроса подпитывались социальными свершениями в Советском Союзе». Пресса писала о любви мексиканцев к балетам П.И. Чайковского «Щелкунчик» и «Лебединое озеро», которыми они восторгались во время гастролей Большого театра [26, с. 49].

Фокс обладал эрудицией и широтой кругозора. Он держал в поле зрения события, развивавшиеся в других регионах. Так, обращаясь к В.В. Путину, он отмечал: «Мы, мексиканцы, с большим интересом следили за недавним процессом преобразований в России. Мы также погрузились в ускоренный процесс перемен. Мексика осуществила свой собственный переход и сегодня консолидируется как подлинно демократическая нация» [28, с. 50].

Не меньшие познания по истории и культуре, особенностях развития конкретных стран он демонстрировал во время зарубежных поездок, выступая на торжественных приемах либо в различных аудиториях.

Фокс — неплохой оратор. Автору данных строк довелось слушать его выступление перед научной и студенческой общественностью в МГИМО. Президент говорил короткими фразами, практически не заглядывая в заранее заготовленный текст, четко и ясно произносил слова. На протяжении 45 минут он держал аудиторию в напряжении, а затем подробно и доходчиво отвечал на вопросы. Говоря об экономических взаимоотношениях, он обратил внимание присутствующих на компактно сидящих предпринимателей, и зал зааплодировал, когда он назвал главу фирмы, выпускающей знаменитое пиво «Корона». Фокс и свои ежегодные послания Конгрессу Республики не зачитывал, а, положив пухлый том на трибуну, не глядя в текст, спокойно излагал его основное содержание.

Касаясь личной жизни Фокса, скажем, что женитьба на Лилиане де ла Конче, работавшей в той же корпорации, что и муж, не принесла счастья и радости. Она была консервативной католичкой, симпатизировавшей секте «Легион Христа». Совместная жизнь не сложилась, супруги развелись в 1991 г. В тот момент будущий президент приближался к своему 50-летию. С тех пор он считался завидным женихом. Не исключено, что данное обстоятельство побудило многих представительниц прекрасного пола отдать ему свои голоса.

2 июля — магическая дата для Фокса. В этот день он появился на свет. Именно в этот день он добился успеха в битве за кресло главы государства. Далеко не всякий способен преподнести себе ко дню рождения столь роскошный подарок. Спустя 12 месяцев, именно в этот день он заключает матримониальный союз с красавицей Мартой Саагун.

Романтические отношения президента с ближайшей помощницей ни для кого не являлись секретом. О них судачили на всех перекрестках, расценивая их как вызов общественному мнению. В этой связи сам Фокс произнес такие слова: «У нас нет брачного контракта, нас объединяет только любовь».

В 2002 г. во время пасторского визита Папы Римского в Мексику, самую многочисленную католическую страну на континенте, произошел казус. Окружение Понтифика настоятельно просило, чтобы на церемонии официальной встречи она присутствовала в качестве «подруги», поскольку у них не «существует канонического церковного брака».

Говоря о приватной жизни Фокса, уместно упомянуть и такой факт. У первой леди Мексики возникли президентские амбиции, которые она отнюдь не скрывала. В июне 2004 г. это стало достоянием гласности, вызвав крайне негативную реакцию средств массовой информации. Многими это трактовалось как попытка возврата к печально знаменитым методам «указующего перста». Разразился скандал. В ответ первая леди отказалась от своих намерений, заметив, однако, при этом, что пришло время для избрания женщины на пост главы государства.

На облик и личность Фокса наложило отпечаток общение с природой. Его отличительная черта — приверженность традициям. Свободное время он проводил на ранчо в компании четверых приемных детей: Анны-Кристины, Паулины, Висенте и Родриго, которые находились на попечении отца. Это факт сам по себе делает более выпуклым портрет человека, трогательно заботящегося о неродных чадах. На их имена он открыл специальные счета в банке.

Непривычный по мексиканским меркам рост Фокса — почти 2 метра — и большой нос постоянно служили объектом для подтрунивания карикатуристов. Но президент на них не обижался, понимая, что это лишь способствует его популярности.

Он лихой мотоциклист, великолепный наездник. К верховой езде пристрастил и свою избранницу. Его любимая еда — острые перченые блюда национальной кухни, любимые виды спорта — футбол и теннис. На отдыхе стройный высокий представительный кабальеро с обворожительной улыбкой на лице и пышными усами, любимец женщин щеголял в широкополой шляпе и ковбойских сапогах.

Но было бы ошибочным рисовать идеальный образ человека, сотканного из плоти и крови. У него немало и отрицательных черт. Порой он неводержан, излишне импульсивен и эмоционален, не всегда глубоко вникает в суть проблемы. Нередко оказывался замешанным в неприглядных финансовых скандалах, например, связанных с Банковским фондом защиты сбережений, в период активной предпринимательской деятельности. Правда, впоследствии в этих делах был полный порядок.

* * *

Подводя итоги, следует выделить заслуги Фокса. Появившись на общенациональной политической арене в начале третьего тысячелетия, он стал олицетворением кардинальных перемен, прежде всего — окончания 70-летней монополии на власть ИРП. С его деятельностью было неразрывно связано углубление процесса демократизации, транспарентность государства и всех его институтов. Как отмечала известный российский исследователь Ю.И. Визгунова, «в Мексике был плавно, с широким участием гражданского общества демонтирован президентский конституционно-авторитарный режим, не имевший аналогов в Латинской Америке, и совершился переход от монополии одной партии к многопартийности» [10, с. 41].

Все это дает основания утверждать, что Фокс превратился в знаковую фигуру, внесшую решающий вклад в демократический транзит. Отнюдь неслучайно группа мексиканских ученых в книге, увидевшей свет в 2007 г. и впоследствии переведенной на русский язык, подчеркивала, что именно с этой личностью связаны коренные изменения в политической жизни, наступившие в начале нынешнего столетия [27, с. 290].

В конце 2006 г. Фокс передал бразды правления преемнику и покинул президентское кресло с сознанием выполненной миссии. Он останется в истории Мексики как деятель, внесший решающий вклад в демонтаж несущих конструкций прежней политической системы и ее трансформацию в соответствии с вызовами XXI в.

В качестве своеобразного постскриптума можно привести еще два характерных примера. Оставив президентские полномочия, Фокс не устранился полностью от политики, а продолжает держать руку на пульсе событий. Во-первых, он порвал с ПНД. Это случилось после того, как в ходе президентской кампании 2012 г. он доброжелательно отозвался о выдвиженце ИРП, который предложил программу, свидетельствовавшую о том, что возврата к прошлому не будет. Вследствие этого возник конфликт с руководством ПНД, квалифицировавшим данный поступок как предательство. Во-вторых, в апреле 2015 г., накануне VII Саммита Америк, проходившего в Панаме, Фокс вместе с большой группой латиноамериканских экс-президентов подписал специальную резолюцию. В ней содержался призыв к руководителям государств обратить внимание на обстановку, сложившуюся в Венесуэле, и потребовать немедленного освобождения всех политзаключенных.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Manual de los partidos políticos de América Latina. Instituto de relaciones Europeo-Latinoamericanas. — Madrid, 1997.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Травкин В.Е. Новая Мексика: взгляд изнутри // Латинская Америка. 2002. № 7.
5. Петрова Т.П. Висенте Фокс: путь в президенты // Латинская Америка. 2002. № 7.
6. Травкин В.Е. Указ. соч.
7. Латинская Америка и Карибы. Политические институты и процессы. — М., 2000.
8. Висенте Фокс: «Демократия — это диалог и справедливость» // Латинская Америка. 2005. № 8.
9. Там же.
10. Визгунова Ю.И. По трудному пути перемен // Латинская Америка. 2005. № 6.
11. [Электронный ресурс]. URL: bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/spanish/latin_america/newsid_4509000/4609123.htm
12. Панюшкин М.А. Мексика на рынке ИТ: ставка на первенство // Латинская Америка. 2005. № 1.
13. México: dónde estamos y hacia dónde vamos. — México, 2005.
14. [Электронный ресурс]. URL: bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/spanish/latin_america/newsid_4515000/4515812.htm
15. Жублан Л. К истории двусторонних отношений // Латинская Америка. 2001. № 2.
16. Vicente Fox Quesada. Encuentros con los medios. — México, 2006.
17. Коммерсантъ. 07.VI.2004.
18. Дипломатический вестник. — М., 2004. № 7.

19. URL: CNNenespanol.com/2004/americas/06/07/putin_mexico_ap/index.html
20. Дипломатический вестник. — М., 2004. № 7.
21. La Jornada. México. 07.VI. 2004.
22. Совместное заявление по итогам переговоров Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Мексиканских Соединенных Штатов В. Фокса // [Электронный ресурс]. URL: http://www.president.kremlin.ru/interdocs/2005/06/21/1640_type_72067_90040.shtml?type=72067
23. Косичев Л.А. Многоликий мир Латинской Америки. — М., 2005.
24. *Vicente Fox Quesada*. Encuentros con los medios. Op.cit.
25. *Ibidem*.
26. Дабагян Э.С. Знаменательный визит // Россия — Мексика: взгляд через века. — М., 2005.
27. Новая краткая история Мексики. — М., 2008.

О.Н. ДОКУЧАЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ХУАНА ДОМИНГО ПЕРОНА (1895–1974 ГГ.)

Статья посвящена Хуану Доминго Перону — одному из наиболее известных политических деятелей в истории Аргентины и всей Латинской Америки XX в. Научная литература о нем довольно обширна. Однако споры о характере и значимости созданного президентом Х.Д. Пероном в 1940-е гг. идейно-политического движения «перонизм» (с 1970-х гг. чаще используется термин «хустисиализм») и проведенных тремя его правительствами социально-экономических и политических реформ не утихают. С 2003 г. правительство Аргентины возглавили лидеры хустисиалистского «Фронта за победу» — Н. Кишнер (2003–2007 гг.) и К. Фернандес де Кишнер (2007–2015 гг.). В статье сделана попытка обосновать идейное родство и преемственность курса этих правительств с идейно-политическим наследием Перона.

Ключевые слова: Аргентина, Хуан Доминго Перон, политический портрет.

El artículo está dedicado al estudio de la vida y obra de Juan Domingo Perón, una de las figuras políticas más destacadas en la historia de Argentina y de América Latina del siglo XX. La literatura en torno a J.D. Perón es abundante. Sin embargo, hasta hoy día sigue desarrollándose el debate acerca de la naturaleza y el significado del “peronismo” (“justicialismo”), movimiento ideológico y político creado por el presidente J.D. Perón en la década de los cuarenta del siglo XX, así como sobre la actividad de sus tres gobiernos. Desde 2003 el gobierno argentino fue encabezado por los líderes del justicialista “Frente para la victoria” — Néstor Kirchner (2003–2007) y Cristina Fernández de Kirchner (2007–2015). El autor trata de poner de relieve el parentesco de estos gobiernos con el ideario político e ideológico de Perón.

Palabras clave: Argentina, Juan Domingo Perón, retrato político.

The paper explores the life and political activities of Juan Domingo Perón, one of the most prominent politicians in the history of Argentina and Latin America. There are many debates about the nature and significance of “Peronism”, ideological and political movement created by Perón in the 1940s (and, since the 1970s, often called “Justicialism” or “the doctrine of justice”). Since 2003 the Argentine government was headed by Perón’s followers — Nestor Kirchner (2003–2007) and Cristina Fernández de Kirchner (2007–2015). The article aims to show the ideological kinship and policy continuity of these governments with the ideological and political legacy of Perón.

Key words: Argentine, Juan Domingo Perón, political portrait.

В 2015 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Хуана Доминго Перона — пожалуй, самого известного в мире аргентинского политика. С его именем связаны начало ускоренной индустриализации Аргентины после Второй мировой войны, создание массовых рабочих профсоюзов, вовлечение в общественно-политическую жизнь женщин и молодежи, становление в середине 1940-х гг. крупнейшего политического движения страны — перонизма, существенно повлиявшего на формирование современной аргентинской партийно-полити-

ческой системы. Вместе с тем идеология и методы руководства Х.Д. Перона по-прежнему остаются в центре споров исследователей. Предлагаемая статья – еще одна попытка оценить значимость политического наследия этого латиноамериканского лидера.

Начало военной карьеры и поездка в Европу. Х.Д. Перон родился 8 октября 1895 г. в городке Лобос в ста километрах от Буэнос-Айреса в семье землевладельца средней руки. Его прадед по отцовской линии был иммигрантом из Сардинии. Мать происходила из семьи сельских креолов, но в ее жилах текла и индейская кровь. Перон часто говорил, что является наследником двух цивилизаций, создавших аргентинское государство: европейской, привнесенной конкистадорами и иммигрантами из Европы, и местной, индейской. Это обстоятельство, как он считал, обусловило его способность выражать интересы аргентинской нации в целом.

Накануне Первой мировой войны Перон окончил кадетскую школу в Буэнос-Айресе, служил в армии. В 1929 г. получил диплом национальной военной академии, руководил в ней кафедрой военной истории. Автор книг по истории военного искусства [1]. Английская журналистка Ф. Коулес, знавшая Перона лично, писала, что его любимым чтением всегда были книги о государственных лидерах масштаба Наполеона. Они служили ему примером для подражания. Это мнение подтверждают и воспоминания самого Перона.

Первым крупным событием, которое позволяет судить о политических взглядах Перона, был военный переворот 1930 г. в Аргентине, возглавленный генералом Урибуру. Перон не играл в нем заметной роли, но открыто поддержал его организаторов [2, р. 101–102]. Он считал, что в условиях мирового экономического кризиса «гражданские власти» Аргентины не способны «гарантировать порядок» и эту миссию должна выполнить военная диктатура. В 1932 г. гражданское правление было восстановлено, но власть в стране по-прежнему оставалась в руках старых традиционных элит: крупнейших сельскохозяйственных экспортеров – скотоводов и производителей зерна.

С середины 1930-х гг. Перон находился на военно-дипломатической работе. В 1936–1938 гг. он служил военным атташе в Чили, а в 1939 г. получил назначение на ту же должность в Италии. Его задача заключалась в изучении внешнеполитической ситуации в Европе. Он должен был дать национальному военному командованию рекомендации, как следует действовать Аргентине в условиях начавшейся мировой войны [3, р. 26].

Перон прожил в Европе почти два года. За это время он не только познакомился с Италией, в чем ему очень помогло знание итальянского языка, но и побывал в Германии, Франции, Венгрии, Албании, Испании и Португалии. Опыт этих лет сыграл заметную роль в развитии его социально-политических воззрений. В Европе он наблюдал реальный фашизм у власти и в действии. И этот феномен его чрезвычайно заинтересовал. В практике фашизма его привлекали два главных аспекта: сильная исполнительная власть, фактически диктатура, жестко контролирующая и дисциплинирующая общество, и массовая социальная активность населения. «Германия, – вспоминал позже Перон, – произвела на меня впечатление выдающейся нации в том, что касается современного государства... У меня было впечатление гигантского механизма, функционировавшего с потрясающей точностью, где каждый винтик – на своем месте. Организация была изумительная... Это был огромный плавильный горн, в котором рождалось нечто новое» [3, р. 27–28]. Хозяйственные успехи, достигнутые Германией и Италией в предвоенные годы, он целиком относил на счет «правильной», «целесообразной» организации общества, созданной фашизмом. Важнейшим завоеванием он также считал политику, направленную на вовлечение народных масс в орбиту общенациональных задач и целей, поставленных государством.

Перон в тот период полагал, что в Италии и Германии государство стало инструментом, эффективно защищающим интересы нации и народа, что это та самая «подлинно народная», «социальная демократия», к которой следует стремиться [3, р. 29]. Бесспорно, он ошибался, принимая видимость «активности масс», их «включение в общественную жизнь» фашистских государств за подлинную самостоятельность. Эта «активность» на самом деле полностью инициировалась и контролировалась фашистским государством и не имела ничего общего с демократизмом – «не государство служило народу», а «народ служил государству». Впрочем, вполне вероятно, что эти «нюансы» были непонятны и даже неинтересны Перону. Военный человек авторитарного склада, сторонник «сильного правительства» (*“gobierno de fuerza”*), он не мог не сочувствовать дисциплине. Отчасти одобрение Пероном государственной по-

литики Италии и Германии тех лет объяснялось также его критическим отношением к политическим реалиям его родины, Аргентины. Неразвитость представительной демократии, концентрация экономической и политической власти в руках традиционных элит обесценивали, по его мнению, либеральные институты аргентинского государства. Перон считал их неэффективными, не обеспечивающими социальных прав большинства населения и не видел необходимости в их сохранении.

В 1941 г. по возвращении из Европы Перон был назначен командиром подразделения горных стрелков и в 1942 г. получил звание полковника. К этому времени идейно он уже прочно стоял на позициях национализма и был апологетом ведущей роли государства в экономике. У него сформировался честолюбивый долгосрочный план: апеллируя к социальным требованиям трудящихся, получить их поддержку и с ее помощью возглавить страну.

Переворот 1943 г. и деятельность Перона в годы правления военных. В 1943 г. Перон создал тайную организацию «Группу объединенных офицеров» (сокращенно ГОУ (GOU) от исп. Grupo de oficiales unidos). Накануне назначенных на тот год президентских выборов она осуществила государственный военный переворот. Формально поводом к перевороту послужили опасения националистически настроенных офицеров в том, что действующее в Аргентине гражданское правительство под давлением Великобритании и США примет решение о присоединении к антигитлеровской коалиции и вступлении в войну. Заговорщики считали, что нейтралитет в войне экономически выгоднее для Аргентины, поскольку содействует росту внешней торговли накоплению золотовалютных ресурсов и содействует развитию национальной промышленности. Переворот поддержали и несколько генералов, которые формально не были членами ГОУ, но позже возглавили военные правительства. В феврале 1944 г. военным президентом стал генерал Э. Фаррель, покровительствовавший Перону. Сам Перон, будучи идеологом и организатором переворота, предпочел оставаться в тени и заранее не демонстрировал своих конечных целей. По его личной просьбе он был назначен на скромную должность председателя Национального департамента труда, вскоре преобразованного им в «Секретариат труда и социальной защиты». Когда же президентом стал Фаррель, Перон быстро получил звание генерала и, продолжая руководить Секретариатом труда, занял в правительстве ключевые посты военного министра и вице-президента [4, p. 102].

Участники переворота 1943 г. были националистами, симпатизировали державам «оси», однако их взгляды радикально отличались от идей европейских фашистов. Члены ГОУ стремились поставить аргентинское государство на службу национальному промышленному развитию, ограничив влияние местных торгово-финансовых элит. Они хотели изменить устаревшую хозяйственную модель Аргентины, которая базировалась почти исключительно на экспорте зерна и мяса в обмен на импорт промышленных товаров из индустриально развитых стран (Великобритания, США). Такая модель экономики препятствовала развитию в Аргентине собственной промышленности и тормозила развитие страны.

Однако, захватив власть, военные действовали жестко: была установлена военная диктатура, распущен конгресс и другие конституционные учреждения, отменены выборы, объявлены вне закона все политические партии и левые профсоюзы, введена цензура, закрыты газеты, критиковавшие действия военного правительства. Вместе с тем, благодаря этим мерам, старая торгово-финансовая элита была оттеснена от основных рычагов государственного управления. Считая нейтралитет в мировой войне экономически более выгодным для страны, военное правительство намеренно не торопилось с присоединением Аргентины к антигитлеровской коалиции. Аргентина объявила войну державам «оси» лишь 27 марта 1945 г., когда скорое военное поражение Германии было уже очевидно.

В годы войны вследствие изменения конъюнктуры мирового рынка экономика Аргентины переживала бурный рост. Экспорт, а с ним и золотовалютные резервы страны быстро росли. Однако привычных импортных товаров из-за трудностей транспортировки не хватало. В этих условиях в Аргентине широко развернулась импортозамещающая индустриализация, увеличилось число местных предприятий и промышленных рабочих. К 1946 г. их было уже более 1 млн человек [5, p. 23]. Среди лиц наемного труда быстро росло число так называемых «новых рабочих» — неквалифицированных мигрантов из сельской глубинки. Они не

были объединены в профсоюзы и не пользовались никакими видами социальной защиты.

Именно эти массы аргентинских рабочих Перон решил постепенно подчинить своему личному влиянию, а в дальнейшем, опираясь на их поддержку, возглавить страну. Чтобы осуществить эти честолюбивые замыслы, он с успехом использовал Секретариат труда. Как его глава, Перон провел ряд важных мер в интересах трудящихся: ужесточил госконтроль над соблюдением норм трудового права, выделил средства на строительство социального жилья для рабочих, декретировал повышение заработных плат. Также по инициативе Перона стала применяться практика заключения коллективных трудовых договоров и трудового арбитража, было подтверждено право рабочих на забастовку, установлен минимальный размер заработной платы, введены оплачиваемые отпуска сроком до 15 дней и т.п. [6].

Под эгидой Секретариата Перон развернул формирование новых профсоюзов в тех отраслях, где раньше их не было, обещая рабочим поддержку в обмен на преданность. С помощью политического давления, а где и подкупом, он смог внедрить в руководство самых крупных и влиятельных профсоюзов своих ставленников [3, р. 40]. Чтобы укрепить свой авторитет среди рабочих и стать их «вождем», он успешно рекламировал свою работу. Перон часто лично встречался с простыми рабочими и профсоюзными активистами, широко использовал для саморекламы радио, а также, подражая Муссолини, произносил зажигательные речи перед рабочими с балкона Секретариата труда.

В 1943–1945 гг. Перон начал разрабатывать собственную политическую концепцию, или, как он говорил, «доктрину» о возможности построения «справедливого общества» (“justicialismo”, от исп. justicia — справедливость) на базе сотрудничества народа и государства [7, с. 144–145]. Его популярность как политика росла. Позже, вспоминая это время, он с удовлетворением писал: «Я создавал собственную доктрину и нуждался в массовой поддержке. Поддержку я мог получить только от народа, для чего начал политизировать его. ...По-моему, я переговорил со всем населением Аргентины, приобщив его к политической жизни... В Аргентине тех лет люди ощущали сильнейшую потребность в справедливости. И эта потребность вела народ ко мне... В те годы капля по капле складывалась и укреплялась моя харизма... А эти беседы принесли прекрасные и столь мне необходимые результаты» [3, р. 45–46].

Стремление Перона наладить и расширить связи с профсоюзами резко углубило противоречия между ним и армейскими чинами, которые были недовольны ростом его популярности среди рабочих. Один из командиров так выразил мнение многих военных: «Мы доверяли Перону, а он стал добиваться личной власти... Его действия нарушали установленный порядок, «иерархию», необходимую в армии» [8, р. 105–106].

В самом конце войны, в августе 1945 г., правительство Фарреля легализовало деятельность всех политических партий и назначило на февраль 1946 г. свободные выборы. Перон заявил о своем решении баллотироваться на пост президента. Но в начале октября 1945 г. под давлением группы военных заговорщиков он был вынужден подать в отставку со всех занимаемых постов и заявил о своем уходе из армии. Именно такие требования предъявили ему путчисты. Однако отставка Перона вызвала крайнее недовольство профсоюзов и массовые демонстрации протеста. Ведь для многих аргентинцев он действительно был фигурой обновления и надежды. Тогда заговорщики угрозами вынудили президента Фарреля отдать приказ об аресте Перона, который был задержан и помещен в тюрьму. Но массовые демонстрации в его поддержку продолжались.

День 17 октября 1945 г. вошел в историю Аргентины как дата «освобождения Перона народом». В этот день десятки тысяч рабочих и их семьи по призыву верных Перону профсоюзов собрались на Майской площади Буэнос-Айреса, перед президентским дворцом, требуя «вернуть Перона». Именно в этот день, благодаря массовой поддержке рабочих, освобожденный из-под стражи Перон, живой и невредимый, появился на балконе президентского дворца и обратился к своим сторонникам со словами благодарности и призывом поддержать его кандидатуру на грядущих выборах. Как считают исследователи, именно в этот день возникло перонистское движение («перонизм»), родился «вождь» и возникла его опора — т.н. «безрубашечники», или «дескамисадос» (от исп. «descamisados», одно из знаковых слов из лексикона сторонников Перона, означающее «бедняки», «голытьба»). После событий 17 октября Перон вернулся к исполнению своих прежних обязанностей в правительстве Фарреля и одновременно начал подготовку к президентским выборам.

Победа на выборах 1946 г. и начало президентства Перона. Выборы были назначены на 24 февраля 1946 г. В октябре – ноябре 1945 г. в ходе встреч Перона с представителями верных ему профсоюзов была создана Лабористская (трудовая) партия. В состав ее руководства вошли лидеры крупнейших аргентинских профсоюзов, такие как Л. Гай (профсоюз телефонистов), С. Рейес (профсоюз рабочих мясохладобойной промышленности) и др. Таким образом, Лабористская партия фактически объединила самые многочисленные по составу профсоюзы Аргентины. Они должны были стать опорой для победы Перона. 14 декабря 1945 г. партия официально выдвинула Перона своим кандидатом на пост президента. Его кандидатуру также поддержала часть партии радикалов и небольшие группы националистов.

Предвыборная программа Перона включала следующие основные положения: гарантии конституционных прав и свобод граждан, наделение крестьян землей, национализация имущества иностранных компаний, повышение заработной платы рабочим. Также была обещана государственная помощь малоимущим гражданам, в том числе строительство на государственные средства дешевого жилья, школ, больниц, приютов для одиноких матерей, детей, стариков и бездомных. Во внешнеполитической области Перон провозгласил независимый внешнеполитический курс и выступил за установление дипломатических отношений с СССР.

Содержание предвыборной программы Перона позволяет сделать вывод, что под влиянием поражения европейского фашизма и изменений в международной обстановке (прежде всего роста влияния СССР и США в мире) его взгляды заметно изменились, эволюционировав от увлечения корпоративизмом к этатизму национал-реформистского типа*.

Считая Перона демагогом и «фашистом», все политические партии Аргентины от коммунистов до либералов объединились накануне выборов в антиперонистский блок. Соперником Перона стал единый кандидат этого блока Хосе Тамборини, поддержку которому как антифашисту оказывало посольство США. Перона же все его противники дружно обвиняли в стремлении к диктатуре.

Несмотря на острейшую критику в свой адрес, по результатам выборов 24 февраля 1946 г. Перон одержал убедительную победу. За него проголосовали 52,4 % избирателей. В некоторых изданиях встречаются и более высокие данные голосования в поддержку Перона (но не выше 55 %). По итогам проходивших одновременно с президентскими парламентских выборов сторонники Перона во главе с Лабористской партией заняли 75 % мест в Палате депутатов Национального конгресса и все места в Сенате. Ряд исследователей полагают, что важной предпосылкой для неожиданной победы Перона стало следующее обстоятельство. Незадолго до выборов (в декабре 1945 г.) он как фактический лидер военного правительства инициировал принятие закона о выплате владельцами предприятий обязательных рождественских премий рабочим в размере оклада, то есть использовал в своих интересах административный ресурс.

4 июня 1946 г. Перон официально вступил в должность президента страны. Оценивая оглушительные результаты победы перонистов (так стали называть сторонников Перона), американский историк Р. Александер писал: «Перон был свободен в выборе, какую форму правления предпочесть — демократию или диктатуру. Он сделал выбор в пользу последней. Это было необходимо для осуществления той экономической и социальной политики, которую он наметил» [9, р. 54].

Режиму, который установил Перон, став президентом, действительно были присущи авторитарные черты. В период его правления действовала цензура, ущемлялись конституционные права оппозиции, в отношении политических противников режима нередко применялись репрессии, насаждался культ Перона как «вождя нации». Приведем несколько примеров.

*Национал-реформизм — общественно-политические движения и партии, а также их идеология, получившие широкое распространение в Латинской Америке в конце и после Второй мировой войны. Сторонники национал-реформизма требовали отстранения от рычагов управления старых торгово-финансовых элит, проведения аграрной реформы, ограничения влияния иностранного капитала, усиления государства в экономике, поддержки государством национального предпринимательства, самостоятельной внешней политики и расширения социальных реформ в интересах трудящихся.

В конце 1947 г. Лабористская партия была распущена, а вместо нее создана Перонистская партия — по сути, массовое движение, состоявшее из ряда отделений, каждое из которых напрямую подчинялось лично Перону как верховному вождю. Это движение включало в себя верные Перону профсоюзы, а также лояльные ему предпринимательские и молодежные организации, а позже и женскую перонистскую партию. Таким образом, Перон одновременно контролировал два важнейших поста: президента страны и лидера правящей партии. В условиях президентской модели государственного устройства и абсолютного доминирования перонистов в обеих палатах парламента это означало, что в руках Перона был сосредоточен полный контроль над законодательной, исполнительной, судебной властью и армией.

Роспуск Лабористской партии и преследования недавних сподвижников (С. Рейес, Л. Гай и др.) свидетельствовали о желании Перона стать единоличным вождем. Подтверждением тому стало принятие в 1949 г. полностью подконтрольным Перону Национальным конгрессом (и, кстати, в нарушение старой, 1853 г., конституции страны) новой конституции Аргентины, которая, хотя и провозглашала ряд важных социальных прав трудящихся, одновременно давала возможность действующему президенту баллотироваться на занимаемый им пост неограниченное число раз. В 1951 г. Перон был переизбран на очередной шестилетний срок с результатом в 63,5 %.

В годы правления Перона в Аргентине появилась «контролируемая пресса» [10, с. 80], предназначенная для его восхваления. В ней он был представлен «человеком судьбы», защищающим интересы народа. К числу таких изданий относились газеты «Демокрасиа», «Нотисиас графикас», «Лабориста», а также «Ла Пренса», экспроприированная у ее владельцев и переданная профсоюзам за символическую плату.

Социально-экономическая политика правительства Перона. Что касается экономики, то правительство Перона приступило к работе в весьма благоприятной обстановке. Накопленные в годы войны валютные резервы позволяли реализовать многие предвыборные обещания. Уже в 1946—1948 гг. началось формирование государственного сектора экономики. Были национализированы (с возмещением иностранным акционерам) телефонная сеть, железные дороги, некоторые другие предприятия, принадлежавшие американскому, британскому, французскому и бельгийскому капиталу. В 1947 г. Аргентина полностью выплатила государственный внешний долг.

Проведение этих мер потребовало огромных финансовых затрат. Так, сумма выкупа оказалась существенно выше реальной стоимости выкупленной иностранной собственности, что было результатом спешки, в которой осуществлялась национализация. Ведь национализация не в последнюю очередь преследовала политические цели. Перон во что бы то ни стало хотел продемонстрировать «независимость» аргентинского правительства. Тем самым был послан сигнал, прежде всего США, отношения с которыми у Аргентины все более ухудшались.

Сторонник «управляемой экономики», Перон возлагал большие надежды на государственное регулирование и планирование, отчасти ориентируясь в этой области на опыт СССР, а также послевоенных правительств Великобритании и Франции. В 1946 г. при президенте Аргентины был создан технический секретариат для разработки пятилетних планов. Предусмотренные планом государственные капиталовложения направлялись, главным образом, на развитие инфраструктуры (строительство дорог, аэропортов, электростанций, линий электропередачи и т.д.), а также социальных объектов — жилья для рабочих, школ, поликлиник, приютов для бездомных. Заметно возросла доля государственных инвестиций в промышленность, составив в их общем объеме около 35 %. Привлечение иностранного капитала в промышленность было разрешено в очень ограниченном объеме и только на предприятиях, где ведущую роль играли государство или местный частный капитал. Импорт промышленной продукции из-за границы был ограничен и регламентировался правительством [11].

Но на главном направлении экономической политики в сфере монополизации земельной собственности преобразования оказались более чем скромными. Осуществлялась продажа гражданам на льготных условиях пустующих государственных земель. Однако латифундии остались не затронутыми, разукрупнения частной земельной собственности не произошло, а следовательно, и внутренний рынок не стал ни более емким, ни более сво-

бодным. В результате болезненная зависимость аргентинской экономики от сельскохозяйственного экспорта на внешние рынки сохранилась.

Во внешней политике правительство Перона заняло так называемую «третью позицию», предполагавшую независимость от «двух мировых центров силы» — СССР и США. Уже 6 июня 1946 г. были установлены дипломатические отношения Аргентины с СССР. Внешнеполитическая риторика аргентинского правительства в адрес политики США приобрела выраженный критический тон. Вместе с тем уже 2 сентября 1947 г. Аргентина наряду с другими странами Латинской Америки присоединилась к военному договору с США, но одновременно установила дружеские связи с правительством диктатора Ф. Франко в Испании, публично осужденного ООН.

Отдельно стоит сказать о заметных успехах правительства Перона в сфере социальной политики. В эти годы представители перонистских профсоюзов заседали в Национальном конгрессе и получили возможность влиять на принятие государственных решений, касавшихся положения рабочих. Была повышена заработная плата, введено пенсионное обеспечение. Большую роль в улучшении условий жизни аргентинской бедноты сыграла молодая и красивая жена Перона Эва Дуарте де Перон (1919–1952) — в прошлом диктор и актриса на радио. Официально она не занимала никаких государственных должностей, но с согласия и по поручению Перона занималась социальной работой. Так, в сентябре 1946 г. она потребовала от председателя Палаты депутатов Национального конгресса ускорить подготовку закона о предоставлении избирательных прав женщинам, который и был принят ровно через год — в сентябре 1947 г.

Особое значение в общественной деятельности Эвы Перон занимал созданный по ее инициативе в 1946 г. фонд помощи бедным. В отличие от обычной частной благотворительности работа этого фонда имела государственный масштаб. Фонд существовал на частные, профсоюзные и частично государственные средства. Его годовой бюджет в 1952 г. достигал 500 млн долл. В руководство, помимо самой Эвы, входили члены правительства и руководители профсоюзов. По инициативе фонда было построено около 30 прекрасно оборудованных больниц и поликлиник, а также 20 детских садов и интернатов. В работу бесплатных спортивных секций было вовлечено более 500 тыс. детей. В дни общенациональных праздников детям раздавалось до 4 млн подарков. Фонд также осуществлял регулярные бесплатные раздачи товаров повседневного спроса малоимущим гражданам (продукты питания, одежду, обувь, швейные машинки, детские коляски и велосипеды и т.д.) [12, р. 25, 30, 36–38]. Работа фонда была чрезвычайно разнообразна, в день его сотрудники получали более 10 тыс. писем с просьбами о помощи. Деятельность фонда «Эва Перон» была отмечена специальной благодарностью ООН и наградами Ватикана.

Можно согласиться с тем, что деятельность фонда способствовала некоторому улучшению положения самых бедных, маргинальных слоев населения Аргентины. Но не следует забывать, что невозможно победить бедность методами «перераспределения богатства» и благотворительности, пусть и широкомасштабной. Не вызывает сомнений, что деятельность фонда имела и политическую подоплеку, то есть сознательно использовалась для возвышения Хуана и Эвы Перон.

Причины кризиса и падения перонистского режима в 1955 г. Смерть Эвы от тяжелой болезни 26 июля 1952 г. была той условной временной точкой, начиная с которой перонистский режим стал клониться к закату. Второй президентский срок Перона был отмечен ростом числа рабочих забастовок с требованиями повышения заработной платы и ставших уже привычными выплат «рождественских» и других праздничных премий. В ряде случаев правительство даже было вынуждено пойти на подавление этих выступлений.

Причины, обусловившие трудности, с которыми столкнулось правительство Перона, лежали прежде всего в хозяйственной области. Уже с конца 1948 г. экономика Аргентины постепенно вступила в полосу застоя из-за падения цен мирового рынка на зерно и мясо. Снижение цен было долговременной тенденцией, отразившей постепенное вовлечение в мировую торговлю все большего числа стран — производителей этих продуктов, успешно конкурировавших с Аргентиной (Канада, Австралия). Сокращение поступлений от внешней торговли обусловило ухудшение ситуации в аргентинской промышленности, инвестиции в которую заметно уменьшились. В 1948–1954 гг. объем

промышленного производства в Аргентине сократился на 20 %, а по некоторым отраслям — на 30–40 %.

Падение производства, с одной стороны, и быстрый рост госрасходов — с другой, подстегивали инфляцию. Этому способствовали количественный рост чиновничьей бюрократии и связанная с ним коррупция. Так, вместо 8 прежних министерств было создано 20 новых. Возникло множество дополнительных комитетов, секретариатов, комиссий и других бюрократических наростов, дублировавших функции друг друга. У одного только фонда «Эва Перон» было примерно 70 тыс. штатных и внештатных работников. Содержание громоздкого бюрократического аппарата увеличивало бессмысленные траты госбюджета. Даже сам Перон признавал, что перерасход государственных средств подстегивал инфляцию. Нарастание инфляционных процессов иллюстрируют следующие цифры. За период 1943–1955 гг. заработная плата рабочих увеличилась в среднем в 4–4,5 раза, а цены выросли в 7 раз [13, с. 475].

Падение перонистского режима было ускорено конфликтом Перона с католическим клиром. В июне 1955 г. он был отлучен от церкви за закон об отмене религиозного образования в школах и высылку из страны двух архиепископов. Эти события были использованы армейскими кругами как предлог для военного переворота. В июне 1955 г. эта попытка провалилась. Однако уже в сентябре того же года начался новый антиправительственный мятеж.

Не желая кровопролития, Перон решил уступить требованиям военных и покинуть пост президента. Он безоговорочно отказался от перспективы раздать оружие рабочим и оказать сопротивление армии, хотя подобные предложения высказывались некоторыми профсоюзными руководителями. Позже Перон объяснил принятые в сентябре 1955 г. решения словами, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что он действительно был национальным лидером, понимавшим всю меру своей ответственности перед родиной и обществом. Он писал: «Я не раскаиваюсь в том, что отказался от борьбы. Она привела бы к жертвам и опустошению страны. Я слишком люблю свой народ и слишком много сделал для родины, чтобы желать этого» [14, р. 15]. «Я ужасаюсь при одной мысли о том, что по моей вине аргентинцы могли бы стать участниками гражданской войны» [15, р. 31].

Тогда в 1955 г., осознавая реальную угрозу для собственной жизни, Перон решил тайно покинуть Аргентину и с помощью парагвайского посла бежал из страны. Благодаря бегству, он уклонился от подписания предложенного ему участниками переворота согласия об отставке. В ответ пришедшие к власти военные запретили деятельность перонистской партии, а самого Перона заочно лишили всех воинских чинов наград и званий, а также запретили ему возвращение на родину. Так начался период его восемнадцатилетней вынужденной эмиграции.

Жизнь и деятельность Перона в эмиграции (1955–1973 гг.). Вначале избегая преследований, Перон скрывался, переезжая из одной латиноамериканской страны в другую. В течение первых пяти лет — с 1955 по 1960 гг. — гонимый опасностью, он перебрался из Парагвая в Никарагуа, оттуда — в Панаму, а потом — в Венесуэлу и Доминиканскую Республику, пока наконец не нашел себе постоянного пристанища в Испании «под крылом» у Ф. Франко. Заметим, что и во время скитаний по Латинской Америке он в основном пользовался гостеприимством тех стран, где у власти находились диктаторы (А. Сомоса, Л. Трухильо, А. Стресснер и др.). Однако это вовсе не доказывает сходства общественно-политических взглядов Перона и, скажем, А. Сомосы. Выбор принимавших беглеца стран, по всей видимости, объяснялся просто: диктатурам в отличие от демократических правительств было проще обеспечить Перону полную конфиденциальность его пребывания. С 1960 по 1973 гг. Перон уже почти безвыездно жил в Мадриде, в собственном особняке, построенном для него в одном из роскошных пригородов испанской столицы.

В Европе обреченный на политическое бездействие Перон использовал время на то, чтобы четко структурировать и изложить в ряде книг, брошюр и других публикаций свою общественно-политическую концепцию «хустисиализма», или учения о «справедливом обществе». Согласно этой концепции, Аргентина должна была, в отличие от многих других стран, в «двухполюсном мире» следовать своим собственным «третьим путем», отличающимся и от капитализма, и от коммунизма. Этот особый путь, по его убеждению, предполагал достижение Аргентиной трех главных целей: экономической независимости, политического

суверенитета и социальной справедливости. В реализации этих целей ведущая роль отдавалась государству. Очевидно, что эта не очень оригинальная концепция была по сути национал-реформистской. В виде отдельных идей и лозунгов Перон распространял ее среди своих сторонников и раньше, но именно в годы эмиграции он сформулировал ее в более или менее развернутом виде.

Годы эмиграции Перон использовал и для того, чтобы подготовить свое возвращение к власти. Для этого он поддерживал очень тесную связь со своими сторонниками в Аргентине. Поскольку ему лично посещение страны было запрещено, Перон использовал специальных эмиссаров для передачи своих распоряжений действовавшим там нелегально активистам. Его посланники тайно доставляли в Аргентину книги и магнитофонные записи выступлений лидера, обращенные к народу, которые в дальнейшем тиражировались и распространялись как «самиздат». За время отсутствия Перона в Аргентине сменилось несколько военных и гражданских правительств, но экономическая и политическая стабильность в стране так и не была достигнута. Напротив, отсутствие серьезных структурных реформ наряду с частыми и резкими сменами экономического и политического курса вели на рубеже 1960–70-х гг. к серьезному обострению внутривнутриполитической ситуации, что создавало условия для возвращения перонистов к власти.

Выборы 1973 г. и возвращение Перона в Аргентину. Несмотря на запрет перонистской партии, деятельность перонистских организаций в Аргентине в 1950–60-е гг. постепенно возобновилась, пусть и под другими названиями. Большинство же аргентинских профсоюзов как были, так и остались приверженцами Перона. В такой обстановке и на фоне стремительно ухудшавшегося экономического положения очередной военный президент Аргентины генерал Лануссе объявил, что 11 марта 1973 г. будут проведены свободные всеобщие выборы.

Военные не разрешили Перону баллотироваться на пост президента, но были вынуждены смириться с участием в выборах широкого политического блока его сторонников — «Хустисиалистского фронта освобождения» (ХФО). Кандидатом в президенты от ХФО стал соратник Перона Эктор Кампора. Победа ХФО на выборах в марте 1973 г. (блок завоевал 49,6 % голосов) позволила Кампоре занять высший пост в государстве без проведения второго тура голосования. Но после возвращения 20 июня 1973 г. в Аргентину Перона, Кампора сразу же подал в отставку, уступая место национальному лидеру. В сентябре 1973 г. были проведены новые президентские выборы, по итогам которых 78-летний Перон получил поддержку 62 % их участников и в третий раз стал президентом страны. Пост вице-президента заняла его новая 42-летняя жена (в прошлом балерина) М.Э. Мартинес де Перон. Оценивая все произошедшее в 1973 г. в Аргентине «политические землетрясения», Перон со свойственным ему юмором так объяснил победы своих сторонников: «Дело не в том, что мы лучше всех, но те, что пришли после нас, были так плохи, что мы стали лучшими» [3, р. 275].

Перон вернулся в Аргентину на гребне революционной волны, обусловленной падением власти военных и ростом популярности социалистических идей вследствие Кубинской революции и опыта Народного единства в Чили. В результате в перонизме усилилось левое революционное крыло, представленное в основном молодыми рабочими и студентами. Эта молодежь знала о Пероне только по рассказам старших, но считала его революционером и ожидала от его правительства глубоких преобразований. Перон же, будучи прагматиком, не хотел терять поддержку революционной молодежи. Поэтому еще в эмиграции он часто говорил и писал о том, что его «хустисиализм» — это особая форма «национального» «аргентинского» социализма. Так он пытался казаться «революционером» и привлечь больше молодежи в ряды перонистского движения.

Последнее правительство Перона: сдвиг влево. Став главой государства, Перон встретился с руководителями перонистских молодежных военно-политических группировок и взял с них слово прекратить любые вооруженные действия. Со своей стороны он как президент дал им обещание провести глубокие преобразования в интересах трудящихся. Отношение разных социальных групп, поддержавших правительство Перона, к проводимому им государственному курсу было различным. С точки зрения революционно настроенной молодежи, политика его правительства была слишком умеренной и осторожной. С позиций национального бизнеса и средних слоев населения она представлялась излишне радикальной.

Что конкретно было сделано? Была запрещена деятельность иностранных компаний

в 11 ключевых отраслях аргентинской экономики (энергетика, транспорт, банковское дело, страхование, торговля и т.д.), а вывоз прибылей для бизнесменов-иностранцев ограничен до 12,5 %. Начал действовать «трехлетний план развития», согласно которому социальные расходы государства постепенно должны были вырасти до 52 % от ВВП. Был подготовлен аграрный закон, согласно которому вводились высокие ставки налога на необрабатываемые крупные частные земельные владения, что реально ущемляло интересы олигархов. Но главное — был заключен «Пакт национального согласия» между государством, профсоюзами и предпринимательскими объединениями сроком на два года (1973–1975 гг.). Он был нацелен против инфляции. Согласно пакту, на этот срок «замораживались» цены на основные продукты питания, медикаменты и товары первой необходимости, а также размеры заработных плат и семейных пособий для рабочих (правда, предварительно несколько увеличенных). Забастовки также были запрещены на два года [16].

Конечно, предложенные меры были менее радикальными чем, например, реформы правительства Народного единства в Чили. Но они имели ту же направленность: ограничение роли иностранного капитала, увеличение госрасходов на социальные нужды, активное вмешательство государства в сферу экономики, финансов и социальных отношений вплоть до регулирования цен и ограничения вывоза прибылей. Эти меры в совокупности, бесспорно, выходили за рамки традиционного неокейнсианства, даже левого. Можно сказать, что они несли в себе социал-демократическое, социалистическое содержание.

К сожалению, третье президентство Перона было недолгим. 1 июля 1974 г. он неожиданно скончался от приступа ишемической болезни сердца. Ему было 79 лет. Смерть Перона на время вновь сплотила его многочисленных сторонников — и левых, и центристов, и правых. Их безоговорочная поддержка помогла его вдове М.Э. Мартинес де Перон легитимно занять пост президента Аргентины, став при этом первой в мире женщиной-президентом. Однако неудачная попытка правительства М.Э. Мартинес де Перон сменить правительственный курс на более умеренный, резко отказавшись от «замораживания цен и зарплат», привела к новому витку инфляции, забастовкам рабочих, обострению противоречий внутри правительства и в конечном итоге — к очередному военному перевороту 24 марта 1976 г.

* * *

Если можно так выразиться, Перону «повезло»: он не узнал о том, что в 1976 г. перонистское правление было сметено очередным военным переворотом, подобно тому как это произошло в 1955 г. Предпосылки, которые привели к такому развитию событий, коренились, в том числе, в политических разногласиях внутри самого перонистского блока. Перонистский проект 1972–1973 гг. оказался гораздо радикальнее реформ 1940–50-х гг. Это стало следствием растущего влияния в Аргентине революционно настроенной молодежи: рабочих и студентов, в том числе левых перонистов. Ожесточенное противостояние между леворадикальным и правым крылом перонистского движения еще больше углубилось после смерти лидера, когда его преемница попыталась повернуть курс государства вправо. Это противостояние привело к установлению в стране одной из самых кровавых военных диктатур за всю ее историю.

В сегодняшней Аргентине имя Хуана Перона и Эвы Перон по-прежнему произносят с глубоким уважением. В 2003–2015 гг. у руководства страны встали новые лидеры хустисиалистской партии «Фронт за победу» Нестор Киршнер (2003–2007 гг.) и его жена Кристина Фернандес де Киршнер (2007–2015 гг.). В эти годы, последовавшие за провалом неолиберальных реформ, экономическая, социальная и внешняя политика Аргентины в очередной раз была перестроена на принципах, провозглашенных много лет назад Пероном: экономическая независимость, социальная справедливость, политический суверенитет. В результате сложилась умеренная левоцентристская модель развития, сочетающая преимущества представительной демократии и рыночной экономики, а также предполагающая особое внимание к решению острых социальных проблем общества. В этой модели развития современной Аргентины очевидны родство и преемственность с идейно-политическим наследием Хуана Доминго Перона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Например: «Восточный фронт Первой мировой войны. 1914 г. Стратегия» (1928), «Заметки по военной истории. Русско-японская война» (1933). На исп. яз.
2. Perón: el hombre del destino. Т. 1–4. — Б.А., 1965. Т. 1.
3. *Yo, Juan Domingo Perón*. Relato autobiográfico. — Barcelona, 1976.
4. La historia de Eva Perón. Т. 1–2. — Б.А., 1985. Т.1.
5. Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores. Diario de sesiones. Año 1948. — Б.А., 1949.
6. *Alexander R.* The Perón Era. — N.Y., 1951. — P. 24–25; *Ермаков Д.Н.* Перонизм и построение правового демократического государства // Латинская Америка. 1997. № 6.
7. *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. — М., 2002.
8. Цит. по: Sebreli J. Eva Perón ¿aventurera o militante? — Б.А., 1966.
9. *Alexander R.* Juan Domingo Perón: A History. — Westview, 1979.
10. История Латинской Америки. Вторая половина XX века. — М., 2004.
11. El Plan quinquenal de Gobierno del Presidente Perón — 1947–1951— Б.А., 1947.
12. Ministerio de educación de la Nación. Labor desarrollada durante la primera presidencia del General Juan Perón. 1952.
13. Очерки истории Аргентины. — М., 1961.
14. *Perón J.D.* La fuerza es el derecho de las bestias. — Montevideo, 1958.
15. *Perón J. D.* Del poder al exilio. — Б.А., 1973.
16. Acta del compromiso nacional // Plan trienal para la reconstrucción y la liberación nacional: 1974–1977. República Argentina. Poder ejecutivo nacional. — Б.А., 1973, —p. 21, p. 297–309, p. 313–316; Comercio exterior. — México, 1973, № 5, — p. 448.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Визгунова Юлия Ивановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Дабагян Эмиль Суренович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Докучаева Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Дьякова Людмила Владимировна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Ермольева Элеонора Георгиевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Кудеярова Надежда Юрьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Кузнецов Денис Андреевич — магистр зарубежного регионоведения МГИМО МИД России.

Мамаев Кирилл Андреевич — бакалавр зарубежного регионоведения МГИМО МИД России.

Музыка Анастасия Андреевна — магистр зарубежного регионоведения МГИМО МИД России.

Окунева Людмила Семеновна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, зам. председателя Иberoамериканского центра МГИМО, директор Центра БРИКС ИМИ МГИМО, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН.

Хмелевская Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей МГИМО МИД России.

Чекова Жанна Максимовна — магистр зарубежного регионоведения МГИМО МИД России.

Итоги XXIII конкурса студенческих работ по ибероамериканистике в МГИМО

В Ибероамериканском центре МГИМО МИД России в рамках Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) и при поддержке журнала «Латинская Америка» состоялся традиционный ежегодный конкурс студенческих работ. Представляем его результаты.

I место

Д. Кузнецов. Интеграционные процессы в Латинской Америке на современном этапе: политические и идеологические аспекты.

Ж. Чекова. Основные направления внешнеполитической деятельности Бразилии в рамках ООН.

А. Музыка. Влияние европейской и азиатской иммиграции XIX — начала XX вв. на развитие Бразилии и проблема интеграции иммигрантов в бразильское общество.

К. Мамаев. Влияние энергетической дипломатии на концепцию внешней политики США в Латинской Америке.

II место

А. Бычкова. Причины сепаратистского движения в современной Каталонии: историческая ретроспектива.

Л. Калинин. Основные направления внешней политики Аргентины после восстановления демократического строя (1983–2015 гг.).

Е. Постникова. Политика Британии в Латинской Америке на современном этапе на примере Аргентины и Чили.

А. Гришин. Трансформация политического режима на Кубе (2006–2015 гг.).

III место

Е. Кольцова. Отношения Бразилии со странами Африки в рамках сотрудничества Юг — Юг на современном этапе.

А. Падежнова. Особенности взаимоотношений Бразилии и Китая на современном этапе.

С. Пестун. Основные региональные направления внешней политики государств — членов МЕРКОСУР.

В. Фофанова. Отношения Меркосур и ЕС: переговоры о создании ЗСТ.

В. Иванова. Особенности отношений между Испанией и Францией в конце XX — начале XXI вв.

Б. Догадкин. Испания в НАТО (1982–2015 гг.).

Почётных дипломов Иberoамериканского центра удостоены:

В. Панков. Движение «Бразильское интегралистское действие» и его постулаты.

А. Королева. Перенос столицы Бразилии в период правления Ж. Кубичека.

М. Каповская. Фульхенсио Батиста в истории Кубы.

Е. Ненахова. Роль Бразилии в структурах ООН в начале XXI в.

М. Колесина. Становление авторитарного режима Пиночета в Чили (1973–1978 гг.).

Конкурсная комиссия отмечает вклад и выражает благодарность научным руководителям лауреатов: профессорам *Н.Е. Аникеевой, Н.Ю. Кавешникову, Н.К. Капитоновой, О.В. Лебедевой, Б.Ф. Мартынову, Л.С. Окуневой, В.П. Судареву, С.М. Хенкину.*

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

Редактор — *В.И. Шанкина*
Технический редактор — *Е.П. Конюхова*
Дизайн, верстка — *К.Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8(495) 434–20–44.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Подписано в печать ...11.2015
Формат 60×84 1/16. Гарнитура
Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 14
Тираж 500 экз. Заказ №
ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76

